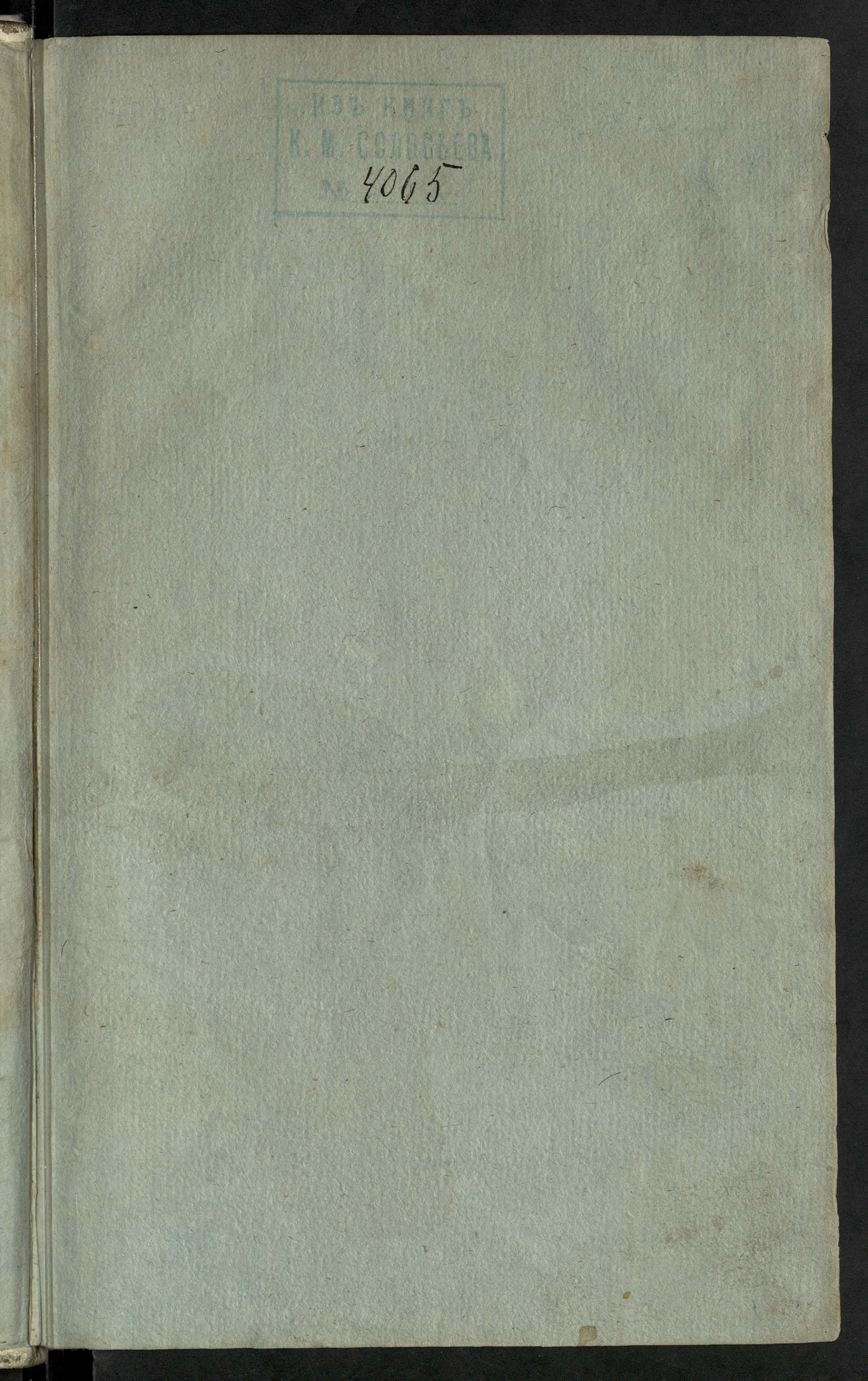

ИЗЪ КНИГЪ
К. М. СОЛОВЬЕВА
№ 4065

ИРОЙ

ВАЛТАЗАРА ГРАЦІАНА,

СЪ

КРИТИЧЕСКИМИ, ИСТОРИЧЕСКИМИ

И

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫМИ

ПРИМѢЧАНІЯМИ

ГОСПОДИНА КУРБЕВИЛЯ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова,
1792.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу подъ заглавіемъ: *Ирой Валтазара Граціана*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Логики и Метафизики Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

Андрей Брянцевъ.

ИРОЙ
ВАЛТАЗАРА ГРАЦІАНА.

ГЛАВА I.

О томъ, чтобъ способности Ироя были непроницаемы и никѣмъ недовѣдомы (1).

Первое искусство великаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы узнавъ свои дарованія и свойства, умѣть употреблять оныя со всякою бережливостію. Предварительное оныхъ познаніе есть извѣстное средство, по которому можетъ, да и долженъ Ирой сообразоваться во всемъ касательно достоинствъ и всѣхъ своихъ заслугъ. Сказать не можно, сколь великое требуется на то знаніе, дабы умѣть тронуть сердца людей, и пріобрѣсть себѣ почтеніе у всѣхъ, не показавъ притомъ никому вдругъ своихъ дарованій (2). Не малое нужно на это искусство поставить себя на такой ногѣ, чтобъ всѣ занимались лестнымъ ожиданіемъ лучшаго отъ

 насъ.

насъ. Весьма то выгодно знать, какъ можно, не доводя до истощенія или ослабленія надежды о себѣ въ публикѣ, удержать себя въ почтеніи оной. Словомъ, всѣ свои дѣла должно Ирою производить такъ, дабы великое его предпріятіе, славное и громкое дѣяніе и отличные въ своемъ родѣ подвиги могли всѣмъ обѣщать многіе другіе еще и лучшіе ихъ (3), и въ силахъ бы были питать всѣхъ безпрерывною надеждою и ожиданіемъ новыхъ и прежнихъ превосходнѣйшихъ отечеству услугъ.

Кто хочетъ удержать къ себѣ удивленіе людей, тому въ достиженіи сей цѣли нѣтъ лучшаго средства, какъ сдѣлаться непроницаемымъ въ разсужденіи своихъ талантовъ, то есть, не показывать обширности своего разума, и всѣхъ способностей своихъ. Рѣка до тѣхъ поръ кажется намъ страшною, пока мы не узнаемъ ея глубины: равнымъ образомъ и разумной человѣкъ дотолѣ только пребываетъ въ великомъ у людей уваженіи, доколѣ они не находятъ предѣловъ его разума. Неизвѣстная и мнимая глубина его достоинствъ доставитъ ему навсегда и отъ всѣхъ великое почтеніе и преимущество предъ другими.

Политики говорятъ весьма основательно и благоразумно, что попускать другому изъвѣдывать свои способности, значитъ тоже, что отдавать себя въ совершенную его власть

и

и управленіе. Извѣдываніе качествъ другаго, а особливо склонностей, властвующихъ умомъ какогобъ то ни было начальника, подкомандующимъ его удачно произведенное въ дѣйство, способствуетъ и удобно вспомоществовать можетъ оному перемѣнять виды своего состоянія, больше же всего въ такомъ случаѣ, когда вельможа, управляющій знатною должностію, ни въ какія не входитъ дѣла, и бываетъ извѣстенъ публикѣ по одному своему имени; тогда подчиненный, узнавъ его слабость, найдется конечно въ состояніи вступить во всю его силу и власть и дѣйствовать оною по волѣ и расположеніямъ своимъ; словомъ, подчиненному, узнавшему подробно свойство начальника слабыхъ качествъ, вѣрно не трудно будетъ воспользоваться властію его во всемъ. Тотъ же напротивъ того изъ командующихъ, котораго никто не можетъ проникнуть, остается всегда самоуправляющимъ, и живетъ отъ всѣхъ независимымъ, какъ будто въ области неприступной.

А за тѣмъ и надлежитъ быть особамъ знаменитымъ весьма внимательнымъ и осторожнымъ въ разсужденіи такихъ людей, кои стараются узнать, доколѣ простираются способности ихъ ума. Поступайте во всѣхъ вашихъ дѣлахъ по примѣру великихъ художниковъ, при всемъ своемъ искусствѣ не скоро и не вдругъ открывающихъ ученикамъ знаніе своего ремесла, но показывающихъ имъ по-

степенно и понемногу правила въ своемъ ремеслѣ. У нихъ основаніе, составляющее главную часть ихъ мастерства, почитается такою тайною, которую они никому не объявляютъ; а посредствомъ сей предосторожности и удерживаютъ при себѣ отъ всѣхъ славу, способствующую имъ во всю жизнь слыть первыми и прямо такими знатоками въ своемъ дѣлѣ, что всѣ удивляются беспредѣльному ихъ въ ономъ искусству.

По самой же справедливости сказать, такъ тотъ только, кто такимъ образомъ ищетъ достигнуть до непостижимости своихъ талантовъ, и имѣетъ честь лучше и болѣе другихъ уподобляться верьховному Существу; ибо прочія безчисленности стараній ни мало сего не стоятъ; одно благородное сіе стремленіе составляетъ основаніе иройства и величія въ свѣтѣ. Правда, что не всякой въ состояніи сдѣлаться неистощимымъ въ силахъ потребныхъ на то, но по крайней мѣрѣ можетъ онъ казаться недовѣдомымъ въ нихъ, и подавать чрезъ сіе знакъ твердаго и возвышеннаго въ себѣ духа. А за тѣмъ и можно уже сказать, что тотъ, кто съ надлежащимъ вниманіемъ вникаетъ въ сіе столь тонкое предпріятіе, конечно не будетъ удивляться тому чудному и странному изреченію онаго Митиленскаго мудреца, которой всегда говаривалъ относительно сего правила такъ:

что

что половина стоитъ иногда дороже всего цѣлаго (4), т. е. когда мы выказываемъ одну половину нашихъ способностей, а другую скрываемъ, то скрываемая и сберегаемая такимъ образомъ половина будетъ конечно важнѣе цѣлаго того же рода издерживаемаго безъ всякой бережливости.

Въ искусствѣ же обнадеживать публику всегдашнимъ ожиданіемъ отмѣнныхъ отъ себя дѣлъ наиболѣе прославился Фердинандъ Католикъ, первой Государь новаго свѣта, послѣдній Аррагонской Король и Монархъ, превозшедшій благоразумнымъ правленіемъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ обращалъ на себя удивленіе всей Европы, и занималъ ее болѣе благоразумнымъ употребленіемъ рѣдкихъ своихъ качествъ, коихъ знаменитыя дѣйствія слѣдовали безпрерывно одни за другими, нежели множествомъ лавръ, украшавшихъ его голову. Политика его, превосходящая всякую современныхъ ему Государей, была тѣмъ достопамятнѣе, что онъ умѣлъ скрывать всѣ дѣйствующія ею пружины отъ глазъ цѣлаго свѣта (5), отъ глазъ своихъ придворныхъ, и отъ всѣхъ весьма приближенныхъ къ нему людей. Самая Королева Изабелла, свѣтлѣйшая его супруга, хотя впрочемъ и страстно любимая Фердинандомъ, не знала однакожъ ничего о его намѣреніяхъ. Придворные сего Монарха сколько ни старались испытывать и извѣдывать

его предпріятія, но всѣ ихъ покушенія и всѣ пронырства оставались до того тщетными, что знали они своего Государя только по однимъ послѣдствіямъ его дѣяній, коихъ новая громкость и новая слава приводила ихъ въ величайшее удивленіе.

Младые Ирои, плѣняющіеся славою! вы, которые ищете прямаго величія въ свѣтѣ (6)! старайтесь какъ можно достигнуть до того соверш нства, о которомъ мы теперь разсуждали. Поступайте всегда такъ, чтобы признавая васъ достойными почитанія, никто не могъ проникнуть во всѣ способности вашихъ качествъ. При такомъ поведеніи будутъ казаться посредственныя ваши дарованія великими, а великія чрезвычайными (7).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *О томъ, чтобъ способности Ироя были непроницаемы и никѣмъ несвѣдомы.*

Граціанъ заключаетъ въ сей главѣ два краткія правила, изъ коихъ одно входитъ въ другое; но я предложу изъ нихъ слѣдующее: Мужъ разумной не только не долженъ самъ превозноситься цѣною своихъ достоинствъ, но обязанъ всячески препятствовать во глубину оныхъ проницать старающимся. Таланты его должны быть для всѣхъ и всѣмъ недовѣдомы; долгъ его есть употреблять ихъ съ такимъ добрымъ хозяйствомъ, съ какимъ поступаютъ всѣ скопидомы съ своимъ имѣніемъ; ибо достоинства тускнутъ, или ветшаютъ такъ сказать отъ того, когда ихъ

неумѣренно станешь въ себѣ открывать и тщеславиться ими. Обнаружьте вдругъ все въ политикѣ и наукахъ ваше знанїе, чтожъ вамъ останется еще выказывать людямъ? и чѣмъ вы будете удерживать почтенїе публики при себѣ? Конечно безвозвратную потерю отъ того потерпите. Я не знаю, говоритъ Брюеръ, кто изъ двухъ стоитъ большаго сожалѣнїя: тотъ ли, кто не бережетъ своего имѣнїя, или тотъ, кто небрежливо обходится съ своимъ разумомъ и знанїемъ? Расточенїе какъ того, такъ и другаго опасно. Того не довольно, говоритъ издатель нравственныхъ разсужденїй, чтобы имѣть всякїи дарованїя, но надобно умѣть и употреблять ихъ съ умомъ.

(2) *Умѣть тронуть сердца людей и прїобрѣсть себѣ почтенїе у всѣхъ, не показавъ притомъ никому вдругъ своихъ дарованїй.*

Маркъ-Антонїй, пришедъ въ Сирїю, и вступивъ въ самой молодости подъ предводительствомъ Губернатора сей провинцїи въ военную службу, командуя конницею, тотчасъ отличилъ себя храбростїю; ибо при первомъ съ Аристовуломъ Iудейскимъ Царемъ сраженїи не только его побѣдилъ, но и взялъ онаго въ плѣнъ. Тотъ съ великою вступаетъ въ свѣтъ славою, говоритъ Аббатъ Сентъ-Реаль, кто начинаетъ такими славиться побѣдами, при которыхъ и самые Цари берутся въ плѣнъ.

(3) *Великое его предпрїятїе, славное и громкое дѣянїе и отличные въ своемъ родѣ подвиги могли бы всѣмъ обѣщать многїе другїе еще и лучшїе ихъ.*

Правило сїе весьма рачительно умѣлъ соблюсти Римской Генералъ Агрикола. Онъ, бу-

дучи посланъ на Агличанъ, и одержавъ надъ ними знатнѣйшую побѣду, написалъ къ Императору только то, что оружїе его взяло надъ непрїятелемъ верьхъ и преимущество. А хотя по донесенїю такому являлся онъ быть трїумфа и недостойнымъ, однакожъ слава его, говоритъ Тацитъ, возрастала о немъ тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше онъ самъ ею превозносился, и народъ взявъ съ того времени великїя о немъ мысли, началъ полагаться во всемъ на его храбрость.

(4) *Половина стоитъ иногда дороже всего цѣлаго.*

Филиппъ Вторый конечно еще не совсѣмъ разумѣлъ тогда сїе правило, когда онъ ѣздилъ въ Аугсбургъ на государственной сеймъ, и чаялъ быть тамъ избранъ въ Римскїе Короли; ибо обратилъ онъ, по сказанїю нѣкотораго писателя, безвременнымъ своимъ многословїемъ и происходящимъ отъ молодости излишнимъ на способности свои надѣянїемъ, въ ничто всѣ взятыя отцемъ его на то мѣры; послѣ же такъ онъ въ поведенїи своемъ исправился, что никогда уже не впадалъ ни въ какую въ разговорахъ невоздержность, и всѣ его поступки сдѣлались столько таинственными, что придавали всегда почтительность и уваженїе его особѣ. Въ государственной совѣтъ ходилъ весьма рѣдко для того, чтобы не оказаться малознающѣе своихъ Министровъ; когда же въономъ бывалъ, то говаривалъ столь сокращенными словами, что надобно было почти отгадывать его мысли. Для тѣхъ, говоритъ Монтань, кои повелѣваютъ и управляютъ людьми, или кои держатъ сей свѣтъ

въ

въ своихъ рукахъ, мало, чтобы имѣть простой смыслъ, и знать только то, чему всѣ мы горазды.

(5) *Фердинандъ умѣлъ скрывать всѣ дѣйствующія своей политики пружины отъ глазъ цѣлаго свѣта.*

Лудовикъ XII, Король Французскій, былъ одинъ изъ его соперниковъ, о которомъ, такъ какъ и о прочихъ, Граціанъ не упоминаетъ ни слова. Правда, что онъ съ Фердинандомъ касательно политики равняться не могъ, однакожъ и это извѣстно, что со стороны послѣдняго не весьма искренно съ нимъ поступаемо было. Не удивительно казатися имущимъ непроницательной умъ тому, кто изгнавъ справедливость и честь изъ всей своей политики, основываетъ свои дѣла безъ зазору совѣсти на обманахъ и лжи; но такіе поступки прямому Ирою совсѣмъ неприличны.

(6) *Младые Ирои, плѣняющіеся славою, вы, которые ищете прямаго величія въ свѣтѣ!*

Много потребно мудрости на пріобрѣтеніе почитанія отъ всей публики; да и въ томъ великое состоитъ искусство, умѣть во время дарованіями своими такъ блеснуть, чтобы цѣлой свѣтъ никогда не могъ видѣть конца послѣдствіямъ отъ нихъ. Лучшее же средство удерживать добрую о себѣ славу есть то, чтобы великія дѣла, и уже исполненныя, обѣщевали по себѣ впредь наивеличайшія, и за добромъ бы всегда слѣдовало непремѣнно лучшее благо. Мужъ великій, хотящій пребыть удивленіемъ народа, да поступаетъ такъ, чтобы никто не вѣдалъ всего его знанія, и никто бы никогда похвалиться тѣмъ не смѣлъ,

что

что онъ можетъ опредѣлить границы его способностей. Какъ бы кто мудръ ни былъ, но та мысль, какую люди по невѣдѣнію всѣхъ достоинствъ о человѣкѣ имѣютъ, превосходитъ конечно оное понятіе, каковое получается отъ совершеннаго познанія его дарованій. Почему и надлежитъ весьма воздерживаться отъ обнаруживанія вдругъ своихъ силъ; лучше имѣть въ готовности и въ запасѣ такое знаніе, которое бы въ нужномъ случаѣ быть могло подпорою и пособіемъ всему, нежели рваться изъ послѣднихъ силъ на то, чтобъ поставить себя предъ всѣми мудрымъ на одинъ часъ. . . . Не малое есть искусство умѣть не вдругъ, но постепенно и мало помалу разсѣвать свое знаніе. Всѣ великіе художники конечно съ тѣмъ умысломъ не преподаютъ вдругъ правилъ ученикамъ своимъ, дабы остаться навсегда мастерами, а чрезъ то и удерживаютъ они себя въ славѣ и почтеніи у всѣхъ.

(7) *При такомъ поведеніи будутъ казаться посредственныя ваши дарованія великими, а великія чрезвычайными.*

Дворъ, говоритъ де ла Брюеръ, не изъятъ отъ такого разбору людей, коимъ знаніе свѣта, вѣжливость и щастіе служатъ вмѣсто разума и разсудка, и составляютъ всѣ ихъ достоинства. Они знаютъ войти и выйти изъ человѣка; избавляются отъ важныхъ разговоровъ тѣмъ, что не вмѣшиваются ни во что, угождаютъ всѣмъ своимъ молчаніемъ, и дѣлаются важными отъ долговременнаго таинствованія самыхъ бездѣлицъ; а естьли когда и отвѣтствуютъ на что, то отвѣчаютъ двоемысленнно, и расплачиваются со всѣми то

ужим-

ужимками плечь и лица, то улыбкою и измѣненїемъ голоса и словъ; короче сказать, одними ничего незначущими тѣлодвиженїями. А хотя впрочемъ и не имѣютъ, естьли осмѣлюсь сказать, ни на два перста глубины разума, и суть прямыя, когда на нихъ пристально посмотришь, во всемъ тупицы; однакожъ умѣютъ казаться въ глазахъ публики такого уваженїя стоющими, что едва ли не лучше являются быть и тѣхъ, кои суть умны и разсудителны точно, да тихи и скромны.

Чтожъ касается до того, что великой разумъ можетъ отъ мудраго употребленїя казаться безконечнымъ, или неограниченнымъ, то я представляю здѣсь въ примѣръ Аннибала. Сей Карѳагенской Генералъ не слишкомъ превозносился тогда, когда поставлялъ себя въ военной наукѣ не меньше знающимъ Александра и Пирра. Естьли взять въ разсудокъ то, какъ успѣвалъ онъ приводить людей разныхъ родовъ подъ свое правленїе, дѣлать всѣхъ ихъ единодушно себѣ послушными, проницать въ характеры противъ его командующихъ, предупреждать ихъ намѣренїя и покушенїя, и умножать число своихъ побѣдъ при безпрерывномъ недостаткѣ въ деньгахъ и хлѣбѣ: то должно будетъ о немъ сказать, что умѣлъ онъ находить въ храбрости своей и въ своемъ умѣ такїя подпоры, кои до него обоимъ онымъ великимъ въ войнѣ Ироямъ были совсѣмъ неизвѣстны.

ГЛАВА II.

Ирою надлежитъ не допускать никого до познанія своихъ пристрастій (1).

Хотя бы ваше поведеніе было и столько осторожно и осмотрительно, что никто бы не могъ узнать предѣловъ способностей вашихъ и талантовъ, но все то останется навсегда безполезнымъ, естьли не будетъ доставать вамъ искусства и умѣнья скрывать склонности вашего сердца. Императоръ Тиверій и Лудовикъ XI, Король Французской, понимали столь хорошо истинну сего правила, что основывали на немъ всю свою политику. Правда, что скрываемая страсть есть все-таки страсть, однакожъ умѣть утаевать оную отъ всѣхъ стоитъ великой важности. Движенія сердца, начинающаго приходить въ слабость, и изнеможеніе онаго суть явные знаки иройства къ паденію клонящагося; ему наносится чрезъ то смертельной ударъ, когда сердечныя его слабости всѣмъ становятся извѣстны.

Чего ради и надлежитъ крайнѣ пещися о низложеніи и умѣреніи въ себѣ дурныхъ своихъ склонностей; отъ нихъ надлежитъ воздерживаться при самомъ ихъ возрожденіи (2), а по крайней мѣрѣ прилагать возможныя силы на то, чтобы умѣть скрывать ихъ искусно отъ глазъ всего міра. На первой случай требуется великая духа твердость, а для послѣдняго нужно чрезвычайное проворство съ ловкостію. Первое средство, не гово-

во-

воря о томъ, что необходимо нужно, и что должно обуздывать страсти, могло бы быть во исполненіи конечно легче послѣдняго; но поелику человѣческое сердце наклонно скорѣе обо всемъ по обычаямъ и по предубѣжденію, нежели по здравому разсудку судить, то и остается оно недѣятельнымъ и недѣйствительнымъ почти всегда. Но какъ бы то ни было, только тѣ изъ Ироевъ, кои показываются невольниками своихъ страстей, весьма себя унижаютъ, и помрачаютъ въ глазахъ мудрыхъ людей свою славу. Умѣющіе же напротивъ того скрывать свои склонности избавляются отъ всѣхъ осужденій и такихъ нареканій, которыя удобны въ короткое время становиться извѣстными всѣмъ. А понеже верьхъ проницательнаго разума состоитъ въ томъ, чтобы умѣть узнавать расположенія человѣческихъ сердецъ, то и слѣдуетъ имѣть надъ собою такое владычество и такую силу и власть, которая бы ограждала насъ отъ всѣхъ зазорныхъ искушеній, и творила бы умъ нашъ непроницаемымъ для проворнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ изпытателей склонностей нашихъ.

Да я уже и сказывалъ выше, что по мнѣнію глубокихъ политиковъ открыть способности въ человѣкѣ есть то же, что и взять надъ нимъ совершенную власть (3), или подчинить его совсѣмъ своей волѣ, что и теперь

перь подтверждая говорю, что между предположеніемЪ, обнаружить свою страсть, и дать оружіе на покореніе самаго себя, нѣтЪ разности никакой. КакЪ обрадуются тогда люди, желающіе имѣть свѣденіе о вашихЪ склонностяхЪ, когда вы сами откроете имЪ слабую свою сторону! ТотчасЪ нападутЪ они на васЪ вооруженною рукою, да и немедленно успѣютЪ вЪ своемЪ предпріятіи; ибо до тѣхЪ порЪ не престанутЪ приставать кЪ вамЪ сЪ силою соединенною сЪ хитростію и проворствомЪ, пока не преодолѣютЪ васЪ совершенно, и не сдѣлаютЪ жертвою своего произволенія. А вЪ томЪ и успѣютЪ они тѣмЪ скорѣе, что сердечныя склонности и страсти суть вѣрные пути, ведущіе кЪ сей цѣли. Сколь скоро будутЪ оные извѣстны, то покажутся надежныя средства кЪ преодолѣнію человѣка ими управляемаго. Враги, узнавши пристрастія и склонности ваши, и овладѣвЪ ими, будутЪ располагать вами яко слабымЪ человѣкомЪ, такЪ какЪ управляется имѣніе, непринадлежащее никакому господину и хозяину, или такое, надЪ которымЪ почитается властителемЪ тотЪ, кому его прежде другихЪ удалось захватить.

Языческая древность, присоединя кЪ числу боговЪ такихЪ людей, которые вЪ сравненіи сЪ АлександромЪ не произвели и поло-

ловины славныхъ противъ его дѣлъ, отреклась удостоить обоженія сего Македонскаго Ироя, и не приписала ни малѣйшаго на небесахъ мѣста тому, котораго чудеснымъ подвигамъ удивлялись во всѣхъ концахъ міра. Отъ чегожъ могла произойти въ поведеніи древнихъ мудрецовъ столь превеликая разность? Для чего они одному оказывали жестокость, а другимъ чрезмѣрное снисхожденіе? Для того, что Александръ неумѣренным гнѣвомъ помрачилъ всю свою славу. Онъ тысящекратно измѣнялъ прямымъ свойствамъ Ироя, и тысящекратно оказывался самымъ низкимъ человѣкомъ и невольникомъ своихъ страстей. Когда же Александръ, не умѣя управлять самимъ собою, потерялъ право славиться великимъ мужемъ, и лишилъ себя чрезъ то всей той чести, которая сопрягается съ преимуществомъ симъ, то получилъ ли бы какую онъ пользу и отъ того, естьлибъ удалось ему сдѣлаться завоевателемъ и всѣхъ частей свѣта? Всегда бы слылъ онъ и за тѣмъ все-таки человѣкомъ порочнымъ.

А за тѣмъ и признаютъ необузданной гнѣвъ и безмѣрное сладострастіе такими опасными подводными камнями для иройства, объ которые по большой части сокрушается честь, слава и доброе онаго имя. Правда, что чрезвычайные или великіе люди рѣдко бываютъ умѣренны въ своихъ дѣлахъ; да и кажется,

будто они никакимъ столько не предаются страстямъ, какъ тѣмъ, о которыхъ мы теперь говорили; потому что являются они нѣкоторымъ образомъ входить могущими въ самое сложенiе характеровъ Ироевъ, особливо же Ироевъ воиновъ, почему и надлежитъ имъ весьма беречься того, чтобы жаръ храбрости ихъ не перемѣнялся въ ярость, равно какъ и безмѣрное желанiе славы не превращалось бы въ предметъ совсѣмъ его недостойной (4). Должно для укрощенiя и обузданiя сихъ двухъ страстей, всякiя надъ собою усилiя употреблять, и ежели истребить ихъ вовсе не льзя, то по крайней мѣрѣ надобно принимать хотя возможныя мѣры на то, чтобъ были онѣ отъ всѣхъ и всегда скрыты (5); ибо и одно слово въ запальчивости и не думавши сказанное, можетъ Ироя не только съ послѣднимъ человѣкомъ сравнять, но и поставить онаго еще и ниже его. Для проницательныхъ людей, окружающихъ особу Ироя, довольно и одного случая, воспользоваться его слабостiю, и всѣми дурными слѣдствiями, со временемъ могущими возродиться отъ оной и произойти. Сколько находится въ Царскихъ чертогахъ праздныхъ людей! сколько тамъ славолюбивыхъ и неимущихъ никакихъ достоинствъ, кромѣ тѣхъ, что желаютъ они овладѣть склонностьми своего Государя, и стараются себя возвысить къ предосужденiю прямой

добро-

добродѣтели всѣхъ! Останутся ли они въ покоѣ, примѣтя въ мужѣ отмѣнномъ отъ нихъ недостатки? Пощадятъ ли они его въ злословіи Государю своему? А Государь сколькобъ осмотрителенъ и остороженъ ни былъ, остережется ли отъ опасныхъ и хитрыхъ злослововъ, и предохранитъ ли себя отъ пронырливыхъ и привязанныхъ ко всякимъ страстямъ своихъ служителей?

Между тѣмъ никто въ свѣтѣ не умѣлъ такъ искусно притворяться, и такіе хитрые дѣлать въ политикѣ обороты, какъ Изабелла Кастильская Королева. Сія Католическая Амазонка и неустрашимая женщина, не уступавшая славными своими дѣлами Зеновіямъ, Томирисамъ, Семирамидамъ и Пантезилеямъ, (естьли не превосходила всѣхъ сихъ Ироинь, по крайней мѣрѣ могла съ ними равняться) умѣла всѣ свои слабости такъ скрывать, и принимать на себя такой видъ, что ни малѣйшаго не оказывала никогда притомъ знака примѣтныхъ притворствъ. Тонкость ея въ ономъ доходила до величайшей и такой степени, что и во время родовъ, по причинѣ чувствованія жестокой боли, никакъ не могши удержаться отъ стенанія, дабы никто не могъ быть свидѣтелемъ ея страданій, сверьхъ ея воли оказывающихся, приказывала она выходить всѣмъ изъ своей комнаты, и родила дѣтей одна безъ всякой

помощи сторонней. Государыня же, столь осторожно даже и въ такой болѣзни поступавшая, не могла ли имѣть полную власть надъ прочимъ своимъ поведеніемъ, и не въ состояніи ли была скрывать отъ людей слабости, и обуздывать прямо свои пристрастія?

Я окончаю сію главу мнѣніемъ Кардинала Мадручіо. Мы можемъ всѣ ошибаться, говаривалъ онъ, и я не называю того человѣка дуракомъ, которому случилось впасть въ какое либо заблужденіе или проступокъ; тотъ же долженъ слыть такимъ прямо, кто по оказаніи глупости не имѣетъ столько расторопности, чтобы тотчасъ оную сокрыть и загладить. Но между тѣмъ слѣдуетъ все-таки признаться намъ въ томъ, что искусство развлечь въ самой скорости вниманіе, обращаемое на нашъ проступокъ, и отвратить взоры людей отъ себя въ иную сторону, есть дѣло ума великаго и проницательнаго, и что такіе обороты не всегда удается въ дѣйство производить, а притомъ способствуютъ они только въ легкихъ и маловажныхъ проступкахъ. Чтожъ касается до большихъ погрѣшностей, то утаить оныхъ никакъ не возможно, а только льзя нѣкоторымъ образомъ воспрепятствовать тому, что не всѣ и не скоро объ оныхъ узнаютъ. Слѣдовательно и надлежитъ Ироемъ прославиться стремящемуся всемѣрно стараться

о

о покорении разуму всѣхъ своихъ склонностей и о обуздывании всѣхъ безъ изъятія своихъ пристрастій такъ, чтобы онѣ въ немъ ни при какомъ случаѣ обнаруживались (6). Многіе люди родятся добродѣтельными, въ другихъ же чрезъ размышленіе и бдѣніе награждается то, чего лишаетъ ихъ природа (7).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надлежитъ не допускать никого до познанія своихъ пристрастій.*

Отъ Вельможъ, говоритъ Монтань, требуется больше всего, чтобы таили или скрывали они свои страсти и всѣ недостатки; ибо что именуется въ насъ неосторожностію, то въ нихъ называетъ народъ презрѣніемъ законовъ. А изъ того и слѣдуетъ, что единое оныхъ къ порокамъ прикосновеніе дѣлаетъ обществу больше вреда, нежели частныхъ и простыхъ людей самое исполненіе ихъ. Вельможъ разсматриваютъ и въ самой простой наружности ихъ. Всѣ хотятъ знать, какъ они думаютъ, и всѣ мнятъ имѣть право и долгъ судить объ нихъ по своей волѣ. Почему пятна или пороки оныхъ и увеличиваются всегда по мѣрѣ ихъ знатности, и по мѣрѣ великихъ чиновъ, ими занимаемыхъ. Малая бородавка на лбу виднѣе самаго большаго пятна, на закрытомъ тѣла мѣстѣ находящагося.

Это бы было для насъ лучше и выгоднѣе, говоритъ Авторъ нравственныхъ разсужденій, ежели бы мы всѣмъ такими показывали себя, каковы мы есть въ самомъ дѣлѣ; но мы стараемся всегда казаться инаковыми. Между тѣмъ

же не слѣдуетъ изъ сего выводить такого правила, что надобно говорить правду даже и о порокахъ и недостаткахъ своихъ; ихъ лучше всегда въ себѣ скрывать и таить; ибо утаенїе оныхъ не подаетъ по крайней мѣрѣ соблазна другимъ и поводу къ нимъ, но заставитъ порочныхъ остерегаться отъ нихъ.

Въ свѣтѣ, говоритъ Г. Сентъ-Эвремонтъ, бываетъ и наималѣйшїй проступокъ замѣченъ, и ежели случится кому въ какой нибудь впасть, то не скоро изъ онаго выдерется. Всякое паденїе подобно такимъ ранамъ, кои хотя со временемъ и залѣчиваются, но все-таки оставляютъ пятна и знаки по себѣ.

(2) *Ирою надлежитъ крайнѣ пещися о воздержанїи и умѣренїи дурныхъ своихъ склонностей.*

Узнать или примѣтить съ слабой стороны человѣка, говоритъ всюду Грацїанъ, есть вѣрный способъ сдѣлаться надъ нимъ господиномъ, или повелителемъ. Доходятъ же до онаго проворствомъ, пронырствомъ и хитростью. Впрочемъ нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не имѣлъ особенно господствующей страсти надъ собой. Каждой изъ насъ идолопоклонствуетъ своимъ прихотямъ; одинъ чтитъ славу, а другой корысть. Слѣдовательно и нужно больше всего познавать сего идола, т. е. главнѣйшую и сильнѣе другихъ господствующую надъ человѣкомъ склонность; за тѣмъ что открытїе оной будетъ служить ключемъ, отпирающимъ сердце, и кому удастся войти симъ путемъ въ другаго, тотъ можетъ уже повелѣвать и властвовать имъ всегда по своей волѣ.

(3)

(3) *Открыть способности и слабости въ человѣкѣ есть, взять надъ нимъ совершенную власть, или подчинить его совсѣмъ своей волѣ.*

Это второй претыканія камень, отъ коего слава Ироевъ обыкновенно терпитъ свое кораблекрушеніе. Страсть Антоніева къ Клеопатрѣ есть неопровергаемымъ того свидѣтельствомъ: Антоній величайшій въ свѣтѣ завоеватель, и по Цесарѣ первой человѣкъ, мужъ знаменитѣйшій изъ числа тѣхъ, коихъ Римъ изъ согражданъ своихъ Ироями въ тѣ времена быть признавалъ, при вступленіи въ военную службу напавъ на Царя Іудейскаго, побилъ на голову его армію, и взявъ самаго въ полонъ, тотчасъ полетѣлъ на помощь Царю Птоломею Египетскому; окруживъ городъ его непріятеля, сдѣлалъ въ стѣнахъ проломъ, и первой бросясь въ оной, взялъ приступомъ мѣсто, а съ нимъ и возвратилъ похищенную злодѣями Птоломею корону. Въ долинахъ Фарсальскихъ командуя лѣвымъ крыломъ Цесаревой арміи, рѣшилъ одержанною въ пользу его побѣдою всю судьбу Римской имперіи. Въ славной же Филипповъ день пріобрѣлъ себѣ имя непобѣдимаго полководца; ибо разбивъ на голову Кассіемъ предводимое войско, шедшее тогда на него прямо, и сдѣлавъ тоже съ Брутомъ, подъ командою котораго былъ тогда Августъ, принудилъ онаго бѣжать, а за то удостоился наиславнѣйшаго и величайшаго въ Римѣ тріумфа. Сверьхъ того имѣлъ онъ отъ природы всѣ добрыя качества: былъ щедръ, великодушенъ, благотворителенъ, а притомъ и вѣрной другъ. Короче сказать, наидостойнѣйшій преемникъ Цесаревыхъ дѣлъ, естьли бы только умѣлъ защищать себя отъ прелестей

стей лукавой Клеопатры. Но страсть его къ сей Государынѣ заставила славнаго сего мужа производить тысячи несправедливостей, причинять неизчетныя притѣсненія ввѣренному въ правленіе его народу, а казнѣ невозвратныя расточенія. Словомъ, всѣхъ неистовствъ, въ какія впалъ наконецъ сей мужъ отмѣнныхъ дарованій, была причиною безпредѣльная его страсть къ помянутой Царицѣ. Главнѣйшія же изъ дѣлъ его студныхъ были слѣдующія: онъ далъ сыну своему отъ нее рожденному Артабазово царство, отнятое хитростію и нечаянно у сего Государя, а по томъ подарилъ Клеопатрѣ всю нижнюю Финикію, Сирію, островъ Кипръ, большую часть Киликіи и щастливой Аравіи, провинціи наилучшія и богатѣйшія изъ всего востока. Возводилъ на высочайшія степени достоинствъ низкихъ Царицы сей невольниковъ и отпущениковъ, а дворянство Египетское оставилъ влачить жизнь въ крайней бѣдности и забвеніи. Ежедневное съ нею пьянство довело его до того, что пожаловалъ онъ знатной въ Египтѣ городъ повару своему за то, что онъ для нѣкоего знаменитаго торжества изготовилъ такія вкусныя кушанья, которыя и Клеопатра похвалила. Когда же Римъ извѣстясь о такихъ его безпорядкахъ, послалъ на него со флотомъ Августа, послѣдуемаго притомъ немалою и сухопутною армією: то Антоній хотя съ своими войсками и со флотомъ же, подкрѣпленнымъ отъ Клеопатры шестидесятью кораблями, противъ его и выступилъ, да и сразился было съ нимъ: но сколь скоро то увидѣлъ, что Клеопатра, убоясь непріятеля, съ своими кораблями обратилася въ бѣгство, и измѣнила то-

тому, кому должна была она всѣмъ богатствомъ, величествомъ и силою своею: то Антоній ослѣпленной любовїю, или лучше сказать, на іной часъ совсѣмъ обезумѣвшій, побѣжалъ съ мѣста баталїи, и по ложному извѣту о смерти своей любовницы вонзилъ въ себя мечь и испустилъ скоро свой духъ съ изъявленїемъ такихъ страстныхъ къ ней мыслей, кои лишили его вовсе геройства и славы.

(4) *Беречься того, чтобъ жаръ храбрости не перемѣнялся въ ярость; равно какъ и безмѣрное желанїе славы не превращалось бы въ предметъ совсѣмъ его недостойной.*

Я думаю, что необузданной гнѣвъ есть наиопаснѣйшее и такое ужасное для геройства претыканїе, отъ котораго какъ величество духа, такъ и вся слава гибнутъ и теряются вовсе. Число же примѣровъ, оправдывающихъ такое заключенїе, столь велико, сколь много было въ свѣтѣ великихъ и славныхъ мужей такихъ, кои подвержены были охуляемой нами сей страсти. Между прочимъ же кому неизвѣстно, до какого безславїя и безчестїя, а послѣ и нещастїя дошелъ ярости̇ю и своимъ необузданнымъ гнѣвомъ славной Герцогъ Бургонской? Мучимъ и обладаемъ будучи вспыльчивостїю, сдѣлался онъ напослѣдокъ ужасомъ всѣхъ къ нему приближенныхъ. Никто наконецъ не смѣлъ говорить и представлять ему даже о дѣлѣ самонужнѣйшемъ и полезнѣйшемъ для него. Разумныя предложенїя, чинимыя въ военномъ совѣтѣ, всегда ему не нравились, и награждалися пощечинами; а по сей причинѣ оставленъ будучи отъ всѣхъ своихъ Офицеровъ и Вельможъ, убѣжавшихъ отъ ежедневнаго пощечинами подчиванья къ непрїятелю, пропалъ

палъ и погибъ вовсе. А ярость Александрова не была ли причиною и того, что вся армія (естьлибъ знали солдаты дорогу къ возвращенію въ свое отечество) точно оставила бы его въ Индіи?

(5) *Для укрощенія страстей надобно всякія надъ собой усилія употреблять; и ежели истребить вовсе ихъ не льзя, то по крайней мѣрѣ надобно какъ можно оныя скрывать.*

Монтань судитъ о семъ конечно не такъ, какъ Граціанъ, и пылкость Гасконца весьма не согласуется въ семъ дѣлѣ съ флегмою Испанца. Когда скрываемъ и удерживаемъ мы въ себѣ гнѣвъ, говоритъ онъ, то тѣмъ больше разселяемъ его въ тѣлѣ своемъ. Діогенъ доказалъ это Демосѳену такъ: ты боялся, говорилъ онъ ему, чтобъ тебя не увидѣли въ кабакѣ, и для того прятался отъ всѣхъ, туляся въ оной, о томъ не подумавъ, что чѣмъ ты далѣе вступалъ чрезъ то внутрь шинка, тѣмъ болѣе входилъ ты въ него, и подавалъ о себѣ подозрѣніе, что ты для пьянства въ немъ былъ. Я совѣтую, хотябъ то было и за самую бездѣлицу, разсердясь на слугу, лучше дать ему пощечину, нежели удержавшись отъ оной, питать въ себѣ злобу на него, и дождавшися другаго его проступка, прошедшее припомня, для перваго усугублять его наказаніе. Дурно гнѣвъ въ себѣ удерживать и по тому, что можетъ онъ превратиться наконецъ въ лютѣйшую лихость и злобу; получивши же къ выходу свободу, ослабнетъ и обезсилѣетъ, а напослѣдокъ и вовсе изчезнетъ. Да какая и нужда, удерживая оной въ своемъ сердцѣ остріе его противъ самаго себя обращать? Лучше онымъ

онымъ немного посторонняго уколоть, нежели дѣлать великой вредъ самому себѣ.

(6) *Надобно стараться обуздывать всѣ свои страсти.*

Многимъ людямъ легче обогащать себя вновь не малымъ числомъ добродѣтелей, нежели исправляться отъ старыхъ пороковъ. Это сугубое нещастїе, когда будетъ порокъ помѣхою въ исправленїи должности. Такой человѣкъ никогда не найдется исправнымъ въ званїи своемъ, и привязанность его къ любимой страсти или къ главному своему пороку вселитъ въ него вѣрно и отъ должности отвращенїе.

(7) *Многїе родятся добродѣтельными, другимъ же надобно прїобрѣтать добродѣтели старанїемъ своимъ.*

При прїученїи себя къ добродѣтели надобно безпрестанно выдерживать споръ между должностїю и своими склонностями. Всюду могутъ встрѣчаться помѣхи и всякїя досады отъ скопища пороковъ, но на нихъ слѣдуетъ конечно съ возможнѣйшимъ хладнокровїемъ смотрѣть. Для добродѣтели надлежитъ почти повсемѣстныя и всегдашнїя принужденїя терпѣть, и предпринимать иногда то, чего вовсе не хочется намъ, и воздерживаться отъ того, къ чему стремятся всѣ желанїя наши; да за то прїобрѣтенное посредствомъ такихъ трудовъ благо будетъ намъ благоразумнымъ вождемъ, управляющимъ всѣми движенїями нашего сердца, и покаряющимъ власти своей то, что отваживается всечасно бороться съ честностїю.

ГЛА-

ГЛАВА III.

Какой надлежитъ имѣть Ирою разумъ?

Для составленія великаго цѣлаго требуются не малыя части, такъ какъ и для образованія Ироя потребны огромныя дарованія съ достоинствами; а обширной и блистательной разумъ долженъ кажется быть первымъ и главнымъ изъ всѣхъ (1). Такъ думаютъ всѣ наиболѣе другихъ вникавшіе въ существо иройства. По ихъ мнѣнію тотъ не есть великій человѣкъ, кто не имѣетъ обширнаго и остраго разума, да они и не удостоиваютъ неимущаго онаго и названіемъ великаго (2). Изъ всѣхъ существъ, поражающихъ наши чувства въ семъ мірѣ, говорятъ они, наисовершеннѣйшее есть человѣкъ; а въ немъ превосходнѣе всего просвѣщенный и обширный разумъ, яко начало всѣхъ благорасполагаемыхъ и удивленія стоющихъ его дѣлъ. Отъ разума же, какъ отъ первоначальнаго совершенства, производятъ они два другія, подобно какъ двѣ вѣтви, произрастающія отъ единаго корня. Сіи суть здравой и твердой разсудокъ; да еще пылкой и огненной умъ; качества, дѣлающія человѣка удивленіемъ свѣта, а особливо тогда, когда онѣ находятся въ совокупности (3).

А хотя древніе Философы и истощались въ похвалахъ, приписываемыхъ разнымъ спо-

способностямъ нашей души, происходящимъ отъ многихъ ея свойствъ; но политика прiемлетъ смѣлость обращать всѣ тѣ похвалы на одинъ только здравой разсудокъ и умъ. Первой признаетъ она такимъ судилищемъ мудрости, гдѣ все разбирается и приводится въ порядокъ; а другой почитаетъ сферою тонкаго и живаго огня, которой вмигъ объемлетъ разсмотрѣнной и обдуманной первымъ предметъ. Сверьхъ сего разсуждаютъ мудрые и такъ, что согласiе или соединенiе сихъ душевныхъ свойствъ должно неминуемо существовать во всякомъ Ироѣ, или великомъ мужѣ, для того наипаче, чтобъ могло оно подавать ему во всѣхъ непредвидѣнныхъ приключенiяхъ скорую и надежную помощь. Впрочемъ же какая и нужда приводить множество изображенiй, и безчисленность многоразличныхъ о душѣ понятiй, когда можно изъяснить качества оной кратко? Умноженiе идей ни къ чему болѣе не служитъ, какъ только къ отягощенiю памяти, къ затмѣнiю мыслей и къ потерянiю изъ виду главнаго и настоящаго дѣла.

Но какъ бы то ни было, а я всегда буду въ томъ стоять, что качество свойственнаго Ирою разума состоять имѣетъ въ живомъ и скоропостижномъ понятiи вещей. Да и не знаю ни одного изъ лучшихъ и превосходнѣйшихъ великихъ мужей, которой бы не имѣлъ предполагаемаго мною остраго ума.

ума. Слова, наполненныя живостію и огнемъ, которыя примѣчались въ Александрѣ, не подобны ли были искрамъ, воспламеняющимъ военный пожаръ, чрезъ скоропостижныя его предпріятія? Цесарь, шествуя по слѣдамъ его завоеваній и побѣдъ, понималъ скоропостижно, и исполнялъ намѣренія свои съ величайшею поспѣшностію. Живыя мысли и жаркія выраженія сихъ людей оказывались таковоюжъ предпріимчивостію въ скорыхъ и щастливыхъ ихъ побѣдахъ. Что же есть живой и пылкой разумъ? въ чемъ состоитъ сіе рѣдкое совершенство (4)? На сіе я отвѣчаю, что растолковать и опредѣлить его почти столько же трудно, сколько рѣдко удается кому обладать симъ драгоцѣннымъ даромъ изъ людей. И ежели онъ не есть прямый и чистый лучь божества, то по крайней мѣрѣ можно его назвать подражаніемъ, подобіемъ или образованіемъ его.

Между тѣмъ я не ограничиваю имени и свойства Ироя въ одномъ званіи воина, хотябъ онъ былъ и величайшій завоеватель на свѣтѣ (5); но отношу и приписываю иройство всѣмъ славнымъ особамъ и всѣмъ великимъ людямъ, прославившимся въ министерскихъ и судебныхъ оборотахъ, и отличившимся въ свѣтской и духовной мудрости: отъ всѣхъ буду я неотмѣнно требовать такого же разума, какимъ одарены бываютъ Ирои въ военныхъ дѣлахъ. Изъ числа же духовныхъ наи-

наиболѣе прославился великій Августинъ. Въ немъ усматривается блистательный и притомъ твердый и основательный разумъ. Изъ свѣтскихъ же не извѣстенъ ли оный рѣдкій и великій человѣкъ, чрезъ котораго прославила и превознесла Испанія гордый Римъ, и коего живость ума всегда была сопровождаема здравымъ разсудкомъ?

Естьли говорить вообще, то и выраженія, не только дѣянія живаго разума, бывали во многихъ случаяхъ столь же удачны и блистательны, какъ и самыя дѣла, произведенныя по сему началу (6). Мы видимъ, что какъ одни, такъ и другія служили многимъ людямъ крыльями, поднявшими ихъ вдругъ на самый высочайшій верьхъ величества и славы, и вознесшими, такъ сказать, изъ самой пыли и изъ невѣденія на степень блистательнѣйшихъ чиновъ и достоинствъ. Нѣкоторой Турецкой Императоръ, желая нѣкогда повеселиться со всѣмъ своимъ Дворомъ, взошелъ на балконъ, и прохаживаясь по оному, держалъ въ рукахъ своихъ письмо, которое онъ читалъ, или по крайней мѣрѣ притворялся оное читающимъ. Но какъ онъ не крѣпко держалъ его въ рукахъ, то бумага, можетъ быть и умышленно изъ рукъ пущенная, опустилась на землю. Въ ту же минуту полетѣли на низъ не дремлющіе и готовые ко услугамъ своего Государя Пажи. Видя же носимую ее вѣтромъ,

ло-

ловили на воздухѣ, дабы пойманіемъ оной угодить Султану. Одинъ же изъ нихъ, будучи всѣхъ остроумнѣе и проворнѣе, подхватя цыдулку и съ помощію нѣсколькихъ древесныхъ весьма тонкихъ прутиковъ въ скорости имъ сплетенныхъ, умѣлъ вознести ее на балконъ, и подать Султану, проговоря при томъ слѣдующее: Милостивѣйшій Государь! вотъ бездушное твореніе, и безъ крыльевъ летавшее, ко услугамъ Вашего Величества. Султанъ, будучи доволенъ проворствомъ и неожидаемымъ привѣтствіемъ сего Пажа, пожаловалъ его знатнѣйшимъ отъ арміи чиномъ, показывая чрезъ сіе то, что хотя единая живость разума и не въ состояніи управлять должностію перваго полководца, но по крайней мѣрѣ заслуживаетъ она имѣть въ достоинствѣ вторую по немъ степень.

Живой или пылкой разумъ есть, такъ сказать, соль и приправа всѣхъ добрыхъ качествъ. Въ разсужденіи великихъ совершенствъ можетъ онъ назваться яркимъ лучемъ, придающимъ имъ сіяніе и блескъ. Слова великихъ людей всегда прикрашены и освѣщены сіяніемъ симъ, да и заключаютъ въ себѣ такую блистательную остроту, которая трогаетъ всѣхъ. Чего ради безчисленныя сокровища сильнѣйшихъ Монарховъ разтощены и пропали, а разумныя и острыя ихъ реченія пріобрѣли имъ славу, и сохраня-

няются даже до позднѣйшихъ временъ. Сколь много сыщется великихъ полководцевъ, коихъ побѣдамъ не столько споспѣшествовало огнестрѣльное оружіе, сколько живый и острый ихъ разумъ; а тогда и были военные ихъ подвиги конечно плодомъ и произведеніемъ остроумія, а не храбрости.

Доказательствомъ достоинствъ одного совершеннѣйшаго Государя и примѣромъ высокой славы можетъ намъ служить тотъ приговоръ, которой имъ никѣмъ неожидаемо и въ одну минуту былъ учиненъ, по причинѣ прозьбы двухъ женщинъ, присвоившихъ себѣ материнское право на одного младенца. Такой-то характеръ разума, прославившій Соломона скорымъ и справедливымъ рѣшеніемъ онаго дѣла, бываетъ необходимо нуженъ во многихъ трудныхъ случаяхъ, не терпящихъ долгаго размышленія. Тогда-то пылкой умъ точно какъ пламенникъ, освѣщающій опасныя и мрачныя мѣста, какъ Сфинксъ толкующая загадки, и какъ Аріаднина нить, помогающая выходить изъ лабиринта запутанныхъ дѣлъ, выводитъ человѣка изъ неудобо рѣшимѣйшихъ сомнѣній.

Солиманъ, Турецкій Императоръ, находился въ особенныхъ обстоятельствахъ, подобныхъ нѣкоторымъ образомъ Соломоновымъ, о которыхъ мы теперь сказывали. Нѣкоторой Жидъ требовалъ у сего Султана,

 что-

чтобы вырѣзанъ былъ золотникъ тѣла у Христіанина за неисполненіе имъ договора, учиненнаго съ нимъ, по причинѣ взятья въ ростъ небольшой суммы денегъ, въ которыхъ послѣдній имѣлъ чрезвычайную нужду. Дѣло о томъ представлено было на разсмотрѣніе къ Султану, и Жидъ стоя упорно въ требованіи, защищалъ съ великимъ жаромъ свое право. Солиманъ, выслушавъ спокойно Жида, приказалъ съ весьма важнымъ видомъ принести вѣски, равно какъ золотникъ и ножикъ, выточенной наилучшимъ образомъ. Ростовщикъ, слыша сіи слова, несказанно тому радовался, а должникъ его, поблѣднѣвши отъ страху, дрожалъ, и на силу могъ стоять на мѣстѣ, какъ вдругъ Султанъ, оборотясь къ заимодавцу, сказалъ грозно: слушай Жидъ, я тебѣ тотчасъ прикажу отрубить голову, ежели ты больше или меньше золотника вырѣжешь противъ договора изъ должникова тѣла. Сіе неожидаемое Султанское изреченіе принудило Жида отстать отъ безчеловѣчнаго своего требованія, а пронесшійся о томъ по всей имперіи слухъ доставилъ Солиману великую славу и честь.

Впрочемъ надлежитъ живой и блистательной разумъ всегда употреблять съ бережливостію, и притомъ въ пристойныхъ случаяхъ, подобно какъ левъ всегда бережетъ свои силы для опасностей дѣйствительно

его стоющихъ. Не говоря о тѣхъ, кои не щадятъ своего разума, и расточаютъ оный, какъ мотами расточается имѣніе, и умалчивая о безчисленномъ множествѣ людей, употреблающихъ его на безполезныя и прямо ненавистныя дѣла, скажу только здѣсь о тѣхъ злорѣчивыхъ Момусахъ и о тѣхъ бранливыхъ Тимонахъ, коихъ ядовитое жало языка бываетъ столько же язвительно, какъ и ударъ кинжала. Сіе непростительное злоупотребленіе драгоцѣнной сей способности, когда разсматривается съ настоящей стороны, не остается никогда безъ наказанія; ибо какъ сатирики или ругатели не щадятъ ни одного человѣка, такъ равно никто не щадитъ и ихъ. Сколько бы они ни превозносились своимъ разумомъ, однакожъ самый послѣднiй человѣкъ, почитая блистательныя ихъ качества вредоноснѣйшею для общества язвою, будетъ всегда ихъ ненавидѣть.

А хотя отличная живость разума и есть въ самомъ дѣлѣ драгоцѣннѣйшій даръ природы, однакожъ можетъ оной и чрезъ науки еще больше быть усовершенствованъ. Чрезъ заимствованіе отъ другихъ острыхъ мыслей, и чрезъ собственное разсужденіе о разныхъ обстоятельствахъ пріобрѣтается со временемъ также способность въ остроуміи. Я же говорилъ о семъ качествѣ великихъ людей пространно здѣсь для того, что не всякой признаетъ его совершенствомъ, суще-

ственно и необходимо нужнымЪ для всѣхЪ на свѣтѣ ИроевЪ. Касательно же другаго совершенства, то есть твердаго и надежнаго разсудка, не входилЪ я вЪ подробныя разсужденія и разбирательства объ ономЪ потому, что сіе дѣло само по себѣ есть весьма ясно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *ВЪ Ирое имѣетЪ быть обширной и блистательной разумЪ первымЪ и главнымЪ изЪ всѣхЪ его качествЪ.*

Здравой разсудокЪ, говоритЪ ПатерЪ БугурсЪ, есть основаніе разума. ОнЪ подобенЪ дорогимЪ камнямЪ, имущимЪ вЪ себѣ столько же твердости, сколько и блистанія. Есть же и другой также родЪ великаго разума, но кичливаго и темнаго; сей не годится Ирою, и тотЪ, которой ему потребенЪ, и о которомЪ здѣсь говорится, есть совсѣмЪ отмѣнной отЪ него. ОнЪ живЪ и проницателенЪ. Живость дѣлаетЪ его скоропонимающимЪ, а проницательность обо всемЪ здраво судящимЪ.

(2) *По мнѣнію умныхЪ людей тотЪ не есть великой человѣкЪ, кто не имѣетЪ обширнаго и остраго разума.*

Для чего, говоритЪ МонтанЪ, почитаете вы человѣка, такЪ сказать, закутаннаго вЪ великолѣпное платье? Надобно судить о немЪ справедливо, и точно такЪ, какЪ одинЪ изЪ древнихЪ ФилософовЪ спросилЪ у другаго, знаете ли вы, по чему высокимЪ и великимЪ кажется вамЪ сей человѣкЪ? По тому, что вы мѣряете его сЪ каблуками, хотя каблуки, яко вещь посторонняя, и совсѣмЪ не принадле-

жатъ къ его тѣлу. Смѣряйте же вы его безъ сихъ ходуль, да велите ему на тотъ часъ, какъ вы станете его разсматривать, отказаться отъ своихъ чиновъ и богатства; тогда то увидите, кто онъ таковъ, и узнаете, способна ли къ чему нибудь его душа, щедро ли она участьми разума одарена, богата ли ими сама по себѣ, и не кажется ли великою только по отношеніямъ своимъ? Не щастіе ли правитъ ею и просвѣщаетъ ее? и ежели найдете ее саму по себѣ изрядною, то такая душа стоить будетъ конечно настоящаго почитанія отъ всѣхъ. Лошадь цѣнится по стану, по бодрости, силѣ и проворству, а не по убору своему. Борзую собаку берутъ за рѣзвость, а не за дорогой ея ошейникъ. А птицу хвалятъ за доброй ея полетъ, а не ради уборовъ и позвонковъ. Для чего же не почитаемъ мы и человѣка по прямымъ способностямъ и качествамъ его? Пускай имѣетъ онъ многихъ у себя служителей, прекрасной домъ, великую отъ людей довѣренность, многочисленные доходы; но всѣ сіи вещи не суть принадлежности качествъ, а чужія и несоставляющія прямаго его существа.

Примѣръ же требуемыхъ отъ великаго человѣка способностей нахожу я въ Принцѣ Конде. Сей, удалившись отъ всѣхъ людей въ замокъ Щантальи, показывался тамъ столь же великимъ, сколько былъ великъ и громокъ среди славнѣйшихъ побѣдъ. Уединеніе его служило убѣжищемъ Граціямъ и всѣмъ Музамъ, и было жилищемъ благоразумія и ума. Тамъ царствовала вѣжливость, и все, что есть наилучшее и тончайшее въ наукахъ; и ежели прелести садовъ и красоту самаго дому срав-

нять съ пріятностьми той особы, которая пребываніемъ своимъ дѣлала всему тому честь: то первое въ разсужденіи послѣдняго не стоитъ ничего. Какая проницательность, какая разборчивость, какой разсудокъ, какой умъ, какое во всемъ просвѣщеніе, какой смыслъ, какая основательность, какая въ словахъ является тогда громкость, когда открывалъ онъ уста свои, вступая въ разговоръ съ людьми всякаго состоянія! Не льзя безъ того слышать гласа его, чтобы не почувствовать той возразительности, которую производитъ сила остраго и великаго ума, приводящая во удивленіе своихъ слушателей. Можно сказать, что тотъ находился при источникѣ красотъ и чудесъ естества, кто былъ близокъ къ нему.

(8) *Здравой и твердой разсудокъ, да еще пылкой и огненной умъ, суть качества, дѣлающія человѣка удивленіемъ свѣта.*

Тѣ весьма заблуждаютъ, говоритъ Авторъ нравственныхъ разсужденій, кои думаютъ, будто бы *разумъ* и *разсудокъ суть между собою* нѣчто разное. Разсудокъ есть великій свѣтъ разума, освѣщающій все, и означеновывающій замѣчанія и любопытства стоющее. Но можно ли это понять? По крайней мѣрѣ я не понимаю того, и догадаться не могу, что бы это значило, да и тѣмъ не вѣрю, которые сказываютъ, будто бы они понимаютъ разность между разумомъ и разсудкомъ. Знаю, что есть люди неограниченнаго такъ сказать разума, но можетъ ли то быть, чтобъ не имѣли они притомъ и достаточнаго разсудка? Огненные умы, говоритъ Сентъ-Эвремонтъ,

избы-

избыточествуютъ больше силою воображенія, нежели здравымъ разсудкомъ; но я о томъ въ споръ не вхожу.

(4) *Что есть живой и пылкой разумъ? въ чемъ состоитъ рѣдкое сіе совершенство?*

Въ одной бесѣдѣ Патера Бугурса, о красотѣ разума названной, говорится такъ: свойство превосходное разума происходитъ отъ щастливаго темперамента, и отъ порядочнаго расположенія тѣлесныхъ органовъ. Оно есть дѣйствіе благоустройной головы и порядочно расположеннаго мозга, исполненнаго нѣкоимъ тонкимъ жидкимъ веществомъ, растворяемымъ пылкою желчью, умѣряемымъ меланхоліею и услаждаемымъ кровію. Желчь производитъ блистательное и проницательное; меланхолія дѣлаетъ разсудокъ основательнымъ и твердымъ, а кровь способствуетъ къ произведенію въ разумѣ пріятнаго и нѣжнаго. А хотя сей Авторъ и весьма пространно разсуждаетъ объ оной матеріи, однако признается наконецъ въ томъ, что тѣ люди едва ли не разумнѣе прочихъ, кои меньше другихъ входятъ въ разбирательство дѣлъ непонятныхъ.

(5) *Не ограничиваю я имени и свойства Ироя въ одномъ званіи воина, хотябъ онъ былъ и величайшій завоеватель.*

Александръ не былъ тѣмъ доволенъ, чтобы слыть Ироемъ въ однихъ только военныхъ дѣлахъ, но желалъ таковымъ же быть и въ наукахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ одно укорительное его письмо, писанное имъ къ Аристотелю своему учителю. Тебѣ бы, говоритъ

въ немъ Александръ, совсѣмъ не надобно было обнародывать тѣ высокія и изящныя мысли, кои я занялъ отъ тебя. Чѣмъ же мнѣ удивлять людей, когда они всѣ будутъ то знать, чему я учился? Видно ты ни мало не думалъ о томъ, что я хочу лучше въ смыслѣ, умѣ и разумѣ превосходить, нежели въ могуществѣ, силѣ и величествѣ военномъ. Писалъ же сїе письмо Александръ, находясь такъ сказать въ самомъ цвѣтущемъ состоянїи славы, чести и силы.

Сентъ Эвремонтъ говоритъ о семъ Македонскомъ Ироѣ такъ: при наставленїи и воспитанїи Александровомъ предподавалось ему обширное и великое о естествѣ познанїе, правилъ же о знанїи самаго себя не показано ему; а отъ того и сдѣлалось славолюбїе онаго столько же неумѣренно, сколько и знанїе его было обширно. Онъ познавъ весь сей мїръ, захотѣлъ и обладать онымъ всѣмъ; но завоеванїя его были, очень безпорядочны такъ какъ и вся его жизнь, вѣрно отъ того, что въ отрочествѣ не учили Александра тому, чѣмъ онъ долженъ обществу и самому себѣ.

(6) *Дѣянїя живаго разума бывали во многихъ случаяхъ столько же удачны, какъ и самыя дѣла, производимыя по сему началу.*

Такою же точно отвагою избавился и Сципїонъ отъ немалаго бѣдствїя. Нѣкто изъ народныхъ начальниковъ возставъ противъ него, взводилъ по обыкновенїю сего рода людей въ рѣчи своей торжественно такїе на Сципїона поро-и, въ коихъ онъ никогда виновенъ не бывалъ. Но онъ будто не слыша его злословїя, обратясь къ народу, сказалъ твердымъ и

ма-

надежнымъ голосомъ: послушайте Римляне! я въ этотъ самой день победилъ и взялъ Карѳагенъ; пойдемъ-те же теперь въ храмъ, и воздадимъ за то единодушно благодарность безсмертнымъ богамъ. Слова сїи столь были дѣйствительны, что весь народъ, да и самъ доносщикъ, преставъ Сципїона злословить, пошли за нимъ въ храмъ для принесенїя жертвы.

Говоря о Сципїонѣ, пришелъ мнѣ на память достопамятный разговоръ, происходившїй у него съ Аннибаломъ. Сципїонъ по разбитїи Карѳагенскаго сего полководца спросилъ у него, кого онъ признаетъ величайшимъ въ свѣтѣ Ироемъ? Александра, отвѣчалъ Аннибалъ; а Пирръ можетъ почестся вторымъ; я же первой по Пиррѣ. Но когда бы удалось вамъ и меня победить, продолжалъ Сципїонъ, то въ какое бы вы тогда поставили себя Ироевъ число? Я былъ бы въ то время превыше ихъ всѣхъ, сказалъ Аннибалъ. Вотъ называется у мѣста живость разума употреблять; потому-то, говоритъ Грацїанъ, безчисленныя сокровища сильнѣйшихъ Монарховъ растощены и изчезли, слова же ихъ острыя и отвѣты хранятся безвредными даже и доднесь.

Монтань, преисполненной рѣдкими разсужденїями и замысловатыми изреченїями знаменитыхъ въ свѣтѣ мужей, предлагаетъ намъ въ своихъ сочиненїяхъ тысячи оныхъ; но я упомяну здѣсь только изъ нихъ о двухъ слѣдующихъ: Самоскїе Послы, пришедъ къ Спартанскому Царю Клеомену, начали его склонять къ войнѣ противъ тиранна Поликрата весьма длинною рѣчью. Царь, давъ имъ волю говорить, отвѣтствовалъ наконецъ такимъ образомъ: что принадлежитъ до начала, продол-

женія и середины вашей рѣчи, то я ее уже вовсе забылъ; касательно же ея окончанія, то отъ многослушанія, предварившаго оное, такъ я усталъ, что безъ долгаго отдыха отвѣчать вамъ на то не могу. Вотъ изрядной болтливымъ отвѣтъ! Второй же примѣръ такой: Аѳиняне, вознамѣрившись начать нѣкоторое знатное зданіе, призвали къ себѣ двухъ архитекторовъ на совѣтъ. Первой предсталъ предъ нихъ съ прекраснымъ о начинаемомъ дѣлѣ словомъ, и склонилъ тотчасъ на свою сторону весь народъ; послѣдній же сказалъ только то: почтенные Аѳиняне! о чемъ товарищъ мой говорилъ словами, то исполню я самымъ дѣломъ. Впрочемъ говоритъ Сократъ, что имѣющій здравый разумъ и хорошее съ воображеніемъ о вещахъ понятіе, можетъ, хотя бы онъ былъ и нѣмъ, какъ изъяснять, такъ и на дѣлѣ выполнять свои мысли.

При семъ случаѣ прибавлю я къ упомянутымъ двумъ примѣрамъ и то, что Амелотъ сходное съ вышесказаннымъ повѣствуетъ и о Карлѣ Пятомъ. Императоръ, пріѣхавъ въ Валладолидъ для распрощанія съ жительми сего города, былъ привѣтствуемъ Педромъ де Санъ-Эрбасъ, нѣкоимъ шутомъ. Когдажъ снялъ онъ предъ нимъ шляпу, то шутъ сказалъ: Ваше Величество столько стали милостивы и снисходительны, что уже и передо мною снимаете шляпу. Что это значитъ? Не то ли, что вы уже больше не Императоръ? Нѣтъ, Педро, отвѣчалъ ему Карлъ, это означаетъ только одно то, что мнѣ кромѣ сей придворной вѣжливости теперь тебя нечѣмъ наградить.

ГЛА-

ГЛАВА IV.

Какое надлежитъ имѣть Ирою сердце?

Тонкость въ размышленіяхъ свойственна Философамъ, красота слога Ораторамъ, крѣпость тѣла борцамъ, а великодушное сердце прилично Государямъ, такъ разсуждаетъ Платонъ въ книгѣ своей о божествахъ (1). Что тебѣ въ высокомъ разумѣ, когда сердце твое не будетъ оному соотвѣтствовать добрыми качествами? Что разумъ выдумываетъ и располагаетъ безъ всякой трудности, то сердцу исполнять и производить въ дѣйствіе стоитъ безконечныхъ трудовъ. Самые благоразумные совѣты, даваемые для славнаго какого предпріятія, не выходятъ иногда вонъ и изъ кабинета, и не имѣютъ за недостаткомъ мужества въ исполненіи желаемаго успѣха (2). Великія дѣйствія происходятъ отъ соразмѣрной причины, и чрезвычайныхъ дѣяній бываетъ виною особенное и необыкновенное сердце (3). Естьли Ирой затѣваетъ какое нибудь намѣреніе, или замыселъ, то сіи намѣренія и замыслы должны быть слѣдствіемъ удивительныхъ произшествій.

Александръ имѣлъ великое, или лучше сказать неизмѣримое сердце; для него казалось тѣсно жить въ цѣломъ свѣтѣ, чего ради и желалъ онъ быть обладателемъ всего. Цесарь ощущалъ въ себѣ почти одинако-

ковыя съ Александромъ чувствованія, и никогда не хотѣлъ видѣть средины между *всѣмъ и ничѣмъ*. Иройскія сердца подобны крѣпкимъ и пространнымъ желудкамъ, въ состояніи находящимся варить въ себѣ всякую пищу (4). Ѣствы пресыщающія, а можетъ и отягощающія Карла, въ великанѣ возбуждаютъ только позывъ на ѣду. Между тѣмъ великое сердце или великой духъ никогда не надымается и удивительнѣйшими въ дѣлахъ успѣхами, но старается безпрестанно о пріобрѣтеніи себѣ новой славы. Не услаждаясь надмѣру плодами громкихъ побѣдъ и трофеевъ своихъ, забываетъ ихъ, ради снисканія новыхъ; Ирой въ томъ ненасытимъ; да и не ослабѣваетъ онъ отъ бѣдъ и нещастій, или отъ какихъ бы то ни было препятствій, но пожирая всѣ ихъ, такъ сказать, безъ труда, находитъ самъ въ себѣ вѣрныя пособія противъ всѣхъ злоключеній (5).

Изъ всѣхъ же сражавшихся съ величайшими бѣдствіями и напастьми не нахожу я ни одного такого, которой бы въ великодушіи могъ сравниться съ Карломъ Седьмымъ, Королемъ Французскимъ. Сей Государь былъ по моему мнѣнію какъ бы нѣкоторое чудо неустрашимости и великаго духа. Онъ зналъ, будучи еще Дофиномъ, что Король его отецъ и Король Аглинской, Карловъ соперникъ, согласились вмѣстѣ сдѣлать

лать противъ него жесточайшій заговоръ, въ слѣдствіе котораго торжественно былъ онъ объявленъ неспособнымъ къ наслѣдству Французской короны. Когда же принесли къ нему о томъ приговоръ, и оной ему объявили, то Дофинъ, выслушавъ его до самаго конца, ни мало не поколебавшись въ мысляхъ, сказалъ съ присутствующимъ духомъ: я буду искать справедливости далѣе, и возьму дѣло мое на апелляцію. Да въ какомъ бы судѣ? спросилъ его нѣкто изъ предстоящихъ. Въ судѣ моего меча и моей храбрости, отвѣтствовалъ Принцъ. Какой Иройской отвѣтъ! И въ самомъ дѣлѣ слѣдствія дѣла удостовѣрили Европу въ неложномъ величіи Карлова духа.

Алмазъ никогда столько не свѣтится, какъ въ ночной темнотѣ; равнымъ образомъ и Ирой виденъ лучше всего во время смутныхъ обстоятельствъ, и когда востаютъ на него отвсюду злоключенія и бѣдствія; тогда-то оказывается онъ несравненно въ большемъ великолѣпіи и славѣ, когда ничто возмутить и разума его помрачить бываетъ не въ силѣ.

Карлъ Еммануилъ, Герцогъ Савойскій, удостоенный отъ войска своего именованія Ахиллеса, можетъ служить совершеннымъ и наилучшимъ примѣромъ того, о чемъ мы теперь говорили. Сей Принцъ, будучи провождаемъ только четырьмя человѣками изъ

своихъ драгунъ, пробился сквозь пять сотъ окружившихъ его кирасировъ, а отдѣлавшись отъ великой и очевидной опасности, говорилъ онъ, возвратясь въ свой станъ, спокойнымъ духомъ своему войску, отчаявшемуся о его спасенiи, слѣдующее: Друзья! храбрость въ опасныхъ случаяхъ есть вѣрнѣйшій сопутникъ и надежнѣйшій руководитель (6). И въ самомъ дѣлѣ храбрость замѣняетъ тогда, такъ сказать, все, и способствуетъ въ преодолѣнiи трудностей, сопряженныхъ съ самыми благорасположенными предпрiятiями; нужна же она и для отвращенiя непредвидѣнныхъ и неожидаемыхъ препятствiй. Да она же и предшествуетъ всему, и ополчается одна противъ сильнѣйшихъ враговъ.

Нѣкоторому Аравитскому Царю поднесена была въ подарокъ Дамаская сабля. Подарокъ по тогдашнему времени истинно рѣдкой, и такого воина, каковъ былъ сей Государь, конечно достойный. Вельможи его Двора, находившiеся при поднесенiи сабли, удивлялись оной не изъ ласкательства, но изъ почтенiя къ превосходной ея работѣ. Они хвалили ея пригожство, искусство ремесленника, ловкость въ прiемѣ, хитрость въ наведенiи струй, блистанiе и чистоту полосы. Словомъ, всѣ называли ее драгоцѣнною вещiю, и быть бы могшею по ихъ мнѣнiю въ своемъ родѣ и рѣдкостiю, естьлибъ не имѣла она въ себѣ небольшаго порока,

то

то есть, когдаб не была слишком коротка. Царь, желая узнать, каким образом будет об ней судить его сын, приказал позвать его в свою комнату. Іаков Алманзор, так назывался Принц, пришел в ту минуту, и Король подал наследнику оную саблю. Алманзор же осмотрев ее со всех сторон, сказал отцу: Ваше Величество! я почитаю сію вещь лучше и надежнее всякаго укрепленнаго места. Вот изреченіе, достойное добраго Принца! Но не находите ли вы в ней какого недостатка? спросил Король. Никакова, отвечал Алманзор. Сія сабля есть самой превосходной работы. А вельможи мои, продолжал Король речь, называют ее короткою. Тогда сын измеряя саблю рукою, ответствовал Царю таким образом: доброму воину не может быть коротким никакое оружіе в свете, потому что он должен уметь заменять недостаток в длине своею храбростію.

Несомнительное и прямое доказательство Иройскаго духа показывается наипаче тогда, когда Ирой, имея полную власть мстить своим злодеям, ни мало не подражает мщенію простых людей, и не только прощает за все причиненныя ему обиды и несправедливости своим непріятелям, но и воздает им добром за всякое злодеяніе их (7). Следующій поступок

покъ Императора Адріана кажется мнѣ весьма примѣрнымъ и достойнымъ великой и рѣдкой его души. Одинъ изъ знатнѣйшихъ его военачальниковъ, завидуя славѣ своего Государя, и чувствуя къ нему великую ненависть, обратился въ бѣгъ на весьма важной баталіи. Императоръ, примѣтя измѣну, не только имѣлъ причину причесть ее въ дѣйствительную трусость, потому что вся армія была тому свидѣтелемъ, но и могъ бы за то лишить злодѣя своего чести и достоинствъ; но благоразумный Государь, оставивъ бѣгущаго, сказалъ ему съ кротостію и съ милостивымъ видомъ: ты ошибаешься, мой другъ! дорога, по которой тебѣ предписано итти, лежитъ совсѣмъ не туда, куда ты теперь бѣжишь. Военачальникъ притворясь, будто бы и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ошибку, тотчасъ возвратился на свое мѣсто, и показывалъ себя въ сраженіи такимъ, что надобно было всѣмъ замѣтить его храбрость; а сіе дѣлалъ онъ для того, чтобы увѣрить всю армію въ томъ, будто побѣжалъ онъ не изъ намѣренія учинить измѣну, но изъ презрѣнія къ трусливымъ и робкимъ своимъ солдатамъ, которыхъ шаткость заставляла его быть на нихъ ненадежнымъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Великодушное сердце прилично Государямъ, такъ разсуждаетъ Платонъ въ книгѣ о божествѣ.*

Здѣсь говорится о Царяхъ великихъ, а не о такихъ, кои хотя величествомъ своимъ и занимаютъ умы цѣлаго народа, но дѣла, ими исполняемыя, бываютъ не лучше и послѣдняго изъ ихъ подданныхъ. Неизвѣстность и нерѣшимость мучатъ ихъ также, какъ и всѣхъ человѣковъ, а заботы и страхъ содержатъ во всегдашнемъ смущеніи.

(2) *Лучшіе совѣты не выходятъ иногда изъ кабинета за неимѣніемъ исполнителей.*

Извѣстный писатель Французскихъ басенъ изъяснилъ сіи мысли въ совѣтѣ, держанномъ мышами, слѣдующимъ образомъ: разсуждать, хулитъ и судитъ о дѣлахъ многіе хватаются, а особливо праздные люди; заставьте же судящихъ произвести въ дѣйствіе ими разбираемое и охуляемое, то не сыщется на то ни одного способнаго изъ нихъ. Какое же сердце и какую твердость ума долженъ имѣть мудрый Министръ? Сіе описываетъ нѣкоторой Авторъ тако: смѣлость, потребная къ сему чину, не должна быть смѣшиваема съ отвагою и наглостію; онѣ удобны склонять къ опрометчивому рѣшенію, а чрезъ то разорять государство и ввергать его въ великія бѣдствія. Онъ долженъ при всѣхъ случаяхъ ступать осторожными и размѣренными шагами, и не предпринимать ничего безъ основательнаго разсудка и на удачу. Больше же всего надлежитъ ему быть отчуждену отъ всякихъ пристрастій,

дѣлающихъ занятаго ими человѣка не только неспособнымъ къ предпринятїю полезнаго въ разсужденїи общаго блага, но и нерадѣтельнымъ къ выполненїю своей должности. Ему нужно имѣть такую живость ума, которая бы возбуждала его съ отмѣннымъ усердїемъ и горячностїю упражняться въ дѣлахъ государственныхъ, а рѣшить долженъ онъ ихъ съ великимъ благоразумїемъ и осмотрительностїю. Отъ него, или въ семъ званїи, требуется такое особенное великодушїе, которое бы могло подкрѣплять человѣка во всякихъ злополучїяхъ и дѣлать его способнымъ къ перенесенїю встрѣчающихся съ нимъ превратностей и нещастїй. Ему надобно противустоять непоколебимо ненависти, зависти и злословїю, и безъ малѣйшаго ужаса взирать на всѣ тѣ огорченїя и досады, какїя обыкновенно причиняются всѣмъ, государственныя дѣла въ своемъ управленїи и въ рукахъ своихъ имѣющимъ особамъ. Министры подобны приговореннымъ къ казни нещастливцамъ, и разнятся отъ нихъ только въ томъ, что послѣднїе получаютъ достойную за преступленїя свои казнь, а первые должны быть награждаемы за услуги по мѣрѣ своихъ достоинствъ. Состоянїе государственныхъ чиновниковъ всегда бываетъ достойно сожалѣнїя, потому что коварство и злость умаляютъ ихъ славу, разглашая о ихъ дѣянїяхъ всякїе худые слухи. Сколько бы они рачительными и усердными для своего отечества быть ни старались, но не успѣютъ въ томъ никогда, чтобъ всѣ объ нихъ хорошо отзывались, и чегобъ не сыскивала публика ставить имъ въ вину. Однако же твердой Министръ не долженъ на такое ненавистное зрѣ-

зрѣніе и хулы злоязычниковъ смотрѣть, но надобно ему до того ихъ презирать, чтобы отнюдь не могли они поколебать его добродѣтель, и никогда бы не въ силахъ были сбить его съ того пути, коимъ онъ ради споспѣшествованія общественному благу твердо вознамѣрился итти.

(3) *Великія дѣйствія происходятъ отъ соразмѣрной причины.*

Знатныя и громкія дѣла, говоритъ Авторъ нравственныхъ разсужденій, бросающія блескъ свой въ глаза народа, хотя и представляются политиками произведеніемъ великихъ намѣреній, но бываютъ часто дѣйствіемъ своенравія и пристрастія. На примѣръ многіе говорятъ, что война, происходившая между Августомъ и Антоніемъ, началась точно изъ славолюбія, подстрекавшаго того и другаго овладѣть цѣлымъ свѣтомъ. Но мнѣ кажется судъ такой несправедливымъ. Правда, что истинное и естественное славолюбія свойство состоитъ въ преимуществованіи предъ равными себѣ, однако не входитъ оно въ такія предпріятія, кои сами по себѣ непозволительны и низки, т. е. происходятъ отъ зависти или ненависти; здѣсь же самъ Римской Сенатъ, по причинѣ неистовыхъ Антоніевыхъ поступокъ, послалъ Августа на востокъ для укрощенія его; почему и долженъ онъ былъ, повинуяся приговорамъ народа, а не по своему пристрастію, итти на него войною. Зависть, говоритъ нѣкто изъ писателей, есть слабость, нѣкоторымъ образомъ извинительная, и въ такомъ случаѣ съ разсудкомъ сходная и согласная, когда старается она спасти принад-

лежащее себѣ добро ---- Ненависть же напротивъ того есть бѣшенство, не терпящее онаго ни въ комъ, но захватывающее все и отъ всѣхъ къ себѣ, какимъ бы то ни было образомъ.

(4) *Иройскія сердца подобны крѣпкимъ желудкамъ, кои не пресыщаются ничѣмъ.*

Для чего, говоритъ Монтань, Испанія не отважила въ день Святаго Квинтина всѣхъ своихъ силъ? Ошибка сія произошла отъ надмѣннаго ея духа, упоеннаго благодѣяніями щастія, и отъ сердца возгордѣвшагося успѣхами, вложившими Испанцамъ излишнюю на свои силы надежду и презрѣніе своихъ непріятелей. Пресытившись они, такъ сказать, великими дарами фортуны, и дерзновенно положась сами на себя, лишились чрезъ то всѣхъ выгодъ, быть могшихъ отъ важнаго сего предпріятія.

(5) *Ирой не ослабѣваетъ отъ бѣдъ и напастей.*

Ежели нещастія, говоритъ Авторъ нравственныхъ разсужденій, приводятъ великаго человѣка въ уныніе, то сіе показываетъ въ немъ не великую душу, но одно то, что есть онъ великой только славолюбъ, а не великой человѣкъ и Ирой. Когдажъ славолюбіе его соединялось притомъ еще и съ немалою суетностію, то въ такомъ случаѣ должно будетъ и то о немъ сказать, что онъ былъ не лучше самыхъ простыхъ человѣковъ. Великаго же человѣка сила и твердость духа, постоянство и всякія добродѣтели, яко прямыя качества Ироя, подкрѣпляютъ его во всякомъ нещастіи; а ежели и подвергается онъ когда

отъ

отъ нихъ унылости, то сїе дѣлается только отъ продолжительныхъ и неудобъ возможныхъ сносить бѣдъ и напастей.

(6) *Храбрость есть въ опасныхъ случаяхъ вѣрнѣйшїй сопутникъ.*

Примѣръ чрезвычайной храбрости представляетъ намъ Александръ Великїй при переправѣ своей чрезъ рѣку Гидаспъ. Неустрашимость, оказанная имъ въ семъ мѣстѣ, останется навсегда невѣроятною. За рѣкою стояла безчисленная армїя, предводимая Государемъ въ войнахъ искуснымъ, храбрымъ и сильнымъ, защищающимъ свое государство отъ стремящагося онымъ овладѣть малосильнаго непрїятеля. Войско его укрѣплено и ограждено было множествомъ вооруженныхъ телѣгъ, и при немъ находилось немалое число великихъ слоновъ, прїученныхъ къ жестокимъ сраженїямъ. Небо отъ безпрерывной молнїи такъ какъ будто горѣло, громъ былъ чрезвычайной, и ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Ужасные вихри во время ревущей бури наполнили всѣхъ сердца страхомъ и отчаянїемъ, всѣ трепетали отъ ужаса, одинъ только Александръ бодрствовалъ. Между всѣми ему только казалась сїя опасность достойною того, чтобъ онъ ее не страшился. И въ самомъ дѣлѣ повелѣваетъ онъ малой своей армїи переправляться на простыхъ кожахъ чрезъ быструю рѣку, и атаковать сильнаго непрїятеля, коего онъ и побѣждаетъ.

Авторъ нравственныхъ разсужденїй говоритъ, что неустрашимость есть такая чрезвычайная души сила, которая способствуетъ подниматься превыше всѣхъ замѣшательствъ

и непорядковъ, могущихъ остановить ея намѣренія. Сею силою подкрѣпляемые Ирои пребываютъ въ спокойномъ положеніи, и сохраняютъ въ опасныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ свободное употребленіе разума и ума.

(7) *Иройской духъ показывается больше всего тогда, когда есть случай мстить злодѣямъ, а онъ ихъ прощаетъ.*

Въ Римлянахъ гораздо болѣе, нежели въ другихъ народахъ, примѣчается такое иройское великодушіе. Въ самомъ опаснѣйшемъ состояніи республики Медикъ Царя Пирра предложилъ Фабрицію отравить ядомъ своего Государя, и избавить тѣмъ Римъ отъ ужаснѣйшаго непріятеля. Консулъ, содрогнувшись отъ безчеловѣчнаго сего предложенія, увѣдомилъ о томъ Римской Сенатъ, а Сенатъ, возчувствовавшій отъ сей злости равное съ Фабриціемъ омерзѣніе, опредѣлилъ единодушно предостеречь отъ опасности Пирра, да и написалъ къ сему Государю съ таковымъ съ своей стороны обнадеживаніемъ письмо, что народъ Римской, привыкшій побѣждать непріятелей своихъ честно и позволеннымъ образомъ, не хочетъ себя тѣмъ обезславить, чтобъ онъ избавился отъ своего недоброхота посредствомъ невѣрности подданныхъ его такихъ, которымъ онъ поручилъ всю свою довѣренность, слѣдовательно во всякой отъ нихъ безопасности чаетъ себя быть. Даріева же напротивъ того душа была совсѣмъ непричастна такой добродѣтели. Онъ, будучи одинъ разъ обиженъ Аѳинянами, возвратившись въ свое государство, приказалъ нарочно одному чиновнику всякой

разъ, когда садился за столъ, восклицатѣ громкимъ голосомъ предъ собою такъ: *Государь! не забывай обиды, оказанныя тебѣ Аѳинянами.*

ГЛАВА V.

О томъ, что Ирою надобно имѣть отличный вкусъ (1).

Того недовольно, чтобы Ирой или великій человѣкъ имѣлъ общирный и хитрый разумъ, и чтобы онъ искусствомъ своимъ могъ усовершенствовать то, чѣмъ одарила его природа; а ему надлежитъ еще и родиться съ отличнымъ вкусомъ, и умѣть исправлять всѣ природные недостатки, относящіеся къ нему (2). Разумъ и вкусъ, подобно какъ два брата, имѣющіе одно происхожденіе, должны имѣть и превосходство изяществъ въ одинаковой степени. Высокой умъ никогда не соединяется съ посредственнымъ вкусомъ; они должны быть равны во всемъ. Безъ отмѣннаго вкуса будетъ и блистательнѣйшій умъ казаться ничѣмъ не лучше и не превосходнѣе низкаго. Совершенства суть разныхъ степеней: иныя первой, а другія второй, по превосходству того источника, изъ котораго онѣ происходятъ. Молодой орелъ, имѣющій острое зрѣніе, смотритъ прямо на солнце, и восхищается его

 бли-

блистанїемъ, между тѣмъ какъ старой сычь отъ малѣйшаго его луча ослѣпляется и ничего не видитъ. Обширныя дарованїя познаются по вкусу, примѣчаемому въ человѣкѣ (3). Для обыкновеннаго же и частнаго человѣка конечно довольно имѣть доброй вкусъ, Ирою же надлежитъ его имѣть превосходной. Впрочемъ вкусъ есть такое добро, которое чрезъ сообщенїе переходитъ отъ одного къ другому (4); слѣдовательно удобно оное и прїобрѣтать, только бы была къ тому охота и доброе расположенїе. Но между тѣмъ все-таки рѣдки такїе люди, которые бы имѣли отличной и превосходнѣйшїй вкусъ. Симъ щастїемъ не многїе пользуются (5).

Однакожъ всякой тщеславясь особенно своимъ вкусомъ, охуждаетъ изъ своенравїя вкусъ другаго, каковъ бы онъ ни былъ. Есть ли же отъ того какая польза? Никакой. Охуляемые отдавая съ своей стороны похвалу собственному своему, взираютъ въ замѣнъ съ презрѣнїемъ на вкусъ хулителей своего. Въ свѣтѣ водится такъ, что половина людей осмѣхаетъ другую, а сїя воздаетъ первой мщенїемъ за то равномѣрнымъ. Свѣтъ сей есть весьма непостояненъ, все въ немъ идетъ, да и будетъ всегда итти коловратно, только съ тою разностїю, что по временамъ глупость бываетъ разная, люди же непремѣнны въ приниманїи участїя въ оной. Но оставимъ о семъ разсужденїе на-

наше, и обратимся къ настоящему нашему дѣлу. Превосходной вкусъ есть страшилище и ужасъ для всего, что есть безобразно и дурно; да и сего еще о строгости онаго сказано не много. Наилучшими признаваемыя и отъ всѣхъ совершеннѣйшими славимыя дѣла не всегда одобряются предъ его судилищемъ. Вкусъ, будучи истиннымъ вещей цѣнителемъ, разсматриваетъ и разбираетъ ихъ съ основанія, и не прежде удостоиваетъ своего благопріятія и своей похвалы, какъ по весьма строгомъ испытаніи (6). Почтеніе, приписываемое нами другимъ людямъ, есть благо драгоцѣннѣйшее; почему благоразуміе и справедливость и заставляютъ насъ отдавать оное только достойнѣйшій имущимъ вкусъ. Приписывая же его и похвалы всѣмъ безъ разбору, слѣдуетъ за безпутное расточеніе сихъ благъ непремѣнное призрѣніе отъ людей. Удивленіе есть обыкновенный признакъ невѣжества и глупости; а раждается или отъ непонятія совершенства предмета, или отъ недостатка просвѣщенія; и поелику вещи, достойныя истиннаго удивленія, суть весьма рѣдки, то да постараемся сколько возможно воздерживаться отъ излишняго удивленія.

Филиппъ Вторый, Испанскій Король, имѣлъ прямо превосходный и разборчивый вкусъ. Наученъ будучи отъ самой молодости познавать совершенства во всемъ, не хвалилъ онъ никогда такой вещи, которая

бы не была вЪ самомЪ дѣлѣ вЪ существѣ и родѣ своемЪ чудна. Нѣкоторой Португальской купецЪ поднесЪ драгоцѣнный алмазЪ сему Монарху, привезенной имЪ изЪ восточной Индіи. Испанскіе Вельможи, присутствовавшіе при аудіенціи Португальца, ни мало вЪ томЪ не сомнѣвались, чтобы Государь ихЪ не обратилЪ все свое вниманіе на сей блестящій камень, и не сталЪ бы удивляться чрезмѣрной его красотѣ; однакожЪ ФилиппЪ, посмотрѣвЪ на него, не очень удивлялся его добротѣ. Причиною же сего было не честолюбіе или величество, но привычка кЪ блистательнѣйшему вЪ свѣтѣ. Государь сей, отЪ юности своей пріучившійся кЪ удивительнымЪ произведеніямЪ искусства и природы, не былЪ тронутЪ сею рѣдкостію, а потому такЪ равнодушно и спрашивалЪ онЪ купца, сколько онЪ требуетЪ за свою дорогую бездѣлку? СемдесятЪ тысячь червонныхЪ, Ваше Величество, отвѣчалЪ купецЪ: яркое сіяніе и отличный блескЪ сего рѣдкаго природы произведенія поставляетЪ ему такую цѣну. Король, продолжая сЪ нимЪ свой разговорЪ, сказалЪ ему на то: я вижу его блистательность, но не понимаю, гдѣ бы ты могЪ сыскать такого человѣка, которой бы у тебя купилЪ сей камень за такую превеликую сумму. Милостивый Государь! отвѣчалЪ ПортугалецЪ, когда я знаю, что вЪ свѣтѣ есть ФилиппЪ Вторый, то ни мало не сомнѣваюсь,

что-

чтобы сей алмазъ не былъ проданъ. Король, будучи болѣе тронутъ симъ разумнымъ отвѣтомъ, нежели прельщенъ блистанiемъ рѣдкаго алмаза, приказалъ удовольствовать Португальскаго Ювелира требуемою имъ суммою, дабы наградить въ немъ умнаго человѣка за остроумiе и вѣжливость. Такимъ образомъ Филиппъ Второй оказывалъ во многихъ случаяхъ знаки отмѣннаго своего вкуса (7).

Многiе думаютъ, что ежели требуется хвалить какую нибудь вещь, то надлежитъ хвалить ее чрезвычайно; но мнѣ кажется, что безмѣрная, или лучше сказать безмѣстная похвала есть недостатокъ вѣжливости и благоразумiя; недостатокъ вѣжливости потому, что хвалить недостойное есть тоже, что смѣяться надъ онымъ; неблагоразумiемъ же можетъ почесться такой поступокъ и по этому, что мы въ то время, когда хвалимъ недостойное, подвергаемъ посмѣянiю и самихъ себя. А хула такогожъ разбора бывъ порожденiемъ зависти и ненависти, есть порокъ зазорной и человѣку честному совсѣмъ неприличной. Агезилай Греческiй Царь не имѣлъ ли достаточной причины назвать того художника неискуснымъ и мало знающимъ свое ремесло, которой изобразилъ Пигмея въ Ензеладовой обуви? Искусство въ употребленiи похвалъ состоитъ въ томъ, чтобы истинная цѣна хвалимой вещи не была

ни

ни слишкомъ уменьшена, ни надмѣру возвеличена.

Донъ Фердинандъ Алварецъ де Толедо, прославившійся множествомъ побѣдъ въ сорокалѣтней войнѣ, считался удивленіемъ свѣта; и вся уже Европа бывъ свидѣтелемъ великихъ его дѣйствій, осыпала его многими похвалами, достойными его храбрости. Но какъ сей великой человѣкъ казался къ такой славѣ всегда нечувствительнымъ, то нѣкогда будучи вопрошенъ о причинѣ сего равнодушія, отвѣтствовалъ онъ на сей вопросъ слѣдующими словами: всѣ сіи похвалы нелестны для меня по тому, что я никогда не находился въ сраженіи съ Турецкою арміею. Ежели быть побѣдѣ прямо произведеніемъ искусства, а не плодомъ силы и мужества, то одно только безмѣрное могущество Оттоманской имперіи, кѣмъ поколебленное и потрясенное, можетъ удостовѣрить меня въ величествѣ духа того Генерала, коему удастся исполнить столь великое дѣло, и онъ будетъ безъ сомнѣнія достоинъ той похвалы, которой жаждетъ мое сердце. Вотъ какихъ требуютъ Ирои дѣлъ для удовольствованія своего вкуса.

Но при всемъ томъ я отнюдъ не намѣренъ научать людей дѣлаться такими Зоилами, которымъ бы ничто въ свѣтѣ не нравилося, и которые бы ничего и ни въ чемъ не находили достойнаго хвалы. Нещастная

стная склонность хулить всѣхъ и все, и неумѣренная критика суть ненавистны во всякомъ человѣкѣ, и неприличны не только частному гражданину, но можно такой поступокъ и въ самыхъ знаменитѣйшихъ Вельможахъ назвать невѣжествомъ, суетою и тщеславіемъ. Есть ли справедливость смотрѣть съ презрѣніемъ и на то, что они сами признаютъ достойнымъ хвалы и одобренія? Почти повѣрить не можно, сколько такихъ качествъ люди досадны и отвратительны въ обществахъ, и сколько ихъ сухая философія, не имѣющая никакого вкуса, причиняетъ здравомыслящимъ неудовольствія и скуки. Почему и нужно, чтобы Ирой, или великій человѣкъ, разсмотрѣвъ совершенно всякую вещь, приписывалъ ей такую цѣну, которой она дѣйствительно стоитъ, то есть, чтобы онъ при разборчивомъ вкусѣ судилъ обо всемъ столькожъ основательно, сколько и справедливо. Конечно неправильно тѣ поступаютъ, которые наклоняютъ умъ свой къ противнымъ ему вещамъ, и жертвуютъ имъ или особенной своей склонности, или предосужденіямъ своимъ, или поступаютъ въ томъ удовлетворяя обязанности къ благодѣтелямъ, или еще и того хуже злобѣ, зависти и ненависти. Какой стыдъ и какое уничиженіе предпочитать мракъ свѣту, а страсти здравому разсудку! А за тѣмъ и да будетъ вамъ правота и небоязненность на-

навсегда правиломъ такимъ, по которому въ оцѣнкѣ вещей непремѣнно слѣдуетъ поступать. Вникая прямо въ настоящую оныхъ доброту и свойство, должно потому и о цѣнѣ ихъ судить. Словомъ, вкусъ вашъ да не будетъ никогда рабомъ предубѣжденій вашихъ.

А какъ узнавать совершенства вещей и полагать имъ цѣну, безъ всякаго возвышенія или униженія, можетъ только одинъ щастливый разсудокъ и изощренный многими опытностями и частыми упражненіями умъ (8): того ради и берегитесь, когда вкусъ вашъ еще не хорошо образованъ, и разумъ не просвѣщенъ, всемѣрно цѣнить на удачу такія вещи, въ коихъ недостатки и несовершенства видятся вамъ только однимъ, а впрочемъ никому (9).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надобно имѣть отличный вкусъ.*

Есть во всякомъ искусствѣ и ремеслѣ точка или край совершенства, такъ какъ изящнѣйшее въ природѣ. Чѣмъ же болѣе примѣчаетъ кто сіе совершенство, и чувствуетъ къ нему привязанность, тѣмъ имѣетъ онъ и вкусъ предъ другими лучшій. Не любящій же и не чувствующій сего совершенства, или хотя и любящій, да мало, имѣетъ вѣрно испорченный и развращенный вкусъ. Онъ же есть безъ сомнѣнія доброй и худой; а отъ того

и происходятъ разныя сужденія, какъ о немъ, такъ по оному и о вещахъ всякаго рода.

(2) *Надобно Ирою родиться съ отличнымъ вкусомъ, и умѣть исправлять всѣ природные недостатки, относящіеся къ нему.*

Надобно конечно о томъ стараться, говоритъ нѣкто изъ писателей, чтобы молодой Принцъ неотмѣнно получилъ при воспитаніи своемъ доброй вкусъ. Сіе будетъ служить ему къ познанію прямаго пути, ведущаго къ отличенію себя въ превосходномъ, и заблаговременно пріуготовитъ его разумъ къ размышленіямъ о вещахъ полезныхъ; а встрѣчающіяся съ нимъ обстоятельства научатъ его тому гораздо болѣе, нежели самый лучшій учитель. Но чтобы молодой человѣкъ имѣлъ точно превосходный вкусъ самъ отъ себя, сего и требовать отъ него не возможно, развѣ онъ родится съ онымъ, или по крайней мѣрѣ будетъ пріученъ при воспитаніи къ нему.

(3) *Обширныя дарованія познаются по вкусу человѣка.*

Когда люди, говоритъ Монтань, судятъ всеобщею молвою объ одномъ дурно, а о другомъ хорошо, то знай, что тогда щастіе или нещастіе болѣе всего дѣйствуетъ. Естьлибъ публика могла всегда ограничивать себя въ своихъ разсужденіяхъ, то бы она чаще видѣла свои ошибки; но понеже схватываетъ она только вершки со всѣхъ слышанныхъ ею извѣстій, то часто отъ того и обманывается и приходитъ въ великія заблужденія, наносящія немалой вредъ тому, о комъ она неосновательные слухи, такъ сказать, съ вѣтра

тра берет. Люди, кланяющіеся цѣлому народу, или цѣлой онаго толпѣ, конечно не знают, кому кланяются. Но тѣ, которые имѣют истинное о человѣкѣ познаніе, и ему одному кланяются, дѣлают прямое ему уваженіе; потому что примѣчают в нем особенныя достоинства, стоющія их поклонов. Множество есть слабых умов, почитающих себя весьма остроумными, и принимающихся судить о прекрасном вкусѣ по безсмысленным своим умозаключеніям, на которых они и основывают всѣ свои приговоры. А хотя и обнаруживают чрез то только что собственное свое невѣжество, однакож не престают все - таки кричать громким и возвышенным голосом: ах как это прекрасно! А что такое есть прекрасное, того и сами не знают.

(4) Вкусъ есть такое добро, которое чрезъ сообщеніе переходитъ отъ одного къ другому.

Принцы, говорит де ла Брюер, поеливу родятся и воспитываются, так сказать, в центрѣ наилучшаго, могут по справедливости увидѣть в свѣтѣ лучшее, и чрез сіе пріобрѣсть отмѣнный и превосходный вкус.

Я не спорю, что Принцы раждаются среди наилучшаго в свѣтѣ, но сего еще мало к пріобрѣтенію безподобнаго вкуса, а надобно чувствовать и понимать наилучшія вещи, и притом умѣть видимое и слышимое соображать с своими понятіями. Есть в каждом ремеслѣ верьх совершенства, и ежели кто оной усматривает, тому не льзя не имѣть вкуса отличнаго и основательнаго. Сіи суть

сло-

слова господина де ла Брюера; Грацїанъ же разсуждаетъ о вкусѣ своемъ иначе: его можно, говоритъ онъ, прїобрѣсти въ скоромъ времени, толькобъ была къ прїобрѣтенїю онаго склонность и охота, а безъ того и наилучшїя вещи будутъ итти мимо глазъ безъ замѣчанїя. Вкуснѣйшїя кушанья конечно для того непотребны, кто не имѣетъ на пищу позыва.

Г. Сентъ-Эвремонтъ говоритъ, что доброй вкусъ есть вещь весьма рѣдкая, и мало въ комъ существующая. Ему не льзя научить, ежели кого онымъ не одарила природа. Высокой разумъ, постигающїй скоропостижно неудобопонимаемыя вещи, конечно беретъ преимущество въ свѣтскомъ обхожденїи предъ всѣмъ, да и превосходный вкусъ стоитъ также великихъ похвалъ и одобренїй; однако не льзя сказать, чтобъ онъ былъ съ первымъ неизъемлемо навсегда сопряженъ.

(3) *Рѣдкїе люди имѣютъ отличной и превосходной вкусъ; однакожъ щастїемъ симъ немногїе пользуются.*

Преимущество Вельможъ предъ простыми людьми есть весьма велико; они употребляютъ деликатнѣйшїя ѣствы, изобилуютъ во всемъ, наряжаются въ лучшее и имѣютъ къ услугамъ своимъ собакъ, лошадей, обезьянъ карловъ, шутовъ и ласкателей, да еще и то, въ чемъ и я завидую имъ, а именно: они имѣютъ въ своихъ повелѣнїяхъ и такихъ людей, которые бываютъ разумомъ и вкусомъ не только имъ подобны, но многїе еще въ томъ ихъ и превосходятъ.

(6) *Вкусъ, будучи истиннымъ цѣнителемъ вещей, разсматриваетъ и разбираетъ все съ основанія.*

Хоть ежечасно тверди уракамъ правила благоразумія, говоритъ Монтанъ, но они останутся навсегда въ своихъ мысляхъ. Какъ ни помогай ихъ слабоумію, и какъ ни толкуй имъ о разсудливости, они поймутъ ваши слова только вскользь; а естьли и сдѣлаютъ по онымъ что нибудь благоразумное, то вѣрно на удачу, а не по вашимъ правиламъ. Ихъ уму никогда не придашъ основательности или твердости. Кто же будетъ имъ противорѣчить и доказывать несправедливость ихъ мыслей, тому они обыкновенно отвѣчаютъ на то въ одинъ голосъ: такъ судитъ публика, какъ мы поступаемъ.

(7) *Филиппъ Второй оказывалъ при всѣхъ случаяхъ отмѣнный свой вкусъ.*

Ежели вѣрить историкамъ, то Августъ имѣлъ изящный совершенно вкусъ. Сентъ-Эвремонтъ говоритъ о немъ такимъ образомъ: всѣ ученые люди обходились съ нимъ всегда просто, и были къ нему весьма приближенны, наиболѣе же любимы имъ Титъ-Ливій, Горацій и Виргилій; почему можно судить и о приверженности его къ изящнымъ наукамъ и доброму вкусу. Да въ немъ и примѣчается столь отмѣнной тѣхъ временъ, что тонкость онаго въ прочихъ столѣтіяхъ почти совсѣмъ неизвѣстна. Онъ весьма боялся отличаться въ такихъ дѣлахъ, въ коихъ дурные знатоки заключали все достоинство. Въ наши же времена такая особенность и отличность въ умствованіи составляетъ всю мудрость, и несмысленные люди суть главные цѣ-

цѣнители достоинствъ и заслугъ! Брюеровы Арсены чрезвычайно у насъ размножилися. Они только и умѣютъ судить, думать и писать. Нѣтъ ни единаго разумнаго творенія, какъ бы оно впрочемъ отъ всѣхъ честныхъ и имѣющихъ хорошій вкусъ людей принято и прославляемо ни было, котораго бъ они не поносили и не охуждали, хотя никогда и не читаютъ его.

(8) *Узнавать цѣну вещей надобенъ разсудокъ, изощренный многими опытностями.*

Авторъ нравственныхъ разсужденій согласно думаетъ съ Граціаномъ, что доброй вкусъ происходитъ отъ здраваго разсудка и отъ просвѣщеннаго и чистаго разума.

(9) *Не надлежитъ цѣнить вещи на удачу, и какъ онѣ кажутся намъ.*

Магабизъ, говоритъ Монтань, пошедши посѣщать Апеллеса, и заставъ его въ работной горницѣ, по долгомъ молчаніи началъ рѣчь о ремеслѣ художника, но получилъ отъ него слѣдующій грубый отвѣтъ: до тѣхъ поръ, пока продолжалось твое молчаніе, казался ты намъ ради богатаго и великолѣпнаго твоего наряда весьма великимъ; но теперь, какъ мы выслушали твои слова, то не находимъ въ тебѣ ничего особеннаго и важнаго. Великолѣпные твои уборы и великая твоя свита не только не научила тебя живописному искусству, но ниже просвѣтила твой разумъ въ чемъ нибудь и другомъ. И такъ не лучше ли бы сдѣлалъ Магабизъ, естьли бы удержался отъ разговора съ Апеллесомъ? Молчаніе оставляетъ людей въ сомнѣніи въ разсужденіи

 зна-

знанія малоразговорчиваго. Молчаливость, и съ умыслу представлять изъ себя ролю нѣмаго есть иногда лучшее средство избѣгать стыда, отъ незнанія происходящаго.

ГЛАВА VI.

Ирою надлежитъ превосходить въ дѣлахъ великихъ (1).

Имѣть въ себѣ всѣ возможныя совершенства, и при томъ въ высочайшей степени свойственно единому Верьховному Существу. Понеже оно ни отъ кого не заимствуетъ своего бытія, то и не ограничивается никакими предѣлами, и есть непостижимо. Человѣкъ же созданный по образу и по подобію Божію, хотя и имѣетъ въ себѣ нѣкоторыя добрыя качества, но онѣ весьма ограничены въ своемъ совершенствѣ (2). Изъ сихъ же добрыхъ качествъ, или неоцѣненныхъ даровъ, иныя ниспосылаются намъ свыше, а другія пріобрѣтаются собственнымъ нашимъ раченіемъ; то есть, ежели у кого недостаетъ природныхъ добрыхъ качествъ, тому надлежитъ замѣнять ихъ свойствами, пріобрѣтаемыми прилѣжностію, стараніемъ и искусствомъ. Первыя называются дочерьми щастливой судьбины, а другихъ именуютъ дочерьми похвальной рачительности, которыя бываютъ

столь

столь же благородны и достойны почтенія какЪ и первыя.

Правда, что для частнаго человѢка не слишкомЪ нужны многія отмѢнныя качества; всеобщему же и великому мужу надлежитЪ имѢть безчисленное множество. ВпрочемЪ кто знаетЪ человѢка сЪ необЪемлемыми и непостижимыми? БывалЪ ли когда нибудь вЪ свѢтѢ столь совершенной Ирой? Можно себѢ представить мужа такихЪ совершенствЪ; но чтобы вообраᴗеніе такое было вЪ самомЪ дѢлѢ сбыточное, это кажется весьма сомнительно (3). ТотЪ не есть совершенный человѢкЪ, которой одинЪ стоитЪ многихЪ людей, отличившихся отЪ другихЪ заслугами; но тотЪ есть прямо таковЪ, коего безчисленныя и обширныя достоинства составили бы многихЪ частныхЪ достойныхЪ людей, естьлибЪ могли раздѢлиться по онымЪ.

Одно совершенство, хотя бы оно было природное или пріобрѢтенное, никогда не возводитЪ человѢка на степень иройства, развѢ оно будетЪ весьма чрезвычайное. Не всякое дарованіе заслуживаетЪ особенное почитаніе; равно какЪ и не со всякою должностію сопряжено бываетЪ отЪ людей уваженіе и довѢренность. ЧеловѢкЪ, старающійся сколько можно прославить себя путемЪ справедливости, ни отЪ кого не бываетЪ за то поносимЪ и презираемЪ; но естьли будетЪ онЪ употреблять для достиженія сей цѢли

 спо-

способы зазорные и непозволенные, то въ такомъ случаѣ конечно себя посрамитъ и унизитъ. Стараться брать надъ всѣми верьхъ и преимущество въ дѣлахъ весьма маловажныхъ, или въ бездѣлицахъ, значитъ показывать себя великимъ въ маломъ, или быть главнымъ надъ ничѣмъ (4); а потому и слѣдуетъ Ирою непремѣнно прославлять себя въ дѣлахъ великихъ, а безъ сего и имя чрезвычайнаго человѣка не дастся ему.

Между иройствомъ Филиппа II, Короля Испанскаго, и между храбростію Филиппа, Царя Македонскаго, находимъ мы великую разность. Первой по щастливымъ и удачнымъ воинскимъ дѣйствіямъ весьма былъ подобенъ Карлу Пятому, своему отцу; но что касается до средствъ, служившихъ въ его успѣхахъ, то въ разсужденіи оныхъ не можетъ онъ быть сравненъ ни съ кѣмъ. Находясь безвыходно въ своемъ кабинетѣ, столь благоразумно учреждалъ и располагалъ онъ свои предпріятія, что щастливыя окончанія были всегда неминуемымъ оныхъ слѣдствіемъ. И сіе-то совершенное, такъ сказать, благоразуміе, отличаетъ иройство его отъ иройства всѣхъ прочихъ, носящихъ на себѣ сіе имя. Напротивъ того Филиппъ Македонскій никогда не оставлялъ Марсова поля, и пріучая къ военнымъ дѣламъ Александра своего сына, вперилъ въ него подобныя своимъ склонности; чего ради храбрость,

рость, неутомимое старание и удачныя покушенія о расширеніи узкихъ предѣловъ своего государства принесли ему гораздо болѣе пользы, нежели моглибъ то сдѣлать самыя глубокомысленнѣйшія разсужденія, чинимыя Филиппомъ Вторымъ для полученія скорыхъ и наилучшихъ въ дѣлахъ его успѣховъ. И такъ Филиппъ Вторый былъ великой человѣкъ, а Филиппъ Македонскій былъ только великой воинъ. Чтожъ касается до Александра, то онъ столь много побѣдилъ Государей, что едва кто изъ Азіатскихъ Царей избѣжалъ ударовъ побѣдоносной его храбрости. Однакожъ можетъ ли иройство состоять въ такомъ невольничествѣ, до котораго онъ себя доводилъ? Можно ли того именовать великимъ, кто носитъ на себѣ постыдныя страстей оковы (5)? Слава, ненавистница роскошей, не будетъ вѣкъ слѣдовать за невоздержнымъ и помрачающимъ себя пороками человѣкомъ.

Впрочемъ чрезвычайный человѣкъ никогда не бываетъ тѣмъ доволенъ, чтобы имѣть предъ другими преимущество въ какой нибудь одной вещи, но онъ старается быть совершеннымъ, ежели можно, во всѣхъ, такъ чтобы обширность просвѣщенія неотмѣнно соотвѣтствовала тѣмъ способностямъ, которыя онъ въ себѣ ощущаетъ. Почему презирая всякое малое знаніе, какъ въ дѣлахъ политическихъ, такъ и въ наукахъ, считаетъ легкія предпріятія болѣе суетнымъ попол-

вновенiемъ юношества, нежели полезнымъ плодомъ ревнiя мужа благороднаго и твердаго. Правда, что быть твердымъ и превосходить всѣхъ во всякомъ родѣ знанiй есть кажется дѣло совсѣмъ невозможное, однако лучшимъ въ томъ предъ другими слыть есть все-таки между тѣмъ покушенiе не небезъполезное. А за тѣмъ и непонятно мнѣ это, отъ чего бы то дѣлалося, что рѣдкiе изъ насъ бываютъ людьми великими; чему бы недостатокъ въ томъ приписывать, безсилiю ли нашему, или холодности нашихъ усилiй и желанiй? Кажется, что не можетъ быть недостатокъ нашего мужества и бодрости духа причиною того (б). Конечно могли бы мы вдаваться во многотруднѣйшiя на свѣтѣ дѣла, естьлибъ слабость здоровья и короткой нашъ вѣкъ не полагали къ прiобрѣтенiю онаго титла непреодолимыхъ препонъ. Упражненiе правда что есть надежное средство къ усовершенствованiю себя во всякомъ ремеслѣ и во всякомъ дѣлѣ такъ, какъ и въ наукахъ; но поелику удовольствiя, получаемыя нами за всѣ въ томъ труды, проходятъ весьма скоропостижно, то не очень охотно и покупаемъ мы для себя услажденiе, стоющее намъ весьма великихъ хлопотъ и заботъ.

Но какъ бы то ни было, только добрыя, но посредственныя качества не могутъ сдѣлать человѣка великимъ. А одно, но

весь-

весьма превосходное дарованіе (какъ уже нами о томъ выше сказано) въ силахъ возвести на степень величія, иройства и славы. Да и не было еще такого человѣка на свѣтѣ, которой бы не превосходя другихъ въ какомъ нибудь отмѣнномъ дѣлѣ, или дѣйствіи, въ дарованіяхъ и качествахъ, удостоенъ былъ званія Ироя; потому что отличность въ великихъ достоинствахъ есть прямой характеръ сего титла; сверьхъ же того чѣмъ упражненіе благороднѣе само по себѣ, тѣмъ удобнѣе можетъ оно получить и пріобрѣтать себѣ почтеніе и честь. Превосходство въ великомъ есть степень къ властоначалію, непосредственно отъ всѣхъ себѣ благоговѣнія и высокопочитанія требующему. Ежели кормщикъ, знающій совершенно управлять однимъ судномъ, всюду за то славится и отъ всѣхъ заслуживаетъ себѣ честь и доброе имя, то сколь должны быть огромны похвалы, сколь должна быть громка и велика та слава, которую надобно приписывать искусному Полководцу, разумному Министру и справедливому Судьѣ, когда превосходятъ они въ дѣлахъ своихъ всѣхъ!

Кастильской Марсъ Донъ Діего Перецъ де Вергасъ, введшій въ употребленіе оную пословицу: *Кастилія производитъ Полководцовъ, а Аррагонія Государей* (7); мужъ преисполненный славы и чести, сложа съ себя достоинства и чины, удалился къ самымъ

Испанскимъ границамъ, въ одно небольшое мѣстечко, называемое Ксерецъ. Онъ жилъ спокойно въ своемъ уединеніи, совсѣмъ не думая, чтобы кто нибудь вспомнилъ въ свѣтѣ о немъ. Но великія его дѣла сдѣлавшись извѣстными всѣмъ, повсюду гремѣли, а по причинѣ его отъ Двора отсутствія были всѣми тѣмъ больше еще прославляемы. Новый Государь, возшедши тогда на престолъ Аррагонскій, Алфонсъ, справедливый цѣнитель рѣдкихъ достоинствъ, а особливо знавшій настоящую цѣну военныхъ дѣлъ, разсуждая нѣкогда о Вергасовыхъ подвигахъ, и бывъ крайнѣ оными тронутъ, возжелалъ посѣтить самъ сего великаго мужа. Чего ради на другой же день послѣ разговора о немъ отправился онъ тайно въ путь, въ провожаніи только четырехъ рейтаръ: Вотъ сколь превосходныя заслуги бываютъ пріятны и привлекательны для тѣхъ, кои умѣютъ отдавать имъ надлежащую съ почтеніемъ справедливость. Алфонсъ, прибывши въ Ксерецъ и вошедъ въ Вергасовъ домъ, не засталъ его въ немъ. Сей воинъ, привыкшій ко всегдашнему упражненію, отлучился тогда въ свое помѣстье, гдѣ онъ воздѣлывалъ землю своими руками. Король, принявшій на себя трудъ ѣхать изъ Мадрита въ Ксерецъ съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобъ увидѣть Вергаса, рѣшился искать его вездѣ, гдѣбъ онъ ни былъ; чего для въ туже минуту поѣхалъ къ нему

вѣ его помѣстье; и когда рейтары, провожавшіе своего Государя, первые, увидя Віргаса, подстригающаго опустившіяся виноградныя вѣтви, донесли о томѣ Алфонсу, то тотѣ же часѣ приказалѣ онѣ имѣ спрятаться, такѣ чтобы ихѣ трудолюбивой сей мужѣ не увидѣлѣ; а самѣ слѣзши сѣ лошади, началѣ подбирать обрѣзываемыя имѣ виноградныя прутья. Віргасѣ, услыша позади себя шумѣ, оглянулся, и узнавѣ своего Государя, бросился кѣ его ногамѣ, говоря ему слѣдующее: *Милостивый Государь! подумайте, что вы дѣлаете?* *Продолжай пожалуй*, отвѣчалѣ ему Король, *твою работу; для такого подстригателя надобенѣ конечно доброй подборщикѣ.* По томѣ имѣя сѣ нимѣ многіе дружескіе разговоры, и увѣривѣ сего Ироя о особливомѣ своемѣ кѣ нему почтеніи, возвратился вѣ Мадритѣ ощущая вѣ себѣ крайнее удовольствіе по посѣщеніи столь великаго мужа.

Превосходство вѣ великомѣ, какогобѣ оно рода ни было, вѣрно не остается безѣ отмѣннаго уваженія. Правда, что вѣ пріобрѣтеніи сего рода величія состоитѣ немалая трудность, но за то уже и слава отѣ того происходящая можетѣ наградить за всѣ воспринимаемые нами для онаго труды. Вѣ древности не безѣ причины трудолюбивѣйшее животное посвящаемо и жертвуемо было знаменитымѣ Ироямѣ; безѣ сомнѣнія означа-

чалось чревѣоное то, что благородные труды суть непосредственные виновники всѣхъ великихъ и славныхъ дѣяній, соплетающихъ своимъ подвижникамъ похвалъ и почестей вѣнцы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надлежитъ превосходить въ дѣлахъ великихъ.*

Мнѣ кажется, говоритъ Кавалеръ де М. что Государь, желающій сдѣлаться мудрымъ обладателемъ своихъ подданныхъ, не можетъ довольно научиться тому, что требуется знать при управленіи народомъ. Да есть впрочемъ безконечная и въ образѣ сего ученія разность. Ежели Государь будетъ учиться наукѣ правленія такъ, какъ научается мастеровой ремеслу для снисканія себѣ хлѣба, а не для пріобрѣтенія предъ другими преимущества: то въ такомъ случаѣ ничего онъ послѣ себя не оставитъ мудраго и славнаго въ свѣтѣ. Больше же всего надлежитъ быть Государю прямо честнымъ человѣкомъ, и на правилахъ честности основывать всѣ свои поступки.

Я привелъ здѣсь разсужденіе Кавалера де М. больше для того, что полагаетъ онъ основаніемъ величія и иройства непосредственно добродѣтель и честность, правила самыя изящныя, истинныя и превосходныя; а хотя требуетъ притомъ же и того, чтобъ были они въ градусѣ высокомъ, однако похваляетъ между тѣмъ также и посредственныя, но все-таки не поставляя ихъ способомъ къ пріобрѣтенію великаго имени Ироя, а говоритъ объ оныхъ

такъ:

такъ: Ирой не ремесленникъ; не захочетъ превосходить въ посредственномъ, но жаждетъ быть первымъ въ великомъ и важномъ.

(2) *Человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, хотя и имѣетъ въ себѣ добрыя качества, но они весьма ограничены.*

Въ книгѣ, называемой нравственныя разсужденія, Авторъ, употребляя всѣ тонкости обманчивыхъ мудрованій, выводитъ наружу такія бѣдствія и горести человѣчества, какія только вообразить и выдумать можно. Онъ представляетъ себѣ человѣка въ горестнѣйшемъ состояніи оставленнымъ на произволъ своего разсудка, и отнюдь не подкрѣпляемымъ благодатію свыше. Но въ какомъ городѣ, или въ какомъ государства углу находится такой бѣднякъ? По крайней мѣрѣ нѣтъ его между Христіанами; да есть ли полно и въ цѣломъ свѣтѣ такой, даже и въ самыхъ идолопоклонническихъ народахъ? Можетъ ли быть человѣкъ по своей природѣ вмѣстилищемъ пороковъ? Никакъ тому статься не льзя, чтобъ быть онъ могъ столь низкое и бѣдственное твореніе въ свѣтѣ. Древніе язычники въ какой слѣпотѣ ни были, однако являются и въ нихъ нравственныя добродѣтели. Самые дикіе, скитающіеся почти по одиначкѣ въ степяхъ и живущіе безъ всякихъ законовъ въ дебряхъ и вертепахъ люди оказываютъ въ себѣ къ добродѣтели наклонную нравственность.

(3) *Можно себѣ только что представить мужа совершенна.*

Разумъ нашъ такъ ограниченъ, и въ такомъ стѣсненъ малоружіи, говоритъ де ла Брюеръ, что

что никакъ не можетъ имѣть о всемъ совершенное понятїе. Увидя на примѣръ въ чемъ нибудь прїятное, успѣваемъ ли мы обращать въ тужъ минуту вниманїе наше и на основательность ума? Разсматривая красоту тѣла, проворство, гибкость членовъ и способность человѣка, достанетъ ли время смотрѣть притомъ и на дарованїя его души?

(4) *Брать верьхъ въ дѣлахъ малоазжныхъ значитъ быть великимъ въ маломъ.*

Знаменитому и великому мужу заниматься бездѣлицами неприлично конечно. Это срамно и достойно зазрѣнїя, когда кто вздумаетъ прославляться въ дѣлахъ, чину и состоянїю своему неприличныхъ, хотя бы были они впрочемъ и похвальныя; на примѣръ когдабъ захотѣлъ какой Государь искать себѣ всеобщей хвалы въ рисованьѣ, или въ архитектурѣ, то слава о искусствѣ его причинила бы ему болѣе укоризнъ, нежели чести; ибо мы видимъ изъ исторїи, что товарищамъ Демосѳеновымъ, бывшимъ въ посольствѣ у Филиппа, за то, что хвалили они сего Государя за пригожство лица, за его краснорѣчїе и за употребленїе имъ многихъ винъ, отвѣтствовано было такъ: первое прилично женщинѣ, другое стряпчему, а послѣднее свойственно губкѣ.

(5) *Не льзя именовать того великимъ, кто носитъ на себѣ оковы страстей.*

Александръ конечно былъ такова свойства, когда онъ находился въ самомъ жару своихъ страстей; но когда дѣйствовалъ на берегахъ рѣкъ Граника и Идаспа, и когда благородное его

его къ славѣ рвенїе, твердость духа, храбрость и величїе души превозносили его едва ли не выше и самаго человѣчества, то былъ онъ конечно въ то время не таковъ.

(6) *Чему бы можно приписывать недостатокъ въ великихъ людяхъ.*

Нѣтъ почти въ свѣтѣ дѣлъ невозможныхъ; а хотя нѣкоторыя и кажутся намъ быть таковыми, но сїе происходитъ отъ того, что недостаетъ нашей прилѣжности и раченїя входить прямо въ нихъ, тѣмъ меньше старанїя въ произведенїи ихъ въ дѣйство и къ окончанїю оныхъ. Юлїй Цесарь подтверждаетъ сїе мнѣнїе собственнымъ своимъ поведенїемъ. Посмотрите, говоритъ Монтанъ, какїе дѣлаетъ онъ новые планы въ наведенїи мостовъ и въ изобрѣтенїи подъемныхъ машинъ, какїя вымышляетъ небывалыя переправы съ своимъ войскомъ. Всѣ его подвиги не свидѣтельствуютъ ли о той въ неутомимыхъ трудахъ прилѣжности, коею преодолѣвается казавшееся всѣмъ невозможнымъ и неприступнымъ?

(7) *Кастилїя производитъ Полководцовъ, а Аррагонїя Царей.*

Великїй Конде, удалившїйся отъ Двора въ Шантильской свой замокъ, весьма можетъ служить къ обьясненїю нашей матерїи изряднымъ примѣромъ. Патеръ Рапинъ изьясняется о немъ слѣдующимъ образомъ: восхитително было видѣть Принца, блистающаго добродѣтельми среди грозныхъ тучь жестокой войны, когда онъ оставлялъ позади себя отважнѣйшихъ воиновъ, и самъ спѣшилъ въ опаснѣйшїя мѣста; будучи покрытъ кровїю и

пылью, преодолѣвалъ встрѣчающіяся на пути его препятствія, водворяя всюду, гдѣ ни являлся, страхъ и повсемѣстное замѣшательство въ своихъ непріятеляхъ. Предшествуемъ ужасомъ, препровождаемъ храбростію и послѣдуемъ славою, давалъ онъ баталіи, располагалъ осады городовъ, помогалъ союзникамъ, отражалъ на него ополчающихся непріятелей и дѣлался повсюду оныхъ побѣдителемъ и господиномъ. Теперь же кажется онъ еще пріятнѣйшимъ и славнѣйшимъ, находясь въ вожделѣннѣйшемъ покоѣ, и наслаждаясь уединенною жизнію, которую доставили ему великіе и знаменитѣйшіе его подвиги. Мы, взирая на него въ нынѣшнемъ состояніи, и видя пользующагося добромъ, прямо его достойнымъ; видя его, повторяю я, принимающаго ласково всѣхъ своихъ посѣтителей, показывающаго имъ красоту каскадъ, водометовъ, садовъ и луговъ, со всѣми разговаривающаго съ обыкновенною вѣжливостію и съ сродною ему ласковостію, можно по справедливости сказать, что онъ увѣнчанъ всѣми возможными лаврами чести, и наслаждается теперь славою самою полною и громкою. Отстоэонившись, такъ сказать, отъ придворной и всего міра пышности, и взирая на прошедшіе свои воинскіе подвиги, какъ на основаніе нынѣшней спокойной жизни, не пользуется ли теперь тишиною, сооруженною разумомъ и мудростію, и не внушаетъ ли сладость, отъ умѣренности и воздержанія происходящую? Честь, до которой онъ безпрестанно старался достигнуть, имѣя въ рукахъ оружіе, можетъ ли сравниться съ тою, которая водворилась въ душѣ его, водворя въ оную съ собою миръ и тишину?

ГЛА-

ГЛАВА VII.

О преимуществахъ старшинства и перворожденія (1).

Сколь бы многіе люди были фениксами въ своемъ родѣ и сдѣлались бы образцами для будущихъ временъ, естьлибъ другіе не предварили ихъ своимъ предсуществованіемъ! Прославиться въ чемъ нибудь первому, или прежде всѣхъ что нибудь выдумать, есть великое преимущество. Тѣмъ усугубляется достоинство дѣйствія, или по крайней мѣрѣ выигрываетъ оно предпочтеніе предъ таковымъ же, но произведеннымъ гораздо послѣ его. Прекраснѣйшія творенія новѣйшихъ писателей почитаются списками съ древнихъ Авторовъ. Сколько бы нынѣшніе мудрецы и Марсовы подвижники ни употребляли усилія въ изобрѣтеніи отмѣннаго, но застарѣлое и укоренившееся въ мірѣ предубѣжденіе будетъ все-таки называть ихъ подражателями прежде бывшихъ въ свѣтѣ философовъ, а въ дѣлахъ военныхъ Ироевъ. Право старшинства поставляетъ древнихъ превыше иногда всѣхъ ихъ достоинствъ, и новые Ирои, какъ бы велики и славны они ни были, почитаются не болѣе, какъ младшими въ разсужденіи знаменитости древнихъ. Короче сказать, имъ приписывается не болѣе чести, какъ въ половину противу ихъ; ибо баснословная древность, превознося и восхва-

ляя чрезъ долгое время великихъ мужей своихъ вѣковъ, не признала свои похвалы достаточнымъ за ихъ дѣла награжденіемъ, а за тѣмъ и предоставила будущимъ временамъ служить имъ жертвами и приношеніями. Причиною же сего есть всеобщее заблужденіе въ томъ, что люди тѣмъ болѣе возвышаютъ и увеличиваютъ цѣну вещей, чѣмъ они отдаленнѣе щитаются отъ ихъ временъ (2).

Я же совѣтую стараться до такого во всемъ преимущества достигать, которое заключается въ томъ, чтобы сдѣлаться единымъ и первымъ виновникомъ необычайной такой заслуги, которая бы не имѣя ни малой надобности въ отношеніи въ порядку предъидущихъ временъ, ограждена и чиста была отъ всѣхъ встрѣчающихся отъ оныхъ помѣхъ (3). Того же требую я по причинѣ такой; поелику множество людей, участвующихъ въ одномъ достоинствѣ и въ однихъ заслугахъ, умаляютъ только ихъ цѣну, и дѣлаютъ ихъ для вида не столь знатными и великими, сколько знаменитыми моглибъ они показываться въ одномъ человѣкѣ; того ради и надобно какъ можно доводить до такого состоянія себя, чтобъ раздѣльное во многихъ было въ насъ совокупнымъ; за тѣмъ что то не есть произведеніе простой рачительности, когда кто желая быть въ чемъ нибудь первымъ изобрѣтателемъ, отважится приняться за такое

ве-

великое дѣло, коего огромность всѣхъ до него отъ себя отстращивала, онъ же исполненіемъ предпринятаго и прославляется одинъ и открываетъ чрезъ то новой и незнаемой до него никѣмъ къ славѣ и величію путь. Есть же много дорогъ, ведущихъ къ сей прекрасной отличительности и отмѣнитости, но не всѣ онѣ проходимы и набиты довольно. Чего ради и надлежитъ всегда разсматривать оныя и выбирать изъ нихъ такія, кои бы были соразмѣрны нашимъ силамъ (4); наилучшими же изъ сихъ путей почитаются тѣ, кои хотя показываются и трудными въ самомъ дѣлѣ, но суть кратчайшіе изъ всѣхъ. А доброй путешественникъ не достигаетъ ли иногда до желаемаго мѣста по узкой и негладкой тропинкѣ гораздо еще скорѣе, нежели по дорогѣ самой большой и хорошей?

Образъ Соломонова поведенія былъ совершенно противной Давидовой жизни, и полученіе Иройскаго титла стоило сыну гораздо меньшаго труда, нежели отцу. Давидъ отличилъ себя воинскими дѣлами, а Соломонъ прославился миролюбивыми качествами. Августь пріобрѣлъ славу чрезъ свое великодушіе, а Тиверій преемникъ его получилъ оную посредствомъ политики (5). Карлъ Пятый и Филиппъ Вторый сынъ его были оба Ирои, но каждой изъ нихъ поступалъ, достигая сего титла, особеннымъ образомъ.

ИмператорЪ прославился по безмѣрному своему могуществу, а Король по чрезвычайному благоразумію. Да и вЪ самой церквѣ великіе и славные люди не всѣ были одинакаго свойства. Одни отличили себя святою и добродѣтельною жизнію, а другіе глубокими размышленіями и полезнымЪ ученіемЪ. Горячность и усердіе кЪ сохраненію вѣры составляли одного главное свойство, а склонность украшать храмы, посвященные живому Богу, занимала мысли другаго. А хотя и разными стезями идутЪ кЪ славѣ Ирои, но всегда достигаютЪ до единой цѣли своихЪ вЪ томЪ преднамѣреній. Первенство же и превосходство ихЪ достоинствЪ должно быть всегда особенное и рѣдкое вЪ своемЪ родѣ.

ПодобнымЪ имЪ образомЪ прославившіеся и вЪ наукахЪ великіе люди превзошли всѣхЪ своихЪ сверстниковЪ (6)? Они находили средства сдѣлать себя безсмертными вЪ одной и той же наукѣ, вЪ которой другіе оставались предЪ ними и тупѣли при самомЪ начинаніи своемЪ, а чрезЪ то и оставили первые имя свое славнымЪ для всего потомства, послѣдніе же остались неизвѣстными всѣмЪ. ПервыхЪ не льзя поистиннѣ не почесть знаменитыми вЪ своихЪ упражненіяхЪ, на примѣрЪ Горація вЪ сочиненіи эпической поэмы; сЪ нимЪ конечно не можетЪ вЪ томЪ сравняться Виргилій. МарціалЪ вЪ лирическомЪ стихотворствѣ не долженЪ ли уступить не-

по-

подражаемому Горацію? А Теренцій видѣлъ ли себѣ равныхъ въ родѣ комическихъ сочиненій, равно какъ и Персей въ лирическихъ? не упоминая о премногихъ иныхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ писателяхъ, получившихъ первенство предъ другими, упражнявшимися въ одномъ и томъ же родѣ сочиненій; слѣдовательно и надобно конечно отдавать предъ прочими справедливость тѣмъ только изъ нихъ, кои отваживались пускаться на изобрѣтеніе новаго, великаго и громкаго дѣла. Это знакъ отмѣннаго ума гнушаться славы, происходящей отъ подражанія другимъ, яко для себя низкой, или причитать себѣ въ безчестіе слыть раболѣпнымъ спищикомъ, такъ какъ слыветъ большая часть нынѣшнихъ Авторовъ въ свѣтѣ, не старающихся сдѣлаться примѣрами и образцами для потомковъ и будущихъ временъ.

Нѣкоторой живописецъ весьма досадовалъ на то, что Тиціенъ, Рафаилъ и многіе другіе, жившіе прежде его, прославились въ рисовальномъ искусствѣ. А какъ слава ихъ тѣмъ болѣе гремѣла, что они давно уже оставили временную сію жизнь, то и вздумалъ онъ пріобрѣсть себѣ особенное въ живописи преимущество, и сравняться съ ними въ первенствѣ, во что бы то ни стало. Для достиженія же сея цѣли принялъ онъ непремѣнное намѣреніе писать грубыя черты и фигуры. Пріятели и знакомые его предста-

вляли ему, что онъ, упражняясь въ нѣжной и тонкой живописи, пріобрѣлъ бы себѣ конечно большую славу, и сдѣлался бы достойнымъ сотрудникомъ Тиціена; а перемѣнивъ образъ своего рисованья, дѣлая въ томъ великую ошибку, никогда быть тѣмъ не можетъ. Но маляръ отвѣтствовалъ на то съ гордостію: „ Мнѣ кажется лучше быть первымъ самимъ мною въ изобрѣтенномъ, нежели считаться въ мастерствѣ своемъ вторымъ по Тиціенѣ и другихъ многихъ предупредившихъ меня въ рисовальномъ искусствѣ (7). „

Сія разумная и возвышенная отмѣнитость можетъ служить правиломъ для людей, находящихся во всякомъ званіи, во всякой должности и во всякомъ ремеслѣ. Однакожъ для пріобрѣтенія себѣ небывалаго достоинства потребенъ конечно мужественный духъ. При сысканіи себѣ новаго достоинства надлежитъ избирать такія особенныя, приличныя и надежныя средства, кои бы показывали къ нему путь безъ всякой ошибки; въ противномъ же случаѣ будешь гоняться за такою отличностію, которая подвергнетъ неминуемому поношенію и посмѣянію отъ всѣхъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Преимущество старшинства и перворожденія.*

Тому назадъ болѣе трехъ тысячь лѣтъ, какъ Ахиллесъ славится Ироемъ на свѣтѣ, и какъ всѣ Полководцы, желая сдѣлатъся его послѣдователями, поставляютъ себѣ за великую честь съ нимъ сравниваться или уподобляемы ему быть: такой-то Государь, или такой-то Полководецъ есть прямой Ахиллесъ, говорятъ славя Ироевъ нынѣшнихъ временъ. Да и пребудетъ, думаю, такая ему честь неизмѣнно незабвенною до скончанія вѣка, или до тѣхъ поръ, пока Стихотворцы, Историки, Ораторы и множество другихъ повторяющихъ ихъ слова не перестанутъ представлять въ примѣръ его храбрость; въ слѣдствіе чего и можно сказать, что труды будущихъ Ироевъ въ превышеніи его въ храбрости и славѣ останутся безуспѣшны и тщетны навсегда, и старанія ихъ взять надъ нимъ въ томъ верьхъ будутъ конечно напрасныя. Упрямые и угрюмые мудрецы никогда не сравняютъ ихъ ниже съ Гекторомъ, не только съ Ахиллесомъ; ибо преданіе чтитъ храбрость первыхъ Витязей такимъ совершенствомъ, превыше котораго никто въономъ вознестися не можетъ. Вотъ что дѣлаетъ преимущество первенства и перворожденія.

(2) *Люди возвышаютъ и увеличиваютъ цѣну вещей по отдаленности оныхъ временами отъ нихъ.*

Мы слишкомъ славимъ, говоритъ нѣкто изъ писателей нашихъ временъ, и слишкомъ пре-

превозносимъ Авторовъ древнихъ. Слава ихъ у насъ ежегодно прибавляется въ ширину и въ вышину, и чѣмъ становятся по временамъ они старѣе, тѣмъ больше кажутся намъ по нашему предразсудку важнѣйшими и разумнѣйшими. А понеже нашихъ временъ сочиненія, какъ бы они премудры ни были, не являются намъ противъ древнихъ и вполы быть таковыми, то я и думаю, что въ томъ весьма сильно предразсудокъ дѣйствуетъ нами, и что мы по одному предубѣжденію въ пользу древнихъ писанія ихъ предпочитаемъ нынѣшнимъ, и что всѣ сіи древнія творенія, коимъ мы удивляемся теперь, были въ глазахъ своихъ современниковъ столь же маловажными и малозначущими, сколько нынѣшнія таковыми намъ являются быть.

(3) *Надобно чтобъ заслуги Ироя не имѣли надобности въ отношеніи къ порядку предъидущихъ временъ.*

Е тѣ ремесленники, говоритъ де ла Брюеръ, коихъ разумъ столько же обширенъ, сколько и искусство, усматриваемое въ ихъ ремеслѣ. Они своимъ остроуміемъ и прилѣжностію достигаютъ до великаго совершенства, и приносятъ обществу неизчетныя пользы. Правда, что много предпринимаютъ и на удачу, но получивъ въ томъ доброй успѣхъ, проницаютъ чрезъ то гораздо далѣе во глубину своего знанія, и имѣютъ великую прибыль отъ того.

Извѣстно, что пріобрѣтать себѣ таковымъ образомъ достоинства есть крайняя отважность, а потому и должны къ сниканію оныхъ устремляться люди весьма высокихъ и от-

отмѣнныхъ понятій. Для открытія себѣ новаго и никому неизвѣстнаго пути, ведущаго къ истинной чести, требуются не простые и малые труды, но необычайная человѣческая прилежность. Въ извѣстныя времена являются на землѣ рѣдкіе и отмѣнные такіе люди, кои блистаніями своихъ качествъ подобны такимъ являющимся на небѣ кометамъ, о которыхъ существованіи, и откуда онѣ приходятъ и куда дѣваются, изъ смертныхъ никому неизвѣстно. Ирои, тоже не имѣя у себя ни предковъ, ни потомковъ заключаютъ весь свой родъ въ самихъ только себѣ.

(4) *Надобно приниматься всегда за такія дѣла, кои бы соразмѣрны были нашимъ силамъ.*

Александръ, достигая величія и геройства, шелъ весьма странными, труднѣйшими, но при томъ и самократчайшими путями. Бывъ обладателемъ небольшаго государства, беретъ онъ намѣреніе овладѣть міромъ, да и пускается, такъ сказать, въ неудобь исполнительнѣйшія для сего предпріятія. Будучи предводителемъ тритцати тысячь только человѣкъ, и не смотря на недостатокъ въ деньгахъ и въ съѣстныхъ припасахъ, оставляетъ онъ Македонію свою съ тѣмъ, чтобъ въ оную никогда не возвращаться; но начавши войну съ Персіею, или въ короткое время завоевать всю Азію, или найти тамъ мѣсто своего погребенія. Дарій же, котораго ради обширныхъ царствъ, неизчетныхъ богатствъ и безчисленныхъ войскъ называли Греки великимъ; Дарій, коего простые намѣстники наводили страхъ всѣмъ пограничнымъ народамъ и ужасъ; Дарій, за коимъ всегда слѣдовали ми-

милліоны ратниковъ, когда онъ ополчался и выходилъ на брань; Дарій былъ тотъ Монархъ, на царство коего отважился возстать Александръ, и на котораго онъ напавъ, побѣдилъ, разбилъ его армію и лишилъ Царя сего величества и престола, сдѣлавъ народъ его своимъ данникомъ. Одна побѣда, одержанная имъ надъ симъ Государемъ, яко изъ всѣхъ прежде бывшихъ отъ начала міра совершеннѣйшая и славнѣйшая, доставила побѣдителю въ самомъ дѣлѣ полную власть надъ всею Азіею.

После же хотя и многіе Ирои, не справясь довольно съ своими силами, принимались достигать славы Александровымъ путемъ; но или совсѣмъ отъ того погибали, или только тѣмъ посрамили сами себя, какъ на примѣръ Донъ Севастіанъ Король Португальскій и Карлъ XII Король Шведскій. Слѣдовательно и надлежитъ пути, ведущіе къ иройству, избирать со всякою осмотрительностію, а при томъ по силѣ и мочи своей.

(5) *Августъ пріобрѣталъ славу великодушіемъ, а Тиверій политикою или хитростію.*

Это не извѣстно, или весьма сомнительно, чтобы Тиверій принялъ умышленно тѣ правила политики, которымъ онъ слѣдовалъ во время своего правленія, такъ какъ и то для меня не понятно, чтобы Августъ избралъ его наслѣдникомъ своимъ единственно съ такимъ умысломъ, дабы преемникъ престола, преисполненный пороковъ, заставилъ Римлянъ болѣе о немъ жалѣть и тужить. Не уважая взводимое сіе на Августа злословіе, скажемъ лучше, что Тиверій по возшествіи на престолъ велъ себя прямо по своимъ качествамъ, и жилъ по дурнымъ своимъ склонностямъ,

ни-

никогда не думая казаться въ своемъ поведенiи противнымъ Августу, или чтобы чрезъ сiе подавать какъ бы нарочно причину къ своему нареканiю, и ко оказанiю себя хуждшимъ Августа. Онъ былъ самъ по себѣ таковъ, что коварной, злой и кичливой его нравъ дѣлалъ столько же стыда и срама Римской имперiи, сколько честные Августовы поступки служили къ прославленiю оной.

(6) *Прославившiеся въ наукахъ превосходили въ томъ всѣхъ своихъ сверстниковъ.*

Платонъ имѣлъ, говоритъ Аббатъ Масiо, отъ природы склонной къ стихотворству духъ, и былъ въ молодыхъ лѣтахъ крайнѣ влюбчивъ. Сочиняжъ по случаю такому стихи, покусился было онъ испытать свои силы и надъ трагедiями; но когда сравнилъ труды свои съ Гомеровыми, то увидѣлъ великую между ими разность; почему увѣривъ себя въ томъ, что ему не одолѣть такого борца, которой за пять до него вѣковъ прiобрѣлъ себѣ благоволенiе и почитанiе отъ всѣхъ, оставилъ стихотворческiя упражненiя, и бросивъ всѣ свои сочиненiя въ огонь, принялся за такой родъ письма, въ которомъ сдѣлался по томъ первымъ. Но сей примѣръ древности, показанный глубокомысленнымъ Платономъ, ни мало не дѣйствуетъ надъ умами ученыхъ нашихъ временъ. Едва ли найдешь изъ нихъ столько мудраго, и столько самимъ собою властвующаго, чтобы бросивъ стихотворческое дурное перо, принялся за такой родъ сочиненiя, которой бы былъ ему сроденъ, и посредствомъ котораго могъ бы онъ быть со вре-

временемъ добрымъ Авторомъ, а не дурнымъ марателемъ стиховъ.

(7) *Лучше быть первымъ въ изобрѣтенномъ собою, нежели послѣдователемъ.*

Съ помянутымъ живописцомъ, достигшимъ до первенства въ странномъ родѣ рисованія, можетъ весьма прилично быть сравненъ живописецъ же Калотъ, которой по свидѣтельству господина Фелибія былъ природной дворянинъ Лотарингской. Онъ первой началъ писать смѣхотворныя, забавныя и шуточныя картины, и сдѣлался своею работою столько славенъ, что и доднесь слыветъ въ томъ безпримѣрнымъ. Вымышленные имъ панталоны, пелигрины, и разнаго рода глупцы и шуты написаны такими красками, подобныхъ которымъ никогда еще не бывало, да и сыщется ли и впредь кто нибудь умѣющій такъ какъ Калотъ изображать смѣшныя лица и фигуры, очень сомнительно.

ГЛАВА VIII.

О томъ, чтобъ Ирой знаменитыя и блистательныя качества предпочиталъ тѣмъ, кои меньше трогаютъ людей (1).

Подъ именемъ блистательныхъ качествъ разумѣю я такія, коихъ благородныя дѣйствія, будучи извѣстны всѣму свѣту и сообразны всеобщему вкусу, бываютъ хвалимы отъ всѣхъ. Два славные города, Ѳивы и Римъ, про-

произвели на свѣтъ двухъ различнаго качества Ироевъ: Ѳивы Геркулеса, а Римъ Катона. Первой изъ сихъ подвижниковъ былъ удивленіемъ цѣлаго свѣта, а другой непрестанно боролся съ пороками въ Римѣ. А хотя послѣдній и несравненно болѣе превосходилъ мудростію перваго, но надобно признаться, что Геркулесъ относительно къ славѣ имѣлъ преимущество предъ Катономъ. Сей безпрерывно старался искоренять пороки, наносившіе безчестіе его отечеству; а тотъ истреблялъ чудовища, причинявшія разореніе и опустошеніе его земли. Предпріятіе Римлянина, естьли его взять въ прямомъ смыслѣ, было весьма трудное и мудрое; намѣреніе же Ѳивянина хотя и не заключало въ себѣ никакой мудрости, но было слишкомъ громко и знаменито. Чего ради Катоново имя осталось извѣстнымъ только въ однихъ стѣнахъ города Рима, а Алкидово прославилось во всѣхъ предѣлахъ вселенной; и слава Геркулесова не промчалась только въ отдаленнѣйшія тѣ страны, которыя не имѣли тогда сообщенія съ другими извѣстными всѣмъ

Но между тѣмъ нѣкоторые люди (впрочемъ довольно разумные и разсудливые) предпочитаютъ трогательнымъ и блистательнымъ такимъ дѣламъ упражненія, хотя и немногимъ извѣстныя, но заключающія въ себѣ глубокія достоинства (2). Похвала и почита-

таніе не многихъ трогаютъ сихъ мудрецовъ гораздо чувствительнѣе, нежели похвалы и рукоплесканія цѣлой публики; ибо дѣла, на которыя обращается удивленіе публики, называютъ они чудесами невѣждъ и малосмысленной черни. Основываютъ же мысли такія на слѣдующемъ разсужденіи: пускай де совершенство или превосходство частнаго, но знаменитаго дѣла, и не всѣми бываетъ усматриваемо, и честь, слѣдуемая оному, отъ малодѣятельности своей заключается въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ; но потому что рѣдкіе того хвалители будутъ изъ многочисленнаго народа самые избраннѣйшіе, и такъ сказать отличнѣйшія въ человѣческомъ родѣ особы, то не довольно ли де награждено оно будетъ достойнымъ почтеніемъ чрезъ то, что удостоится благоволенія столь отмѣнныхъ людей? Впрочемъ де, продолжаютъ они умствовать, какъ вещь, трогающая чувства всякаго человѣка, конечно въ самой скорости получаетъ всеобщую хвалу, то де и не льзя того миновать, чтобъ не входило при такой похвалѣ скоропоспѣшности чего нибудь въ похвалу низкаго и подлаго; да и самая де точность достоинствъ пріобрѣтаетъ ли чрезъ то какое ни есть въ себѣ приращеніе, когда безъ разбору и опрометчиво отъ всѣхъ выхваляется она? Чего де ради и слѣдуетъ лучше довольствоваться такими похвалами, кои происходятъ отъ прямой и истинной

раз-

разсудливости, нежели отЪ опрометчивости, то есть, что особенное одобреніе знающихЪ и разумныхЪ людей должно считаться сильнѣйшимЪ и превосходнѣйшимЪ всеобщаго, потому что влечетЪ оно всегда за собою уваженіе народное и приверженность публики.

ТакЪ-то разсуждаютЪ нѣкоторые вЪ свѣтѣ умы, но сіи ихЪ размышленія кажутся мнѣ надмѣру тонкими, и едва ли могутЪ служить кЪ обЪясненію нашей матеріи. Да я же притомЪ твердо вЪ томЪ стою, что добрыя и превосходныя качества, нравящіяся всѣмЪ, и заслуживающія всеобщее благоволеніе, должны быть вЪ минуту своего явленія отЪ всѣхЪ предпочитаемы; ибо извѣстны и пріятны бывая по существу своему и по своимЪ дѣйствіямЪ, происходящимЪ отЪ нихЪ всѣмЪ, и обращаютЪ они по сей причинѣ на себя всеобщее вниманіе людей, за которымЪ неминуемо повсюдная и всемірная слѣдуетЪ похвала. Да они же никогда и не перемѣняютЪ свойства своего, то есть, они сами чрезЪ себя приходятЪ вЪ знаменитость, и бываютЪ отЪ всѣхЪ принимаемы сЪ уваженіемЪ прямо по существу своему. А какЪ наслаждаться народнымЪ благоволеніемЪ есть самое лестнѣйшее преимущество вЪ свѣтѣ, то старающійся пріобрѣсть себѣ оное далеко кажется отойдетЪ отЪ предпріятія своего вЪономЪ тѣмЪ, когда вздумаетЪ одобреніе отЪ частныхЪ и немногихЪ людей сЪ такимЪ

кимъ намѣреніемъ себѣ искать, чтобъ чрезъ нихъ или посредствомъ ихъ притти мало помалу въ почтеніе у всего народа. Такое предпріятіе назваться можетъ химерою, а поступать притомъ по такимъ расположеніямъ есть сущая нелѣпость (3). Къ тому же и говорю я здѣсь о такихъ знаменитыхъ и превосходныхъ качествахъ, коихъ благородныя должности бываютъ ощутительны и поразительны для всей публики; а потому и исключаю изъ оныхъ тѣ народныя и увеселительныя услуги, какія показываются подлыми и смѣшными шутами. Знаю, что искусному пантомисту за выразительныя его тѣлодвиженія приносится удареніемъ въ ладоши отъ всѣхъ похвала, равно какъ и всѣмъ оборотливымъ площаднымъ поспѣшникамъ и скоморохамъ; но сіи люди, не имѣющіе истинныхъ достоинствъ, или лучше сказать, сіи занимающіяся дурачествомъ и суетою бѣдныя твари заслуживаютъ ли себѣ какую славу, и стоятъ ли за то почтенія? Вся ихъ честь состоитъ только въ томъ, что ихъ называютъ Ироями кривляній, прыганій и смѣхотворныхъ тѣлодвиженій (4).

Ктожъ таковы суть истинные Ирои, коихъ имена написаны златыми буквами въ книгѣ стоустой богини? Это безъ сомнѣнія великіе военные люди, коимъ ироиство принадлежитъ по всѣмъ правамъ и по самому существу ихъ дѣяній (5). И въ самомъ дѣ-

лѣ

лѣ ихъ слава и похвалы гремятъ по всему свѣту; каждой вѣкъ, напоминая объ нихъ потомству, дѣлаетъ память ихъ безсмертною и незабвенною до позднымъ временъ. Исторія была бы скучна и непріятна, да и падала бы изъ рукъ дремлющаго читателя, естьли бы повѣствованія о великихъ иройскихъ подвигахъ ее не оживляли (6); даже и самыя злополучія и нещастія Ироевъ служатъ основаніемъ и душею для превосходнѣйшаго стихотворства. Отъ чегожъ все сіе происходитъ? Отъ того, что великія дѣла сихъ преславныхъ въ войнахъ щастливцовъ или нещастливцовъ подобно сильнымъ громовымъ ударамъ поражаютъ и трогаютъ всякаго человѣка. Однакожъ я ни мало на то несогласенъ, чтобы война могла быть предпочтительнѣе миру (7), развѣ въ томъ случаѣ, когда миръ будетъ поносной и предосудительной. И въ семъ-то смыслѣ и упоминаю я здѣсь о военныхъ достоинствахъ, такъ какъ о такихъ, кои суть блистательнѣе, славнѣе и громче всѣхъ прочихъ; но между тѣмъ можно и во всякомъ благородномъ званіи пріобрѣсть себѣ народную похвалу, а особливо ежели кто слѣдуетъ и примѣняется къ общему чувствованію и ко всеобщимъ мыслямъ людей. Правосудіе, отправляемое безъ пристрастія и безъ дальнихъ со стороны просителей хлопотъ, доставляетъ судьѣ такое же безсмертіе и та-

кую же славу, какую доставляютъ Беллонины лавровые вѣнцы знаменитому и храброму Полководцу. Равнымъ образомъ можетъ и ученой человѣкъ навсегда прославить свое имя, ежели онъ станетъ заниматься полезными, привлекательными и сообразными всеобщему вкусу твореніями. Напротивъ того сухія и на вкусъ небольшаго числа педантовъ писанныя сочиненія приведутъ его въ вѣчное у всѣхъ забвеніе (8), и не принося никакой пользы, умножатъ только число книгъ, покупаемыхъ иногда безъ всякаго разбора охотниками до великаго оныхъ числа.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надлежитъ блистательныя дѣла предпочитать малымъ.*

Дѣла міра сего, говоритъ нѣкоторой Авторъ, получаютъ нерѣдко цѣну и все свое достоинство отъ первой похвалы, безъ разбору приписываемой, а особливо ежели они происходятъ отъ человѣка находящагося при знатной должности. Ибо въ знатныхъ людяхъ блистаютъ отмѣнныя качества всегда гораздо свѣтлѣе, нежели въ простыхъ или состояніи посредственнаго. Они, обращая на себя народное примѣчаніе, пріобрѣтаютъ тѣмъ большую хвалу, чѣмъ болѣе бываютъ видны и ощутительны всѣмъ. Человѣкъ въ маловажномъ чинѣ, хотя бы имѣлъ ихъ и самыя лучшія, но не въ силахъ будучи обращать на себя народ-

роднаго вниманія, остается преданнымъ всегдашнему забвенію отъ всѣхъ.

Сколько знаменитая должность и великой чинъ приносятъ и малодостойнымъ людямъ почтенія, оное можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: Посмотрите на человѣка, говоритъ Монтанъ, возведеннаго на высокое достоинство; хотя тому и трехъ еще не пройдетъ дней, какъ мы его знали ничего незначущимъ, вѣрно его тогда уже не узнаемъ по тому, что знатной чинъ совсѣмъ переиначитъ его. Онъ покажется намъ величимъ, даже и съ самыми малыми достоинствами. Пускай же перемѣнится щастіе и низринетъ его съ той высоты, на которую былъ онъ имъ поставленъ. Пускай вмѣшается по прежнему въ туже толпу людей, изъ которой было поднялся слишкомъ высоко, всѣ мы станемъ удивляться, какъ, по чему и отъ чего сдѣлался было онъ столь великимъ, не имѣя ни малыхъ достоинствъ. Какъ могъ онъ быть столько знатнымъ? Это тотъ, скажемъ всѣ, конечно тотъ самой, которой хотя былъ по своей должности и великъ, но по знанію своему всегда малъ. Какая была ошибка въ возвышеніи его и въ какія было глупыя руки попалися мы!

(2) Нѣкоторые предпочитаютъ дѣламъ блистательнымъ такія, кои хотя и не многимъ извѣстны, но заключаютъ въ себѣ глубокія достоинства.

Красота ума, величество духа, храбрость, безкорыстіе и способность скоро и вдругъ понимать все, хотя суть достоинства людей и великихъ, но мнѣ случалось видѣть

 мно-

многихъ Министровъ съ помянутыми качествами, которыми они въ продолженіе отправляемой ими важной должности не пріобрѣтали себѣ столько чести и славы, сколько приноситъ разбитіе пяти сотъ непріятельскихъ коней, или взятіе и маловажнѣйшаго непріятельскаго мѣстечка отважному воину. Министерскому уму удивляются очень рѣдкіе люди, потому что немногіе могутъ о немъ справедливо судить. А для сего-то и говоритъ Граціанъ, что воинскіе Ирои, имѣющіе многихъ рукоплескателей дѣламъ своимъ, могутъ показывать скорѣе нежели другіе, дѣла соотвѣтствующія имени и чести великихъ мужей.

(3) *Это химера посредствомъ не многихъ пріобрѣтать себѣ довѣренность цѣлой публики.*

Есть люди, кои не смѣютъ въ собраніяхъ говорить о какомъ бы то ни было дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока не услышатъ, какъ о немъ будетъ отзываться публика. Читая на примѣръ новое сочиненіе, чувствуютъ они конечно его достоинство, но не смѣютъ явно изъявить свою похвалу, а ждутъ народнаго мнѣнія, и пока не увидятъ цѣлую толпу или множество людей о немъ похвалы или хулы говорящихъ. А за тѣмъ и слѣдуетъ признаться, что благоволеніе сихъ боязливыхъ людей не приноситъ ни малѣйшей Автору пользы, и не способствуетъ ему въ пріобрѣтеніи народной хвалы. Иногда же случается и то, что хотя новоизданное сочиненіе и одобряется наилучшими знатоками, и называется разумнымъ, основательнымъ и глубокомысленнымъ во всемъ, но поелику писано оно не на всеобщій вкусъ,

то и не получаетъ за тѣмъ всеобщей и похвалы, а по сему и остается слава онаго творенія заключенною, такъ сказать, въ умахъ только малаго числа искусныхъ и знающихъ настоящую цѣну умовъ. Цицеронъ зналъ то и старался всячески пользоваться похвалою публики и не упускалъ никакого случая, въ которой бы могъ угодить народному вкусу; въ доказательство же того приведу я о немъ слѣдующій случай, подтверждающій его попеченіе о томъ. Нѣкогда надобно было ему говорить предъ народомъ рѣчь, но не имѣя времени къ тому приготовиться, весьма онъ безпокоился, что не совсѣмъ еще вытвердилъ свое слово. Но какъ слуга его Еросъ, пришедшій домой, сказалъ, что собраніе народа отложено до инаго дня, то за принесеніе такой радостной вѣдомости тотъ же часъ отпустилъ его на волю.

(4) *Ирои кривлянья и козерканья не стоятъ ничего.*

Ироями въ кривляніи рожъ, коверканьѣ и прыганьѣ называются тѣ люди, кои жертвуютъ услугами своими знатнымъ господамъ. Грацiанъ не только не полагаетъ ихъ въ число великихъ людей, но и называетъ презрѣннѣйшими тварями; а по низкому своему ремеслу и въ самомъ дѣлѣ достойны они сего званія отъ всѣхъ.

(5) *Ирои военные суть первѣйшіе изъ всѣхъ.*

Въ военныхъ дѣлахъ, говоритъ де ла Брюеръ, трудно различить Ироя воина отъ великаго человѣка, ибо одинакія добродѣтели прославляютъ того и другаго. Развѣ представитъ

 се-

себѣ перваго человѣкомъ молодымъ, предпрїимчивымъ, отмѣнно храбрымъ и въ опасностяхъ неустрашимымъ; а другаго вообразить себѣ въ разсудкѣ и въ обширной прозорливости твердымъ, съ высокимъ умомъ, съ отличными способностями, и чрезъ долговременное въ войнѣ упражненїе сдѣлавшимся весьма искуснымъ и опытнымъ, а по сему и должен-ствовало бы назвать Александра воиномъ, а Юлїя Цесаря мужемъ великимъ. Но сїе различїе столь тонко, что чрезъ оное ни мало не отличается одинъ отъ другаго. Для чего Ирой воинъ и великой мужъ и означаетъ здѣсь одного человѣка и одну особу; ибо всѣ военныя добродѣтели равномѣрно служили украшенїемъ какъ Александру, такъ и Цесарю, и разность между ими состоитъ только въ томъ, что одинъ изъ нихъ имѣетъ больше, а другой меньше оныхъ добродѣтелей. Цесарь и Александръ не были ли оба равномѣрно предпрїимчивы, отмѣнно храбры и въ опасностяхъ тверды и неустрашимы? Не имѣли ли они обширнаго и великаго разсудка, и отвѣты ихъ не заключали ли въ себѣ отмѣнной остроты? И что были они притомъ же весьма и прозорливы, то свидѣтельствуютъ оное употребленныя ими средства, для произведенїя въ дѣйство своихъ намѣренїй; а высокїя ихъ способности не подтверждаются ли ихъ знанїемъ въ наукахъ и въ правленїи государственномъ? Александръ учился военному искусству подъ предводительствомъ отца своего Филиппа, и оказалъ въономъ опытности конечно не меньше всякаго Римскаго Генерала, въ томъ искусившагося. Слѣдовательно разность, какую я нахожу между имъ и Цесаремъ, состоитъ

толь-

только въ томъ, что Александръ былъ моложе Цесаря, а Цесарь лѣтами старѣе Александра.

(6) *Исторія была бы скучна, естьлибъ не повѣствовала о подвигахъ Ироевъ.*

Жизнь Ироевъ обогащаетъ исторію, и исторія ими украшается; а потому и не знаю я, кто кому долженъ большею благодарностію, писатель ли исторіи подавшему матерію къ благородному сему упражненію, или великой человѣкъ за его исторіописателемъ прославленіе? Рѣшеніе сей задачи можетъ быть слѣдующее: Ирои положили основаніе къ упражненію историковъ, а сіи списали съ нихъ только копіи. Ирои сдѣлались Ироями безъ заимствованія помощи отъ историковъ и стихотворцовъ; сіи же въ родѣ трудовъ своихъ не отъ того ли сдѣлались славны, что взяли изъ ихъ дѣлъ матерію къ благородному своему упражненію? Безъ Ахиллесовъ, Агамемноновъ и прочихъ были ли бы когда нибудь Гомеры? Безъ Августовъ, Помпеевъ и имъ подобныхъ имѣли ли бы мы случай знать Корнелія? И такъ прославившіеся писаніемъ исторіи обязаны огромностію своего слога конечно больше Ироямъ, нежели себѣ самимъ. Естьлибъ не было на свѣтѣ дураковъ и невѣжъ, были ли бы извѣстны Плавты, Теренціи, Моліеры и Мигель Церванте́съ, творецъ Донъ-Кишотовъ?

(7) *Война не можетъ быть предпочтительнѣе мира.*

Надобно, говоритъ господинъ Сентъ-Эвремонтъ, чтобы война начиналась по справедли-

рымъ причинамъ, и чтобы въ воинской наукѣ искусные народы обращали всегда свое вниманіе на благо тѣхъ смертныхъ, коихъ они покорить себѣ будутъ; однако выгоды отечества должны быть предпочитаемы всему, даже и собственной частной пользѣ. Когда же военное искусство сдѣлается упражненіемъ, взимаемымъ отъ самонравія, безпорядковъ и личныхъ пристрастій, когда война съ тѣмъ только намѣреніемъ начинаема будетъ, чтобъ сдѣлать всему свѣту зло, то въ такомъ случаѣ благородное сіе ремесло лишается вовсе той чести и славы, какую оно себѣ присвояетъ.

Ежели прямо судить, говоритъ де ла Гогетъ, то война ничто иное есть, какъ истинное небесъ наказаніе. Цари должны отвращать отъ себя сіе зло, умаляющее величество оныхъ умаленіемъ ихъ подданныхъ и слѣдствіями безчисленныхъ бѣдствій, безразлучно сопряженныхъ со всякою войною. Богъ есть Богъ тишины и мира; а Царь, представляющій на землѣ его образъ, губитъ въ себѣ сіе подобіе, ежели не бываетъ миролюбивъ по примѣру Творца своего.

(8) *Сухія и ни вкусъ педантовъ выдаваемыя сочиненія дѣлаютъ Автору безчестіе.*

Я не люблю, говоритъ Сентъ-Эвремонтъ, такихъ ученыхъ, кои дѣлаютъ только скучныя ссылки и тайну даже и изъ того, изъ чего вовсе не слѣдуетъ никакой. Они не входя въ чувствованія трогательнаго, не желая ни о чемъ разсуждать съ надлежащею тонкостію разума, сами не объясняя ничего, указываютъ только во всемъ на другихъ, а отъ того и остается навсегда темнымъ и непріятнымъ ими толкуемое.

ГЛА-

ГЛАВА IX.

Ирою надлежитЪ узнать господствующую имЪ добрую склонность (1).

Я не знаю, внимательности ли должно приписать, или случайному щастію, то, что великой человѣкЪ, узнавЪ скорѣе другаго господствующее имЪ доброе качество, начинаетЪ тотчасЪ производить оное во всей его обширности (2) вЪ дѣло и на пользу себѣ. Но какЪ бы то ни было, а сіе преимущественное доброе качество есть вЪ немЪ или храбрость, или духЪ политики, или особенная склонность кЪ наукамЪ. Дарованія конечно достойныя замѣчанія и такія, что можно посредствомЪ каждаго изЪ нихЪ дѣлаться во всякой должности и во всякомЪ званіи совершеннымЪ, особливо же вЪ такомЪ случаѣ, когда господствующая способность будетЪ предпочтительно предЪ прочими преклонна кЪ оной. Но между тѣмЪ естьли возмнитЪ кто сЪ равною выгодою пользоваться двумя вдругЪ или и всѣми великими оными дарами, изЪ которыхЪ едва ли и для одного достанетЪ его силЪ и попеченій, то поступитЪ вЪ томЪ весьма глупо (3); на примѣрЪ будучи знатнымЪ и превосходнымЪ ПолководцомЪ, вздумалЪ бы поравняться вЪ знаніи наукЪ сЪ великими учеными людьми, конечно оказалЪ бы

чрезъ то въ себѣ грубой неразумія знакъ. Надобно избрать что нибудь одно, или быть послѣдователемъ Марса, или посвятить труды свои Аполлону (4), то есть, надобно предаться чему нибудь одному, а въ другое заглядывать только вскользь и слегка, да и поступать всегда притомъ такъ, чтобы господствующее качество, или такъ назвать дѣятельное, было болѣе всѣхъ прочихъ усовершенствовано (5). Орелъ, имѣя предъ всѣми птицами острѣйшее зрѣніе, и смотря безъ всякаго вреда на яркіе солнечные лучи, ни мало не завидуетъ сладкому соловья пѣнію. Равнымъ образомъ и строусъ не желаетъ подняться на такую высоту, на каковую взлетаетъ орелъ, потому что сіе безразсудное предпріятіе кончилось бы смертельнымъ для него паденіемъ. Слѣдовательно красота перьевъ должна его утѣшать, въ замѣну всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыхъ его лишила природа.

Всякой изъ насъ получая отъ верховнаго существа свое бытіе, получаетъ въ то же время свойственную, такъ сказать, долю остроумія и ума; а за тѣмъ долгъ каждаго изъ насъ и требуетъ того, чтобы мы сіе дарованіе узнали, и старалися бы придать ему настоящій видъ и прямую цѣну.

По

По сіе время не было еще ни одного въ свѣтѣ человѣка, которой бы не могъ довести себя до совершенства въ какой нибудь должности или званіи, потому что до сихъ поръ не находилось еще на землѣ ни одного такого смертнаго, которой бы отъ природы былъ лишенъ всѣхъ способностей и дарованій ко усовершествованію себя. Но за всѣмъ тѣмъ столь не многіе находятся изъ насъ совершенными, что видимъ мы себя принужденными таковыхъ особъ ради отличности ихъ предъ другими называть людьми чрезвычайными и великими. Первыхъ нарицаемъ такими по превосходству, а другихъ по рѣдкости ихъ достоинствъ. Чтожъ касается до существованія всѣхъ вообще способностей въ одномъ человѣкѣ, то оное есть столь же неизвѣстно, сколь невѣроятно и бытіе въ свѣтѣ Феникса (6). Однакожъ люди столько надменны, что тщатся всячески слыть таковыми; а сіе ихъ о себѣ суемысліе показывается тѣмъ, что рѣдкаго сыщешь изъ смертныхъ, которой бы не признавалъ себя способнымъ къ отправленію самой труднѣйшей въ мірѣ должности. Ласкательное воображеніе, возраждаемое самолюбіемъ, заставляетъ всѣхъ приниматься за все, и опрометчивость такая изчезаетъ не прежде, какъ уже зло отъ неисправности въ занятой должности возрастаетъ и усиливается до того, что къ поправленію себя

вЪ наглости сей не остается ни малой надежды.

МѣждуЪ тѣмЪ я не думаю, чтобЪ тотЪ дѣлалЪ чрезЪ то ошибку, когда не хочетЪ превосходить другихЪ вЪ посредственномЪ сЪ тѣмЪ умысломЪ и предрасположенiемЪ, дабы не прослыть самому человѣкомЪ ума посредственнаго. Старающiеся же быть посредственными вЪ низкомЪ упражненiи, и вЪ не трудномЪ всякому себя отличать, конечно не стоятЪ никакого вЪ томЪ извиненiя, хотя это вЪ жизни нашей видѣть случается чаще и обыкновеннѣе всего; почему и кажется мнѣ слѣдующiй совѣтЪ одного изЪ стихотворцовЪ, подтвержденной АристотелемЪ, очень разумнымЪ и приличнымЪ на сей случай. Никогда не принимайся за такое дѣло, кЪ которому не видишь и не замѣчаешь склонности или способности вЪ себѣ (7). Конечно не надобно вступать вЪ такое состоянiе, или брать на себя такой чинЪ, кЪ понесенiю котораго не имѣешь достаточныхЪ силЪ и дарованiй, и вЪ коемЪ не можешь доставить обществу пользы. Сiя истинна есть для всякаго понятна и ощутительна; но сколь трудно дѣлать кЪ ней людямЪ примѣненiе и исполнять ее самымЪ дѣломЪ, это мы видимЪ всѣ ежечасно. КЪ тому же никто и не скажетЪ намЪ, способны ли мы кЪ той должности, за которую хватаемся. Да мы и са-

сами не стараемся узнать въ себѣ то. Чего ради и слѣдуетъ признаться намъ въ томъ, что навсегда мы удобны обманываться и во всякія заблужденія впадать (8); ибо завѣса, возлагаемая самолюбіемъ на наши глаза, закрываетъ всѣ находящіяся въ насъ недостатки, и не позволяетъ намъ видѣть въ себѣ, кромѣ однихъ мнимыхъ нашихъ достоинствъ. Чего для нѣкоему въ древности мудрецу весьма желательно было, чтобы изобрѣтены были такія зеркала въ свѣтѣ, которыя бы показывали качество разума и души точно также, какъ обыкновенныя зеркала представляютъ лицо и станъ всего человѣка. Но онъ же послѣ одумавшись говорилъ: поелику каждой изъ смертныхъ долженъ быть самъ себѣ зеркаломъ, того ради и надлежитъ отмѣнить сіе желаніе, потому что зеркало такое есть нашъ разумъ, и когда онъ не будетъ помрачаться самолюбіемъ, то не станетъ вѣрно представлять насъ такими, какими самимъ намъ хочется быть, а будетъ изображать прямо и точно тѣми, каковы мы есть въ самомъ дѣлѣ.

Человѣкъ, призывающій себя предъ собственный свой судъ, ищетъ тысячи увертокъ, дабы какъ нибудь укрыться и избѣжать отъ знанія того, чего онъ достоинъ. Самолюбіе, подобно баснословному Протею, умѣетъ принимать на себя всякіе виды, и для покоренія себѣ разума благопріятствуетъ

всѣмъ

всѣмъ нашимъ страстямъ; оно льстя склонностямъ, угождаетъ притомъ и всѣмъ нашимъ прихотямъ. Будучи обильно въ изобрѣтеніи средствъ къ нашему во всемъ извиненію, или лучше сказать въ представленіи намъ ложныхъ и обманчивыхъ видовъ, служитъ намъ тьмами способовъ, оправдывающихъ заблужденія наши; склонности же и пристрастія наши, будучи и сами весьма разнообразны, вкрадываяся подъ разными видами въ состояніе наше, показываются по томъ разнообразными во нравѣ, голосѣ, чувствованіи, во вкусѣ и лицѣ, смотря по сообразности обстоятельствъ. По причинѣ же сего чрезвычайнаго ихъ измѣненія и не остается въ свѣтѣ почти ни единой должности и чина, которыя бы были праздны и не заняты никѣмъ. Притворство дѣлаетъ всѣхъ способными ко всему, хотя дарованій и нѣтъ никакихъ. Склонность творитъ все приступнымъ и возможнымъ даже и то, чего и самый деспотическій, или и любимый отъ подданныхъ своихъ Государь отъ нихъ получить и изъ нихъ сдѣлать не въ силахъ; на примѣръ представимъ себѣ Монарха съ таковыми свойствами, о каковыхъ я теперь говорилъ, то есть самовластнаго, да пускай будетъ онъ притомъ же милостивъ и человѣколюбивъ (9); пускай будетъ отецъ и надежда своего народа, однако и при такихъ

доб-

добрыхъ свойствахъ естьли вздумаетъ распредѣлить должности подданнымъ своимъ по своему разсужденію, и судя по наружности о способностяхъ ихъ, и скажетъ иному изъ нихъ: ты будь земледѣльцемъ, а другому, ты будь художникомъ, и такъ далѣе: вѣрно не удастся ему улучить чрезъ то имъ желаемое. Всѣ они начнутъ отзываться слабостію и неспособностію. Всѣ станутъ отбиваться отъ налагаемыхъ на нихъ чиновъ, и признавать ихъ для себя тягостными. Ни одинъ не будетъ доволенъ самою почтеннѣйшею должностію по тому только, что онъ приметъ ее по указу, а не по склонности своей. Вотъ сколь далеко простирается власть и сила склонностей надъ человѣкомъ; а хотя они и столь сильно дѣйствуютъ нами, но между тѣмъ не всегда и по склонности въ начатомъ предпріятіи можно улучить желаемое; ибо часто вовлекаютъ насъ склонности наши и въ такія дѣла, на исполненіе которыхъ не имѣемъ мы и способности никакой.

Чтожъ дѣлаетъ въ такомъ случаѣ разумной и разсудительной человѣкъ? Онъ переноситъ, такъ сказать, дѣло свое изъ суда своихъ склонностей въ судъ здраваго разсудка, и при помощи сего свѣтозарнаго луча разсматриваетъ строго ихъ всѣ, а притомъ и господствующее свое доброе качество, наблюдая притомъ весьма то, чтобы

от-

отнюдь ихъ съ нимъ не смѣшать. По спокойномъ же и искреннемъ испытанiи самаго себя и приступаетъ онъ къ той должности, къ которой себя наиспособнѣйшимъ по природѣ находитъ. Тогда-то труды, вспомоществуемые склонностiю, и производимые съ великою охотою и жаромъ, получаютъ въ короткое время добрые успѣхи и желаемый конецъ.

Донъ Фердинандъ Кортецъ Маркизъ дель Валле никогда не сдѣлался бы завоевателемъ Индiи, естьли бы не примѣнялся сперва къ разнымъ чинамъ и не испытывалъ бы своихъ способностей въ томъ, къ чему лучше всего устремить онъ можетъ господствующее свое качество, и какой предметъ по его мнѣнiю быть долженъ наиболѣе онымъ приличенъ. Естьлибъ взялся онъ за ученыя дѣла, и посвятилъ себя Музамъ, то можетъ быть остался бы навсегда простымъ и посредственнымъ только учителемъ, хотя онъ впрочемъ имѣлъ и довольно обширный разумъ; но какъ скоро принялъ онъ оружiе, и узналъ великое свое расположенiе къ воинскимъ дѣламъ, то принявшись прямо за сiе благородное ремесло, достигъ онъ въ томъ до такой степени величiя и славы, что сравнялся съ знаменитѣйшими Iроями древности.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надлежитъ узнать господствующую имъ добрую склонность.*

Весь смыслъ сей главы заключается въ томъ, что безъ трудовъ и природныхъ дарованій никто отличиться не можетъ, а съ прилѣжаніемъ и талантами всякому возможно достигнуть совершенства; такожъ что и посредственной умъ, вспомоществуемой великимъ прилѣжаніемъ, успѣваетъ гораздо болѣе во всемъ самаго остраго, находящагося въ недѣятельности. . . . Славное имя пріобрѣтается великими трудами, а отъ неприлѣжности и упущенія встрѣчаются препятствія, могущія и въ знаменитѣйшихъ предпріятіяхъ помѣхи творить. Тотъ, кто мало старается усовершенствовать трудами недостаточныя свои дарованія, будетъ находить въ дѣлахъ своихъ повсемѣстные съ досадами недостатки. Надобно узнать способности свои прямо и научиться дѣйствовать ими по приличію времени и мѣста, а прилѣжаніе и труды наградятъ добрыми успѣхами всякое предпріятіе въ томъ и другомъ.

(2) *Ирою надлежитъ господствующее имъ доброе качество на пользу себѣ обращать.*

Авторъ нравоучительныхъ разсужденій предлагаетъ къ рѣшенію слѣдующій вопросъ: былъ ли въ свѣтѣ такой человѣкъ, которой бы расширилъ свое познаніе до такого предѣла, до котораго далѣе расширено не можетъ оно быть? Въ душахъ нашихъ, говоритъ онъ, столько есть лѣности, сколько оной находится и въ самыхъ нашихъ тѣлахъ. Я же от-

вѣчаю на то, что въ душѣ нашей лѣности такой нѣтъ, какой подвержено тѣло. Она не мыслитъ ли и тогда, когда тѣло бываетъ въ недѣятельности, а мыслить не есть ли дѣйствіе ея, равно какъ движеніе тѣла? Правда, что свѣтъ наполненъ такимъ множествомъ людей, которые отъ превеликой лѣности мало душею дѣйствуютъ, но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы душа была столько же лѣнива, сколько и тѣло; а за тѣмъ и скажемъ лучше такъ, что въ свѣтѣ никто еще не обращалъ все свое желаніе на то, или не старался прилѣжно о томъ, чтобы довести разумъ и способности свои до того совершенства, до котораго бы ими можно было дойти. Правда, что духъ храбрости кажется не можетъ вознестись выше того степени, въ какомъ онъ находился въ Александрѣ, а духъ краснорѣчія столькожъ усовершенствованъ быть могъ, сколько усовершенствовалъ его въ себѣ Демосѳенъ. Но сіи великіе люди и множество другихъ, прославившихъ себя въ древней Греціи, Италіи и во Франціи, и потратившихъ надъ тѣмъ все свое здоровье, разширили ли способности свои до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ позволяла возможность, того опредѣлить и точно о томъ сказать никакъ не льзя.

Всѣ наши добрыя качества, говоритъ нѣкоторой Авторъ, зависятъ отъ извѣстныхъ случаевъ и обстоятельствъ. На примѣръ твердое разсужденіе не раждается ли въ съ нашими лѣтами, и когда мы возмужаемъ? Въ молодости своей кто знаетъ господствующія въ себѣ склонности и способности? И самые искуснѣйшіе въ познаніи человѣческаго сердца му-

мудрецы не смѣютъ рѣшительно судить о талантахъ молодаго человѣка, препоручаемаго ихъ руководству и воспитанїю. Они довольствуются тѣмъ, когда удается имъ изострить, распространить и снабдить умъ питомцевъ своихъ разными науками. Многїя же человѣческїя способности бываютъ изощряемы по случаю и нечаянности. На примѣръ вступя по неожидаемому приключенїю въ купечество, начнетъ человѣкъ со всякою примѣчательностїю упражняться въономъ, входитъ въ подробность и въ связь торговъ съ государственнымъ хозяйствомъ, а по щастливымъ соображенїямъ и многимъ испытанїямъ вникнетъ отъ перваго и въ другое, и сдѣлается со временемъ способнымъ чрезъ то къ отправленїю и государственныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, слѣдовательно способнымъ войти наконецъ и въ министерство. Но такїе умы рѣдко являются въ свѣтѣ, потому что богатство ихъ разума бываетъ не только другимъ, но и имъ самимъ неизвѣстно, и одинъ случай подаетъ способъ къ открытїю его.

(3) *Пользоваться вдругъ многими дарованїями человѣку никакъ не возможно.*

Человѣкъ не рожденъ преимуществоватъ въ двухъ вещахъ; а что многїе не превосходятъ своихъ сверстниковъ ни въ томъ, ни въ другомъ, то сїе происходитъ отъ того, что не входятъ они въ прямое познанїе природныхъ своихъ способностей, и принимаются за то, за что бы имъ и приниматься вовсе не слѣдовало. Царь Пирръ, говоритъ Сентъ-Эвремонтъ, къ искусству уговариватъ и склонятъ

нять на свою сторону людей присовокуплялъ и воинское знанїе; но при всемъ томъ не могъ онъ совершить ни единаго дѣла, ни основать себѣ твердаго жилища во всю свою знаменитую жизнь. Когда удавалось ему побѣждать, то не удавалось пользоваться плодами побѣдъ; когда уговаривалъ и склонялъ онъ на свою сторону какой народъ, то не умѣлъ удержать его въ своемъ подданствѣ. Оба сїи прекрасныя дарованїя препятствовали всегда его успѣхамъ. Испытавъ съ непрїятелемъ свои силы, и получа въ сраженїи удачу, тотчасъ начиналъ онъ съ побѣжденными мирные переговоры. Прїобрѣтши же ихъ къ себѣ благосклонность, покушался привести ихъ во всегдашнее подданство. А сїе поведенїе и было причиною того, что побѣжденные, собравшись съ своими силами, отметали подтвержденныя свои съ нимъ условїя, и не только отъ него отставали, но и возвращали данныя ему вспомогательныя свои войска назадъ, стараясь послѣ всячески за то ему вредить, что не успѣлъ онъ ихъ завоевать, а уже и началъ давать имъ чувствовать то, что онъ есть истинный и настоящїй ихъ Государь.

(4) *Надобно быть или послѣдователемъ Марса, или посвятить труды свои Аполлону.*

У насъ, говоритъ де ла Брюеръ, храбрымъ бываетъ только солдатъ, а мудрымъ Министръ; у Римлянъ же храбры были Министры да разумны и воины, а потому и былъ Римлянинъ воинъ вмѣстѣ и Министръ. Но я съ позволенїя господина де ла Брюера скажу, что изъ сего числа надлежитъ изключить Цицерона, и другихъ знатныхъ особъ, кои хотя и были добрые мудрые и ученые Римляне, но

му-

мужественными воинами и солдатами называться вѣрно бы отреклися.

(5) *Господствующее качество былобъ совершеннѣе другихъ.*

Для великаго Министра, говоритъ Патеръ Бугурсъ, того не довольно, чтобы онъ зналъ отправлять дѣла по своей должности; надобно сверьхъ того еще ему умѣть красно говорить, и занимать мѣсто въ Академіи Наукъ съ такою же способностію, какую онъ обязанъ показывать въ совѣтѣ своего Государя. Но между тѣмъ вся острота его ума, и весь его смыслъ да будетъ навсегда устремленъ къ дѣламъ политическимъ, яко къ главнѣйшимъ и прямымъ его упражненіямъ.

(6) *Всѣмъ совершенствамъ въ одномъ человѣкѣ быть не льзя.*

Въ свѣтѣ очень много находится Егезипповъ, такъ называетъ де ла Брюеръ тѣхъ людей, кои добиваются выгоднаго чина или должности, безъ способностей къ тому и достоинствъ. Что мнѣ дѣлать съ Егезиппомъ? Онъ проситъ себѣ мѣста? Куда его опредѣлить? къ доходамъ ли государственнымъ, или въ военную службу? Все равно, только бы дано было ему мѣсто. Онъ столько же умѣетъ щитать деньги, сколько и шпагу носить. А сіе прямо означаетъ то, что онъ не имѣетъ надлежащей способности ни къ тому, ни къ другому, или лучше сказать, онъ ни къ чему не способенъ.

(7) *Не надлежитъ приниматься за такое дѣло, къ которому не чувствуешь склонности въ себѣ.*

Господинъ Буало подтверждаетъ Граціановы мысли слѣдующими словами: нагл ты

 Авторъ,

Авторъ, когда стремишься взойти на Парнассъ, и думаешь стихами своими воспарить на его высоту, ни мало не чувствуя къ тому себя способнымъ. Послушай меня, ежели не вперено тебѣ свыше стихотворческаго духа, и ежели ты не можешь вольно писать стихи, то пребудь въ предѣлахъ твоего разсудка, и знай, что Фебъ давно уже тебѣ не внимаетъ, и Пегасъ ни мало не повинуется твоей волѣ. Страшись обманчивыхъ примановъ, ведущихъ къ суетнымъ страстямъ; совѣтуйся болѣе съ разумомъ твоимъ, измѣряй твои силы, и знай, что щедрая природа одарила Авторовъ талантами по своему произволу.

(8) *Человѣкъ всегда можетъ обманываться и во всякія ошибки впадать.*

Гдѣ я ни увижу, говоритъ Монтань, драгую истинну, вездѣ ею восхищаюсь, и чувствую несказанное удовольствіе, когда она встрѣчается со мною съ смиреннымъ и веселымъ лицомъ. Я чаще посѣщаю такихъ людей, продолжаетъ онъ, кои мнѣ противорѣчатъ, нежели тѣхъ, которые летятъ въ мои объятія, и надмѣру мнѣ ласкаютъ. Когда мой соперникъ принуждаетъ меня уступать его доказательствамъ, тогда я нахожусь въ нѣкоемъ восторгѣ. Сія надъ самимъ собою побѣда конечно для меня пріятнѣе той, когда удается мнѣ переспорить слабоумнаго и упорнаго такого человѣка, коего вздорныя и неправильныя заключенія выводятъ изъ терпѣнія всякаго Философа.

(9) Самодержавнѣйшій и милосерднѣйшій Монархъ не успѣетъ удовольствовать подданныхъ своихъ.

Г. де ла Брюеръ говоритъ, что угодить всѣмъ на свѣтѣ есть невозможное дѣло. Естьли бы и сильнѣйшій Государь взялъ на себя трудъ сіе исполнить, то бы конечно не получилъ въ томъ успѣха. Пускай отворитъ онъ подданнымъ своимъ свободной входъ въ свои чертоги, и дастъ имъ волю избирать игры и забавы по собственному каждаго вкусу. Пусть учредитъ ежедневную музыку, столы и обѣды, не щадя на то своего иждивенія. Пускай изобиліе и богатство потекутъ для нихъ цѣлыми рѣками, и вольность будетъ всюду процвѣтать, и откроетъ имъ ко всему путь невозбранной; однакожъ всѣ сіи лестныя выгоды не придутъ на вкусъ каждаго гражданина, но пожелаютъ его люди конечно еще чего нибудь лучшаго.

ГЛАВА X.

Ирою надлежитъ узнавать количество или великость своего щастія (1).

Фортуна, ежеминутно отъ всѣхъ упоминаемая, и никогда точно никѣмъ неопредѣляемая, есть (ежели судить о ней такъ, какъ Христіанину и разумному человѣку) предвѣчное предопредѣленіе, то есть верьховная разпредѣлительница всѣхъ относящихся къ человѣку міра сего приключеній.

Она располагаетъ ими столь самовластно, что въ свѣтѣ безъ особливаго позволенія и безъ точной Божеской воли ничто не бываетъ, да и быть не можетъ. Фортуна яко самовластная, неудобопроницаемая и непреклонная владычица оныхъ, инымъ дѣлаетъ по своему изволенію великое добро; возвышаетъ ихъ на высокія степени честей и достоинствъ; а другихъ оставляетъ во всегдашней темнотѣ и на вѣкъ неизвѣстными отъ всѣхъ. Все же сіе производитъ она отнюдъ не по такимъ пристрастіямъ, какими заражены бываютъ слабые люди, но по премудрымъ намѣреніямъ, для насъ непостижимымъ совсѣмъ.

Между тѣмъ примѣняясь къ обыкновенному народному нарѣчію, можно фортуну назвать стеченіемъ добрыхъ и злыхъ обстоятельствъ. Кто попадетъ въ первыя, тому все благопріятствуетъ и споспѣшествуетъ (2). Когда же случится быть кому въ послѣднихъ, тотъ ни въ чемъ не обрѣтаетъ удачи. Не останавливаяся же долго на такомъ щастія толкованіи, приведу здѣсь одно правило великихъ политики учителей, которое состоитъ въ томъ: „Надобно стараться, сколько можно, наблю„дать теченіе и ходъ своего щастія и смо„трѣть также рачительно и на фортуну „своихъ начальниковъ, а особливо въ воен„ныхъ дѣлахъ (3).„ Ибо сказать не можно,

сколь

сколь бываетъ полезна сія предосторожность тому человѣку, которому щастіе не однократно показывалось благопріятствующимъ. Онъ безъ всякаго страха можетъ смѣло отваживаться и на такія предпріятія, кои для другихъ кажутся страшными и необычайными. А сія отвага позволительна ему и потому, что фортунѣ ничто столько не нравится, какъ отважность ея любимцовъ. Они ничѣмъ болѣе не выигрываютъ, какъ тѣмъ, когда несомнѣнно ей вѣрятъ и во всемъ на нее полагаются (4).

Цесарь зналъ совершенно великость своего щастія, когда въ ободреніе устрашенныхъ матросовъ, перевозившихъ его чрезъ немалое разстояніе моря, говорилъ съ спокойнымъ духомъ слѣдующее: „Не бойтесь мои „друзья, и не наводите страхомъ своимъ „безчестія Цесарю и его фортунѣ (5).„ Сей Ирой, испытавъ довольно свое щастіе, почиталъ его надежнымъ для себя якоремъ въ самой величайшей и такой опасности, въ которой только могъ находиться. Онъ не устрашался противныхъ вѣтровъ, потому что въ его парусы дула, такъ сказать, сама фортуна. Его не приводили въ ужасъ ни бурные вѣтры, ни разъяренныя волны, ни шумящее море, по причинѣ той, что для него блистали свѣтозарныя щастія звѣзды, и небо показывалось всегда яснымъ и чистымъ. А хотя таковой Цесаревъ съ матро-

сами поступокъ и почитается нѣкоторыми людьми надмѣру дерзновеннымъ, но онъ былъ слѣдствіемъ присутственнаго и неустрашимаго его духа, приводившаго ему тогда на память многія учиненныя имъ съ успѣхомъ дѣйствія, возбуждавшія въ немъ твердое упованіе на его щастіе и въ то самое время, когда онъ находился въ очевиднѣйшей опасности. Но сколь много въ свѣтѣ сыщется такихъ людей, кои не довольно испытавъ, и не совершенно узнавъ свое щастіе, упускаютъ къ прославленію себя наилучшій случай (6)! Самые картежные игроки (сколько впрочемъ ни есть слабо и съ предосужденіями связано ихъ искусство) выжидаютъ всегда щастливыхъ случаевъ, и не скоро пускаются на великія и дорогія игры, дабы не потерять благопріятствія своей фортуны.

Быть щастливымъ человѣкомъ есть весьма важная выгода, превосходящая даже и самыя лучшія достоинства нещастнаго человѣка (7); а по сему-то нѣкоторые и цѣнятъ одинъ степень щастія гораздо дороже десяти степеней благоразумія и храбрости (8). Но сколь низки ихъ разсужденія, столько же противны и предосудительны они здравому смыслу. Другіе же поставляютъ злополучіе истиннымъ свидѣтельствомъ и очевиднымъ знакомъ отмѣнныхъ достоинствъ (9). По ихъ мнѣнію щастіе есть участь однихъ дураковъ, а нещастіе жребій разум-

ныхъ

ныхъ людей. Но ненавистная и злостію внушаемая сія мысль изрыгается по большой части такими людьми, кои по справедливѣйшимъ причинамъ заслужили себѣ злополучіе и горькую участь.

Но обратимся къ настоящему нашему дѣлу, и посмотримъ, чего еще начальникъ Философовъ (Аристотель) требуетъ къ великимъ качествамъ, вперяемымъ отъ него въ сердце своего воспитанника: надобно, говоритъ онъ, сверхъ всѣхъ способностей быть ему еще и щастливымъ. И въ самомъ дѣлѣ это за несомнительное можно принять положеніе, что самая совершеннѣйшая храбрость безъ помощи щастія почти еще никого прямымъ Ироемъ не дѣлывала (10). Щастіе и храбрость суть двѣ надежнѣйшія подпоры воинскаго величества, которыя его поддерживаютъ и подкрѣпляютъ. Всѣ великіе военные люди, прославивши себя на ратномъ полѣ, конечно выигрывали скоро баталіи не отъ инаго чего, какъ отъ взаимнаго и безпрерывнаго между собою соединенія сихъ двухъ пособій. Естьли же кому фортуна неоднократно причиняла чрезъ свою измѣну стыдъ и поношеніе, тотъ да не дерзаетъ уже больше полагаться на ея благопріятство, и я бы отнюдь не совѣтовалъ ему дѣлать что нибудь на удачу въ критическихъ и сомнительныхъ обстоятельствахъ; ибо въ такомъ случаѣ подобна фортуна властолю-

любивой и злой мачихѣ, ни въ чемъ не только не помогающей своимъ пасынкамъ, но питая къ нимъ непрестанно жестокую ненависть, всюду ихъ гонящей (11). Чего ради да позволено мнѣ будетъ привести здѣсь въ примѣръ важное изреченіе одного стихотворца, съ такимъ однакожъ условіемъ, чтобы взвѣсить оное на философскихъ вѣсахъ, и ежели потребуется, то и возвратить ему его вспять. Сила же сего изреченія состоитъ въ томъ, чтобы во время неблагопріятствованія фортуны не только не принимать и не дѣлать, но даже лишняго и отважнаго ничего и не говорить.

Донъ Фердинандъ, Кардиналъ и Инфантъ Испанской, прозванный ради великихъ своихъ въ войнѣ успѣховъ непобѣдимымъ, былъ особеннѣйшій и примѣрный любимецъ фортуны. Вся Европа, извѣстившись о храбрости сего великодушнаго Принца, не вѣдала еще, будетъ ли соотвѣтствовать оной и его щастіе. Но чтобы судить о томъ справедливѣе, то всѣ ожидали какого нибудь случая, могущаго увѣрить о его мужествѣ, какъ вдругъ услышали о Норлингской баталіи, на которой Дону Фердинанду необходимо надлежало сражаться. Сей первый случай, открывшійся Кардиналу Инфанту, удостовѣрилъ цѣлой свѣтъ, что его благополучіе было неразлучно съ его храбростію и искусствомъ; ибо слава, пріобрѣтенная

имъ

имъ на ономъ сраженіи, была совершенная и полная; да и онъ, будучи обнадеженъ и ободренъ благопріятствованіемъ фортуны, все, что ни дѣлалъ и ни предпринималъ послѣ во время своей жизни, служило только къ умноженію его чести и къ усугубленію громкой о немъ славы.

Но того еще не довольно, чтобы узнать щастливую свою судьбину, и въ случаѣ нужды полагаться на благотворительное ея вліяніе; а должно притомъ наблюдать и то правило политики, которое научаетъ насъ различать щастливыхъ людей отъ нещастныхъ, дабы съ первыми въ извѣстныхъ обстоятельствахъ не связываться, но умѣть отсторониваться отъ нихъ; съ послѣдними же встрѣтившись пускаться въ труднѣйшія и отважнѣйшія предпріятія (12) безъ всякой отъ оныхъ боязни.

Солиманъ, зная довольно необходимость сего правила, употреблялъ его во многихъ случаяхъ въ свою пользу, а наипаче въ такихъ, кои наводили сомнѣніе о полученіи желаемаго успѣха, и въ какихъ онъ долженъ былъ отважить свою славу, сражаясь съ знаменитымъ и щастливымъ своимъ соперникомъ. Сей же соперникъ его былъ Карлъ Пятый. Щастіе сего Государя, неизмѣнявшее ему ни на какой баталіи, столь много безпокоило и устрашало Солимана, что онъ во всю свою жизнь не столько боялся

всѣхъ Европейскихъ державъ, сколько одного сего Императора. Онъ, разсуждая основательно о предлежащей, связываяся съ нимъ, опасности, не взирая на совѣты своихъ придворныхъ, предпріялъ твердое намѣреніе, чтобы не вступать никогда въ сраженіе съ Карломъ Пятымъ. Чего ради и отлагалъ всѣ дѣла съ нимъ до другаго времени, и посредствомъ хитрой сей отсрочки избѣгъ отъ всѣхъ неблагопріятныхъ случаевъ и не допустилъ чрезъ то ни мало помрачиться своей славѣ. Францискъ же напротивъ того Король Французскій не умѣлъ вовсе такимъ образомъ сохранить свою честь и достоинство. Отъ невнимательности къ собственному своему щастію, и отъ неосторожности въ разсужденіи соображенія успѣховъ своихъ съ успѣхами и съ фортуною Карла Пятаго, лишился онъ на нѣсколько времени свободы. А понеже щастіе и нещастіе то на ту то на другую сторону переходятъ, то по сему благоразумная прозорливость и повелѣваетъ поступать въ таковыхъ случаяхъ весьма осторожно, то есть иногда безбоязненно начинать воинскія дѣйствія, а иногда ихъ отсрочивать и оставлять вовсе; иногда уступать и отдавать непріятелю не столь нужныя мѣста, а иногда отбирать отъ него лучшія и важнѣйшія.

ПРИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надлежитъ узнавать количество щастія своего.*

Познаніе щастія есть еще нужнѣе познанія тѣлеснаго сложенія, способствующаго намъ къ сохраненію жизни. Какъ тотъ совершенный есть глупецъ, кто до сорока лѣтъ на свѣтѣ проживши, начинаетъ искать знакомства съ Ипократомъ для того, чтобъ онъ растолковалъ ему, какого онъ темперамента: такъ еще гораздо и сего глупѣе такой, кто въ такія лѣта сводитъ знакомство съ Сенекою на то, дабы научиться отъ него, какимъ образомъ должно въ свѣтѣ вести себя мудрому мужу. Надлежитъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ принаравливать себя къ сему великому искусству, дабы умѣть познавать количество и качество щастія, и дабы, смотря по обстоятельствамъ, можно было съ онымъ соображаться. Ускорять же щастіе вовсе не надобно; ибо состояніе, въ которомъ оно велитъ намъ ожидать своихъ благъ, должно ему казаться пріятнымъ и лестнымъ и потому, что оставлять въономъ благоволяетъ оно насъ для сообщенія намъ милостей своихъ впредь. А при началѣ полученія оныхъ надлежитъ не упуская времени пользоваться случаями, несущими съ собою его благотворенія. Нещастные же напротивъ того да стараются отъ фортуны удаляться какъ можно. Ибо неотступныя ихъ прозьбы только что ее раздражаютъ; а презрѣніе ею оказываемое умножаетъ болѣе ихъ горе.

(2)

(2) *Фортуна есть стеченіе добрыхъ обстоятельствъ.*

Господинъ Сентъ - Эвремонтъ изъясняется о щастіи такимъ образомъ: за добрымъ дѣломъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ обыкновенно такое же; а злое повергаетъ насъ во множество золъ. Доброй случай ведетъ къ лучшему, а злополучной къ подобному себѣ. Такимъ образомъ происходитъ связь всѣхъ дѣлъ и всѣхъ приключеній въ мірѣ, и составляетъ щастіе или нещастіе человѣковъ. Щастіе есть стеченіе случаевъ, или произшествіе связывающихся съ наступленіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ; а по мѣрѣ доброты и худобы оныхъ бываетъ по томъ благоуспѣшность или неудача и въ предпріятіяхъ нашихъ. Хорошій успѣхъ, говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ сей Авторъ, въ сомнительнѣйшихъ предпріятіяхъ зависитъ отъ стеченія безчисленнаго множества обстоятельствъ, скопленныхъ не рѣдко самою нечаянностію. Великое есть дѣло умѣть ихъ распознавать, и узнавать чрезъ то свою участь, которую всякой человѣкъ имѣетъ для себя особенную, и по недостатку совершеннаго знанія которой дѣлается онъ нещастнымъ, а по знанію и мудрому оной употребленію бываетъ благополученъ. Между тѣмъ много есть щастіемъ наслаждающихся людей, незнающихъ и непонимающихъ того, какъ сдѣлались они вдругъ благополучными. Кажется, говоритъ Авторъ нравоучительныхъ разсужденій, что мы раждаемся одни подъ щастливою, а другіе подъ нещастною звѣздою, и что участь наша и всѣ дѣянія наши будучи расположены по дѣйствіямъ и по вліяніямъ оной, удостоиваются въ мірѣ или хвалы или нареканія какъ будто по предопредѣленію.

(3)

(3) *Надобно наблюдать ходъ своего щастія.*

Для пріобрѣтенія щастія предлагаютъ нѣкоторые слѣдующій способъ: надобно умѣть сравнивать настоящія свои обстоятельства съ тѣми, которыя прежде случались въ войнѣ, или въ иномъ какомъ ни есть родѣ жизни; и естьли настоящія явятся съ прошедшими сходны и выгодны, то и надобно оныя какъ можно не упуская изъ рукъ обращать въ свою пользу.

Естьли человѣкъ, находящійся при Дворѣ въ великой милости, говоритъ де ла Брюеръ, захочетъ еще болѣе пріобрѣсти себѣ благоволеніе своего Государя: то надлежитъ ему при способномъ вѣтрѣ, дующемъ въ парусы его щастія, плыть чрезъ пространнѣйшій Океанъ промысловъ и ухищреній, и притомъ смотрѣть открытыми глазами на всѣ стороны, дабы не наѣхать гдѣ нибудь на подводной злополучія камень.

(4) *Надобно фаворитамъ фортуны ей вѣрить и во всемъ на нее полагаться.*

Сіе правило можетъ съ выгодою и лучше другихъ наблюдаемо быть воинами, а примѣры завоевателей и оправдываютъ силу его. Умѣренность и благоразсудливость не только не мѣшаютъ щастію, но дѣлаютъ еще его твердѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ. Ибо дѣла водимыя разумомъ, а не бѣшеною и слѣпою отвагою, имѣютъ всегда полезныя и благоуспѣшныя по себѣ слѣдствія. Въ такихъ же случаяхъ, гдѣ никакъ не льзя избавиться отъ бѣды, какъ помощію только одной отваги, тамъ должно пускаться на все.

(5) *Не бойтесь друзья, говорилъ Цесарь, и не наводите моей фортунѣ безчестія.*

Александръ не менѣе Цесаря зналъ свойство своего щастія; въ доказательство же сего представлю я изъ тысячи случаевъ съ нимъ встрѣтившихся только слѣдующіе два: 1. За день до Арабельской баталіи, отъ которой зависѣло, такъ сказать, все его щастіе, спалъ онъ столь крѣпко, что Парменіонъ принужденъ былъ его будить, и онъ не прежде проснулся, какъ по троекратномъ упоминаніи его имени. 2. Когда по случаю бывшей необычайной ночной темноты съ весьма великою выгодою могло быть сдѣлано на Дарія нападеніе, и всѣ Александровы военачальники совѣтовали ему учинить то въ расплохъ: то онъ опровергнувъ сіе предложеніе, такъ былъ надеженъ, что никакого не хотѣлъ съ Даріемъ имѣть дѣла, кромѣ какъ въ день.

Нѣкоторые же изъ побѣдителей думали о щастіи своемъ и то, будто пріязненныя вліянія звѣзды, подъ которою они родились, не кончатся и послѣ ихъ смерти, но будутъ простирать силу свою даже и на наслѣдниковъ, и преемниковъ ихъ. Аглинской Король Эдуардъ Первой, говоритъ Монтанъ, испытавъ въ продолжительной войнѣ съ Робертомъ Королемъ Шотландскимъ, что щастіе ему во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ противъ сего соперника способствовало, и что всюду, гдѣ онъ съ нимъ ни сходился, оставался надъ нимъ побѣдителемъ, принудилъ умираючи сына своего дать себѣ торжественную присягу, въ томъ, чтобы онъ приказалъ по смерти его разварить тѣло, и выбравъ изъ него кости, возилъ бы ихъ съ собою при арміи въ то время,

мя, когда будетъ воевать съ Шотландцами. Изъ сего явствуетъ, что Эдуардъ несомнѣнно вѣрилъ тому, будто самая судьба сопрягла съ членами его всегдашнюю въ разсужденіи Шотландцовъ побѣду. Іоаннъ Циска приказалъ также по смерти своей снять съ себя кожу, сдѣлать изъ оной барабанчикъ, и брать его на войну въ такомъ упованіи, что ради оной будутъ преемники его дѣлъ всегда одерживать надъ врагами своими такія же побѣды, какія онъ самъ во время своей жизни надъ ними имѣлъ.

(6) *Не испытавшіе своего щастія часто лишаются его.*

Сколько было въ свѣтѣ людей достойныхъ удивленія, говоритъ де ла Брюеръ, которые померли, будучи никому неизвѣстны! Сколько же и теперь еще находится таковыхъ, о разумѣ которыхъ никто не говоритъ ни слова, да и по смерти ихъ всѣ будутъ объ ономъ молчать, яко о неизвѣстномъ никому! Однимъ изъ нихъ не доставало можетъ быть на оказаніе себя случая, другіе же сами оной упустили. Первые родились нещастливыми, а другіе могли бы сдѣлаться и щастливыми, но не испытывали участи своей по причинѣ лѣности и безпечности, или по причинѣ боязливости, опасаясь, чтобы въ случаѣ неудачи не подпасть стыду и осмѣянію.

(7) *Щастливымъ быть есть весьма важная выгода.*

Сколь напрасно, говоритъ Монтанъ, ропщемъ мы въ случаѣ неполученія чиновъ на своихъ Государей! ибо можно ли имъ усмотрѣть спо-

способности и достоинства каждаго подданнаго? Природа не одарила ихъ такою прозорливостію, чтобы могли они проникнуть въ наши сердца, видѣть въ нихъ тѣ отличнѣйшіе сгибы, въ которыхъ заключены воля, желанія, храбрость и прочія свойства нашей души. И такъ, когда и воззываютъ они кого ни есть изъ множества своихъ подданныхъ въ великой чинъ, то сіе дѣлается или на удачу, или по знаменитой природѣ и по богатству оныхъ, или по одобренію другихъ людей, слѣдовательно по побужденіямъ и причинамъ точно слабымъ, а не по истиннымъ достоинствамъ званнаго.

(8) *Многіе цѣнятъ одинъ степень щастія дороже десяти благоразумія.*

По сказанію Лотинову Демосѳенъ обыкновенно говаривалъ такъ: что самое лучшее благо, какимъ только мы въ жизни нашей пользоваться можемъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть щастливу; однакожъ есть и другое гораздо превосходнѣйшее того, то есть такое, безъ коего первое существовать не можетъ никакъ, а имянно надобно и умѣть вести себя разумно и порядочно въ щастіи.

(9) *Многіе поставляютъ злополучіе участью людей умныхъ.*

Почти всѣ нещастные люди, говоритъ Авторъ нравоучительныхъ разсужденій, такъ думаютъ, да и другихъ увѣряютъ, что они за честь себѣ поставляютъ сносить заключенія по тому, что участь умныхъ людей всегда есть нещастными, а глупыхъ напротивъ того благополучными быть. Но ненависть такая

ная къ любимцамъ Фортуны раждается большею частію отъ досады, и находитъ себѣ утѣшеніе въ презрѣніи тѣхъ благъ, коими обладать судьба не удостоиваетъ ихъ.

(10) *Самая совершеннѣйшая храбрость безъ помощи щастія есть ничто.*

Какими бы кого ни наградила природа преимуществами, но она одна безъ содѣйствія Фортуны не сдѣлаетъ Ироя совершеннымъ и славнымъ никогда. Щастіе и нещастіе, говоритъ Монтань, суть по моему мнѣнію два самовластные и сильные правители міра. Человѣческая мудрость со всѣми своими вымыслами и умозаключеніями конечно не можетъ доставить того, что иногда вдругъ и сверхъ чаянія доставляетъ людямъ слѣпая Фортуна. Сколь часто вся наша прозорливость бываетъ тщетна и неудачна! Сколь часто истощеваемъ мы понапрасну труды свои для полученія себѣ какого нибудь дѣла! Разсужденія наши не остаются ли часто недѣйствительными, и со всѣхъ сторонъ не встрѣчаются ли съ нами совсѣмъ неожидаемыя препятствія? Чего ради покинувъ всѣ заботы, и будемъ согласно внимать сему Гораціеву изреченію: дѣлай лишь только добро, а прочее все отдавай на попеченіе боговъ. И въ самомъ дѣлѣ не должно ли препоручить судьбу свою, касательно будущихъ приключеній, волѣ и управленію небесъ? Мудрость, храбрость и всѣ достоинства, хотя бы они были самыя превосходнѣйшія, конечно не въ силахъ, говоритъ Монтань, произвести того, что производитъ одна своенравная Фортуна на свѣтѣ.

(11) *Фортуна подобна властолюбивой и злой мачихѣ.*

Старайтесь всячески быть любимцемъ фортуны во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы вы ни находились, при Дворѣ ли, или при армїи, и снискавъ ея благопрїятства, положитесь на нее такъ, чтобы она дѣлала съ вами все, что ни захочетъ. Всѣми силами снискивайте ея благоволенїе, и ожидайте съ терпѣнїемъ того времени, въ которое она опредѣлила облегчить вашу участь. Искусство и опытъ научили меня судить объ ней такъ, какъ о такой любовницѣ, которая требуетъ отъ насъ всегдашней къ себѣ преданности и безотлучнаго при себѣ пребыванїя. Она не терпя ни малѣйшаго насилїя, дѣлаетъ всегда то, что ей угодно. Впрочемъ не только одна фортуна требуетъ такого униженїя отъ насъ, но и всѣ тѣ люди, коихъ руками раздаются ея благодѣянїя.

(12) *Умѣть различать щастливыхъ людей отъ нещастныхъ.*

Сколь многихъ видимъ мы въ Исторїи полководцовъ, кои при отличной своей храбрости, проворствѣ и при всей расторопности не могли сдѣлаться побѣдителями! Изъ двухъ Генераловъ, одаренныхъ всѣми вышеписанными качествами, одинъ надъ другимъ одерживаетъ верьхъ при равныхъ силахъ войскъ. Отъ чегожъ сїе происходитъ, и чему бы можно было приписать побѣду одного и потерю оной другимъ? Конечно особливому перваго щастїю. Можетъ быть стеченїе неизвѣстныхъ обстоятельствъ и случаевъ способствовало одному болѣе, нежели сильное воиновъ оружїе другому.

Да

Да можетъ происходить сїе и отъ того, что одержавшїй побѣду Ирой неоднократно находился въ сомнительныхъ и опасныхъ случаяхъ такихъ, въ которыхъ ему всегда благопрїятствовала Фортуна, слѣдовательно съ большею отважностїю и надеждою и выступалъ онъ противъ своего непрїятеля, не имущаго никакой отъ Фортуны подпоры.

ГЛАВА XI.

Ирою надлежитъ умѣть предупреждать всѣ злополучїя, то есть знать отсторониваться отъ нихъ до того, пока онѣ его не постигнутъ (1).

Все въ мїрѣ семъ подвержено перемѣнѣ, все преходитъ, и нѣтъ ничего постояннаго. Одна и та же вещь едва лишь успѣетъ получить какое приращенїе, какъ уже и тотчасъ клонится къ своему паденїю, и изъ сего предположенїя не изключаются и сильнѣйшїя государства, какъ бы онѣ твердыми быть ни казались. А потому и есть разумнаго человѣка долгъ предупреждать наискорѣйшимъ образомъ гибельныя свои паденїя, сопряженныя со щастїемъ каждаго частнаго гражданина, и не ожидать ни малого времени, когда они сами внезапно его постигнуть восхотятъ (2). Злополучїе есть весьма сродное человѣчеству состоянїе, и его

рано или поздно никто не избѣгаетъ (3); всѣ впадаютъ въ оное такимъ или инаковымъ образомъ, съ тою только разностїю, что иной напередъ предвидитъ наступленїе злощастїй, и можетъ сколько нибудь отъ нихъ предохраниться, а другой вовсе того не примѣчаетъ, а потому невозвратно и гибнетъ отъ нихъ. Благоденствїе же (естьли только можно назвать его состоянїемъ) есть состоянїе весьма перемѣнчивое и скоро преходящее. Оно подобно карточной игрѣ, въ которой безпрестанно за выигрышемъ слѣдуетъ проигрышъ, и въ которой тотъ только и почитается искуснѣйшимъ игрокомъ, кто выигравъ немалую сумму, скорѣе отстаетъ отъ игры, да и послѣ отъ нее удерживается.

А по сему не лучше ли прервать со щастїемъ знакомство заблаговременно и прежде того, пока оно съ неожидаемымъ ударомъ низринетъ насъ съ верьху колеса своего (4)? Фортуна есть крайнѣ перемѣнчива, и не иначе отходитъ отъ своихъ любимцевъ, какъ по отнятїи у нихъ всѣхъ своихъ благъ (5), и по причиненїи имъ жестокой горести, соразмѣрной оказаннымъ ею благодѣянїямъ. Она, по мнѣнїю нѣкоторыхъ разумныхъ людей, уподобляется непостоянной и чрезмѣру надменной женщинѣ, и въ такомъ точно видѣ, какъ описалъ ее Маркизъ де Мариньянъ Карлу Пятому, по причинѣ неудачныхъ его дѣйствїй подъ горо-

домъ

домЪ МецомЪ. ИмператорЪ, принужденЪ будучи оставить осаду сего города, лишеннаго всѣхЪ нужныхЪ припасовЪ, и коего взятіе причелЪ бы онЪ кЪ числу славнѣйшихЪ своихЪ побѣдЪ, не могЪ не изЪявить предЪ МариньяномЪ великой своей досады, происходящей отЪ неудачи вЪ овладѣніи оною крѣпостью. Сей же его любимецЪ, стараясь шутками развеселить опечаленнаго своего Государя, говорилЪ ему такимЪ образомЪ: Милостивый государь! Вашему Величеству, какЪ я вижу, никогда не приходило точно на память, что фортуна есть рода женскаго, и что она по примѣру особѣ своего пола, любя болѣе молодыхЪ, нежели старыхЪ мущинЪ, требуетЪ отЪ насЪ неотмѣнно такой же осторожности и такогожЪ притворства и живости, каковую мы имѣли вЪ молодыхЪ нашихЪ лѣтахЪ. Но теперь начавЪ сЪ нею дѣло и положась слишкомЪ на ея благопріятство, сами будучи довольно стары, должны были неизбѣжно того ждать, что не будетЪ она благопріятствовать намЪ столько, сколько людямЪ молодымЪ соперникамЪ нашимЪ.

ЧтожЪ до меня касается, то никакЪ не намѣренЪ я сравнивать фортуну сЪ своенравіемЪ вѣтреной женщины, но лучше стану признаваться вЪ томЪ, что перемѣны щастія происходятЪ по разпредѣленію правосуднаго промысла, который отЪ начала всѣхЪ вре-

менЪ былЪ и есть непреложенЪ вЪ своихЪ намѣреніяхЪ. Располагай смертный жизнію твоею по сему умозаключенію, и научись быть прямо справедливымЪ вЪ разсужденіи самаго себя (6); прочее же за тѣмЪ все отдавай на волю небесЪ. ПоистиннѢ тотЪ стократно долженЪ почесться блаженнымЪ, кто твердо содержитЪ вЪ своей памяти то, что рано или поздно наступитЪ часЪ злополучія, и что постигнутЪ его бури нещастія, могущія истребить всѣ лавры, коими намѣревался онЪ украсить свою главу. Должно заблаговременно предохранять себя отЪ жестокой судьбины и удаляться отЪ нее такЪ, какЪ удаляется благоразумный ПолководецЪ отЪ такого непріятеля, сЪ которымЪ онЪ для своего малолюдства сражаться не вЪ силахЪ. Такое удаленіе отЪ сильнаго не только не сдѣлаетЪ никакого ему безчестія, но еще и принесетЪ немалую честь.

Но привычка имѣть во всемЪ желаемые успѣхи есть столь обольстительна и пріятна, что большая часть великихЪ людей всегда стремится кЪ пріобрѣтенію новыхЪ почестей и похвалЪ; и чѣмЪ вЪ большее приходятЪ почтеніе и славу, тѣмЪ жадность ихЪ кЪ тому умножаяся возрастаетЪ. Они вЪ семЪ случаѣ весьма подобны людямЪ, страждущимЪ водяною болѣзнію, не могущимЪ утолять своея жажды, чѣмЪ больше пьютЪ, тѣмЪ болѣе возраждаютЪ вЪ себѣ охоту кЪ

питью. Пьютъ, не въ состоянiи будучи преодолѣть жажды, хотя и знаютъ, что неумѣренность въ употребленiи воды клонится ко вреду ихъ здоровья. Примѣръ умѣренности относительно ко укрощенiю сильныхъ страстей, какъ-то честолюбiя и излишняго прiобрѣтенiя славы, довольно показалъ намъ собой Императоръ Карлъ Пятой (7). Сей мудрый Государь прекратилъ теченiе знаменитыхъ своихъ дѣйствiй такимъ концемъ, которой свойственъ только людямъ великаго духа. Щастiе возвысило Карла Пятаго превыше всѣхъ современныхъ ему Ироевъ, а онъ чрезъ добровольное сложенiе съ себя короны возвысился превыше и самаго щастiя, отославъ его отъ себя, такъ сказать, къ сыну и щастливому наслѣднику своему Филиппу Второму. Другiежъ напротивъ того Ирои, имѣя чрезвычайное пристрастiе и привязанность къ славѣ, погубили самоизвольно свои заслуги, прiобрѣтенныя можетъ быть кровiю, потомъ и истощенiемъ силъ. Ослѣпившись первоначальными успѣхами славныхъ своихъ дѣйствiй, простирали они столь далеко ненасытимыя свои желанiя, что наконецъ ввергнули себя въ глубочайшую пропасть неизбѣжной погибели. Вся же потеря фортуны происходила отъ того наипаче, что не перестали они заблаговременно жертвовать ей трудными предпрiятiями, и не радѣли приводить въ безопасность

свою

свою славу. Сколь часто обманываютъ себя щастливые люди непоколебимостію и непремѣняемостію своего благополучія! Они всегда воображаютъ себѣ, что ихъ щастіе не прежде кончится, какъ съ прекращеніемъ ихъ жизни, а жизнь не прежде прекратится, (сколь бы впрочемъ стары они ни были) какъ по прошествіи еще многихъ годовъ.

Царь Поликратъ, принося нѣкогда жертву богинѣ Фортунѣ, бросилъ въ море драгоцѣнный свой перстень. Но рыбаки, поймавъ по случаю большую рыбу, и разрѣзавъ ее на части, нашли во внутренности оной брошенный тотъ перстень. Добродушные люди, желая услужить Государю, и получить отъ него за сію хотя и дорогую, но имъ не нужную вещь, награжденіе, представили ее Поликрату; а сей благодаря за ихъ къ нему усердіе, не преминулъ наградить, и отпустилъ ихъ отъ себя весьма довольными. Поликратъ, оставшись на одинѣ, предался глубокимъ размышленіямъ, относительно къ особенному своему приключенію, и думая, что въ возвращеніи перстня скрывается нѣкая тайна, не усумнился наконецъ вывесть изъ сего такое заключеніе, будто фортуна, принявъ благопріятно его жертву, возвращаетъ опять ему перстень съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы увѣрить его о всегдашнемъ и непремѣняемомъ своемъ къ нему доброхотствѣ. Вотъ сколь бы-

бываютЪ безумны и неосновательны тѣ люди, коими обладаетЪ славолюбіе и надменность. Спустя же нѣсколько времени послѣ сего чудеснаго приключенія и послѣ заключеннаго мнимаго союза между ПоликратомЪ и Фортуною, постигли сего Государя столь великія и неожидаемыя злоключенія, что онЪ напослѣдокЪ принужденЪ былЪ и по неволѣ выттти изЪ помянутаго своего заблужденія. ОтЪ чего Велизарій, великій оный военачальникЪ, пришедЪ подЪ конецЪ жизни своея вЪ величайшую бѣдность, претерпѣвалЪ участь несноснѣйшую смерти? ОтЪ чего одинЪ знаменитѣйшій Испанской Ирой навлекЪ на себя поноснѣйшее безславіе? Конечно не отЪ чего другаго, какЪ отЪ упорнаго высокомѣрія, и отЪ того пустаго о себѣ мечтанія, будто нещастіе никогда не осмѣлится кЪ нимЪ подступить.

Но по какимЪ же признакамЪ можно узнать то время, когда надобно прервать знакомство и дружество сЪ своею фортуною (8)? До сихЪ порЪ еще никто не нашелЪ способа, по которому бы можно было щупать (естьли только позволено мнѣ будетЪ такЪ изЪясниться) пульсЪ у фортуны и угадать о наступающемЪ ея вЪ разсужденіи насЪ изнеможеніи. Она столь бываетЪ разнообразна и перемѣнчива, что никоимЪ образомЪ не можно означить прямо того времени, когда совершенно благоволеніе

ея

ея къ намъ истощится (9). Но между тѣмъ встрѣчаются весьма вѣроятные знаки, по которымъ почти на вѣрное можно заключить о непродолжительномъ благопріятствованіи фортуны. Тогда-то отнюдь уже не надобно на нее полагаться, а лучше оставить оную вовсе, и разлучиться съ нею какъ можно скорѣе. Знаки же оные суть неожидаемое и нечаянное щастіе, сопровождаемое скоропостижными успѣхами. Оно есть весьма подозрительно и часто угрожаетъ скорою и непріятною перемѣною. Разгнѣванная фортуна лишаетъ любимца своего въ самое кратчайшее время всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ благъ, кои она чрезъ долгое время обильно на него изливала. Другой знакъ приближающагося къ паденію благополучія есть необычайная онаго продолжительность; ибо и фортуна тоже старѣется и ослабѣваетъ съ нашими лѣтами; почему будучи удручаема дряхлостію, и почитаетъ весьма за тягостное поддерживать насъ въ томъ высокомъ достоинствѣ, на которое прежде возвела она насъ безъ всякаго затрудненія.

Чтожъ касается до злополучія, то я во утѣшеніе нещастныхъ могу сказать это, что имѣетъ оно почти всегда хорошій конецъ, а особливо когда бываетъ чрезвычайное (10). Фортуна очень скоро раскаивается какъ по причиненіи однимъ великаго зла, такъ и по содѣланіи другимъ великаго благодѣянія. Безчи-

численные примѣры ея коловратности ясно доказываютъ, что человѣкъ изъ пропасти злополучія легко можетъ подняться на высочайшую щастія степень. Я приведу здѣсь только одинъ тому примѣръ: Абулъ-Маро, братъ одного Гренадскаго Короля, былъ взятъ по приказу своего Государя подъ караулъ, и посаженъ, какъ государственной преступникъ, въ народную тюрьму. Сей знатной невольникъ, желая сколько нибудь разогнать свою скуку, пригласилъ одного изъ караульныхъ играть съ собою въ шахматы. Во время продолжавшейся игры прискакалъ отъ Двора нарочный курьеръ съ объявленіемъ Королевскому брату смертной казни. Абулъ просилъ отъ чиновника, коему было препоручено исполненіе сего дѣла, на два часа сроку; но сей поставляя такое время весьма долгимъ, дозволилъ ему наслаждаться жизнію только до тѣхъ поръ, пока онъ окончитъ свою игру, которая была уже до половины разыграна. Но сія короткая отсрочка преобразила Абулову участь изъ мрачнаго ея вида въ самый блистательный. Ибо Королевскій братъ не успѣлъ еще окончить свою игру, какъ сверьхъ чаянія прибылъ къ нему другой курьеръ съ донесеніемъ о скоропостижной смерти Короля брата его, объявляя притомъ, что онъ по всеобщему государственныхъ чиновъ желанію избранъ преемникомъ престола, и уже провозглашенъ

за-

законнымъ наслѣдникомъ умершаго Государя. Такимъ образомъ Абулъ былъ въ одинъ день исторгнутъ изъ палачовыхъ рукъ, и возведенъ на знаменитый престолъ своихъ предковъ.

Впрочемъ какъ нещастные люди по претерпѣніи многихъ бѣдъ и злоключеній наслаждаются благополучіемъ гораздо съ большею чувствительностію и пріятностію, нежели тѣ, кои никогда еще не испытали злой судьбины своей: такъ напротивъ того и щастливцы свѣта сего конечно должны живѣе и болѣе ощущать злополучія предъ тѣми, кои уже неоднократно были бѣдамъ подвержены; чего ради и надлежитъ любимцамъ фортуны для предупрежденія быть могущихъ отъ оной бѣдствій всегда быть внимательнымъ, и какъ можно удаляться скорѣе въ уединеніе отъ нее, дабы симъ способомъ сохранить спокойствіе и пріобрѣтенную себѣ уже славу; ибо щастіе, разгнѣвавшись на нихъ, поступаетъ съ ними такъ, какъ морскіе разбойники съ торговымъ флотомъ. Они не прежде чинятъ нападеніе на купеческія суда, пока точно не узнаютъ, что онѣ нагружены богатыми, дорогими и лучшими товарами. Подобнымъ образомъ и фортуна избираетъ для отнятія всѣхъ у любимцовъ своихъ почестей такое время, когда бываютъ они наиболѣе оными увѣнчаны. Чего ради и надлежитъ, прежде нежели воз-

возстанетъ буря нещастій, искать безопаснаго и спокойнаго пристанища, то есть надобно заблаговременно удаляться отъ суетъ сего свѣта.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надлежитъ стараться предупреждать свое злополучіе.*

Люди, отказавшіеся, говоритъ де ла Брюеръ, отъ великаго достоинства, или отъ знатнаго чина, или отъ великаго щастія, могутъ конечно похвалиться, что они избавились отъ многихъ хлопотъ, заботъ, суетъ, отъ изнурительнаго бдѣнія, а можетъ быть и отъ великихъ бѣдъ. А я присовокупляю къ сему еще и то, что они избавляются тѣмъ отъ всѣхъ тѣхъ горестей, которыя за перемѣною щастія неминуемо слѣдуютъ, то есть: щастіе, отступая отъ человѣка, и отнимая у него всѣ свои блага, оставляетъ ему вмѣсто ихъ скуку и горесть, и обнаруживаетъ въ немъ такіе иногда недостатки, коихъ онъ въ себѣ и не замѣчалъ.

(2) *Надлежитъ отъ щастія до того отходить, пока оно само не отойдетъ отъ насъ.*

Когда мы, говоритъ Сентъ-Эвремонтъ, оставляемъ заблаговременно свѣтъ, тогда сооружаемъ такую добрую о нашихъ заслугахъ славу, какую только пріобрѣсть себѣ можно. Когда же пребываемъ въ немъ слишкомъ долго, тогда доживемъ можетъ быть и до того, что и вовсе истребится о насъ та добрая па-

 мять,

мять, какую бы могли мы оставить по себѣ. Лучше жить въ какомъ нибудь монастырѣ, или никому невѣдомымъ въ пустынѣ, нежели доживать до того, чтобы друзья твои тебя стыдились, а враги твои получивъ случай могли надъ тобою смѣяться, и дѣлать несносныя укоризны.

(3) *Злополучіе есть весьма сродное человѣчеству дѣло; рано или поздо со всѣми оно бываетъ.*

Великое богатство, говоритъ де ла Брюеръ, есть близкая степень къ бѣдности; также можно сказать и о великомъ нещастіи, что оно близко есть къ благополучію. Весьма много выигравши, берегись, чтобы опять не проиграть всего, а въ благополучіи бываетъ тоже, что и въ карточной игрѣ. Почему для избавленія себя отъ неминуемой перемѣны въ щастіи, нѣтъ надежнѣйшаго средства, какъ заблаговременно отъ него отстать и удалиться совсѣмъ. Нѣкто изъ придворныхъ, очистивъ разумъ свой отъ пышныхъ и надменныхъ свѣтскихъ мыслей, и живучи во уединеніи, обыкновенно говаривалъ, что благоденственную жизнь можно провождать въ такомъ только состояніи, надъ которымъ щастіе не имѣетъ столько силы и власти, сколько надъ знатнымъ и высокимъ званіемъ. Находясь въ великомъ чинѣ, жертвуемъ мы всѣмъ нашимъ имѣніемъ и покоемъ суетной жизни. А хотя за то иногда и получаемъ ласковыя фортуны привѣтствія, но за внушеніе оныхъ не платимъ ли вольностію, чаще же всего и цѣлою своею жизнію? Что пріобрѣли себѣ отмѣннаго

великїе щастливцы, которымъ Фортуна безпрерывно благопрїятствовала? Не для того ли они съ жадностїю искали себѣ славы, честей и богатствъ, чтобы при смерти чувствовать несказанное терзанїе отъ того, что должны они лишиться всѣхъ сихъ любимыхъ предметовъ?

(4) *Надобно заблаговременно прерывать съ щастїемъ знакомство и до того, пока оно не сринетъ насъ съ колеса своего.*

Маршалъ д'Анкръ, не смотря на высокое свое произхожденїе, не имѣлъ мудрости и благоразумїя отстать отъ щастїя своего въ такое время, когда наиболѣе требовала того нужда. При отъѣздѣ своемъ изъ Флоренцїи во Францїю спросилъ у него нѣкто изъ его друзей: за чѣмъ онъ ѣдетъ въ чужїе краи? Искать тамъ себѣ щастїя, отвѣчалъ Маршалъ, или вовсе погибнуть. Что и въ самомъ дѣлѣ случилось; ибо сперва былъ онъ очень щастливъ, а наконецъ подверженъ бѣдственной участи. Ежели бы послѣ брака съ Элеонорою Галигаею послушался ея совѣтовъ, и возвратился изъ Францїи въ Италїю, то бы конечно не лишился своего щастїя. Христина Лотарингская, Тосканская Великая Герцогиня, неоднократно ему приказывала, чтобы онъ до нашествїя угрожающей ему жестокой бури спасалъ свое судно; но онъ ей всегда отвѣтствовалъ на ея совѣтъ такимъ образомъ: до тѣхъ поръ, пока будутъ дуть благопрїятные вѣтры въ парусы моего корабля, хочу я вдаваться въ открытое море для того, дабы испытать, до коликой степени можетъ возвести щастїе своего любимца. И въ самомъ

дѣлѣ онъ долго взиралъ на приращенїе своей фортуны, но наконецъ будучи вовсе ею оставленъ, подпалъ сожалительной участи.

(5) *Фортуна отходитъ отъ своихъ любимцовъ по отнятїи у нихъ всѣхъ своихъ благъ.*

Ужасный примѣръ разгнѣванной фортуны находимъ мы въ Греческомъ Полководцѣ Велизарїи. Онъ былъ великимъ военачальникомъ и подпорою Греческой имперїи почти чрезъ двадцать лѣтъ сряду. Оказавши себя надъ Персами и другими многими въ Африкѣ и Италїи живущими народами побѣдителемъ, столько былъ преданъ и вѣренъ своему Государю, что отметалъ нѣсколько разъ предлагаемую ему отъ войскъ своихъ корону. Осыпанъ будучи богатствами, украшенъ честїю и увѣнчанъ громкою славою, дѣлается наконецъ нещастливымъ, и самый тотъ Императоръ, которой былъ ему одолженъ всѣми завоеванїями, отнимаетъ у него все имѣнїе, лишаетъ его богатствъ, имущества, чиновъ и достоинствъ, и къ довершенїю безчеловѣчїя своего повелѣваетъ выколоть ему глаза. Короче сказать, сей великой мужъ доведенъ былъ до такой крайности, что въ томъ же самомъ Константинополѣ, въ которомъ не задолго предъ тѣмъ временемъ и по повелѣнїямъ того же Цесаря празднованы были въ честь славныхъ его побѣдъ наивеликолѣпнѣйшїя торжества, принужденъ былъ просить милостыню.

(6) *Надлежитъ учиться быть прямо справедливымъ въ разсужденїи самаго себя.*

Г. Сентъ-Эвремонтъ говоритъ, что для удержанїя быстроты стремительнаго щастїя над-

надлежитъ всегда имѣть достаточныя силы для того наипаче, дабы оно мгновеннымъ уходомъ своимъ не низринуло насъ съ высокихъ достоинствъ въ глубочайшую пропасть напастей и злоключенїй. Кто не слишкомъ гоняется за щастїемъ, того поведенїе есть столь же славно, какъ и знаменитыя побѣды, одержанныя надъ непрїятелемъ. Чрезъ самопроизвольное оставленїе суетной свѣтской жизни можно конечно надежнѣе сохранить прїобрѣтенную славу и честь, нежели чрезъ доведенїе Фортуны до крайности.

(7) *Примѣръ умѣренности относительно ко укрощенїю страстей показалъ собою Императоръ Карлъ Пятый.*

Съ моей стороны я не нахожу въ семъ Ирое ничего предосудительнаго. А что онъ оказалъ себя равнодушнымъ въ разсужденїи щастїя, то сїе конечно приписать надобно проницательности его разума. Впрочемъ неудачное его сраженїе при Мецѣ не заглаживаетъ славы, прїобрѣтенной великими его дѣлами; поелику не было такого на свѣтѣ Ироя, которому бы въ жизни его ни единожды не измѣняло щастїе.

Кажется мнѣ, что немного сыщется столь равнодушныхъ въ щастїи Ироевъ, каковъ былъ Лудвигъ XIV; онъ среди безчисленныхъ своихъ побѣдъ не только не гордился щастливыми въ войнѣ успѣхами, но еще наиболѣе старался укрощать свое честолюбїе. При громогласныхъ восклицанїяхъ цѣлой Европы, которая была свидѣтельницею побѣдоноснаго его войска, воздерживался сей Государь отъ пролитїя человѣческой крови, и прощалъ обиды

непрїятелей, чувствительно его озлобившихъ. Онъ былъ снисходителенъ къ просящимъ мира, давалъ всѣмъ свободной къ себѣ доступъ, и отрекаясь отъ множества выгодъ, получаемыхъ отъ побѣдъ и завоеванїй, заставлялъ удивляться себѣ всю Европу.

(8) Какъ узнавать время разставаться съ фортуною.

На сей вопросъ, кажется, никакъ не можно дать точнаго отвѣта: худой въ войнѣ успѣхъ, потерянїе баталїи, и принужденное отступленїе отъ осажденнаго города суть конечно неложные знаки неблагопрїятствующаго щастїя. Но какъ военныя дѣйствїя бываютъ неодинаковы, и щастїе не всегда служитъ Ирою, а противополагаетъ ему многїя иногда и препоны, дабы плоды побѣдъ его сдѣлать ему же прїятнѣйшими и сладчайшими: то и не льзя все оное принимать за настоящїй знакъ его отступленїя. А понеже встрѣчаются въ войнѣ и такїе чрезвычайные случаи, чрезъ упущенїе или отвращенїе которыхъ гибнутъ лучшїя намѣренїя и наилучшїе успѣхи, то разумные политики и совѣтуютъ при толь важномъ преткновенїи фортуны ободрять и утѣшать себя надеждою и упованїемъ. Впрочемъ неожидаемое и вдругъ приключившееся щастїе, ежели будетъ продолжаться долгое время, признается предзнаменованїемъ наступающей перемѣны; ибо благопрїятствованїе фортуны таково же непостоянно и коловратно, какова она и сама.

(9) *По разнообразности фортуны не льзя узнать, когда кончится благоволенїе оной.*

Есть въ свѣтѣ люди, которыхъ самое существованїе быть бы могло всѣмъ крайнѣ несносно, естьлибъ щедрое Небо не воззрѣло на нихъ милостивымъ окомъ и вдругъ не излило на нихъ цѣлыхъ рѣкъ своихъ богатствъ, не украсило ихъ чинами и достоинствами, и не поставило въ такомъ родѣ жизни, въ которомъ могли они наслаждаться благоденствїемъ въ продолженїи многихъ лѣтъ. Нѣкто по имени Евполъ былъ изъ числа помянутыхъ щастливцовъ. Онъ, произшедши отъ весьма низкихъ родителей, достигъ въ скорое время до такой степени знатности, до которой и въ самой должайшїй вѣкъ едва ли удастся достигнуть и знаменитѣйшаго рода человѣку. Съ дѣтьми же его поступило щастїе совсѣмъ иначе, нежели съ нимъ: оно поставило ихъ на ту же самую дорогу, по которой хаживали простые ихъ предки.

(10) *Чрезвычайное нещастїе послѣдуется всегда окончанїемъ добрымъ.*

Самый нещастный человѣкъ, говоритъ Графъ де Бюсси, есть тотъ, у котораго ничего не остается кромѣ единой жизни. Я былъ самъ таковымъ нещастливцомъ, и терпя, яко преступникъ, темничное заключенїе, столько умножилъ терзанїями и отчаянїемъ мои бѣдствїя, что конечно бы и жизни лишился въ Бастилїи, естьлибъ за мѣсяцъ до освобожденїя моего изъ сей тюрьмы не положился я во всемъ на Божескїй промыслъ

и на его святѣйшую волю. А сїе можетъ быть и было столько прїятно Богу, что онъ подвигнулъ и преклонилъ Государево сердце на милосердїе, которой простивъ мои проступки, приказалъ мнѣ опять служить въ прежней должности при своемъ Дворѣ.

ГЛАВА XII.

О томъ, что Ирою должно прїобрѣтать себѣ благосклонность народа (1).

Плѣнить умы всѣхъ людей, но не тронуть ни мало ихъ сердца, конечно не великой стоитъ важности; но естьли кто успѣетъ прїобрѣсти себѣ при своей славѣ и любовь отъ всего народа, тотъ по справедливости достоинъ всеобщаго вниманїя. Многїе Ирои, снискавъ великими дѣлами почтенїе у народа, не могли однакожъ никогда прїобрѣсти себѣ его любви. Не льзя никакъ въ томъ сомнѣваться, чтобы сущность самаго характера не способствовала къ доставленїю всеобщей приверженности. Но между тѣмъ и то неоспоримо, что принаравливанїе себя къ народному вкусу и старанїе угодить вообще всѣмъ и каждому, могутъ почесться наилучшими къ тому пособїями. Я увѣренъ, что тѣ судятъ неправо, которые утверждаютъ, что всеообщее благоволенїе или похвала должна всегда отдаваема быть однимъ

за-

заслугамЪ, вЪ какомЪ бы человѣкѣ сіи заслуги примѣчаемы ни были. Но не взирая на столь тонкое умствованіе, не случается ли намЪ повсядневно видѣть, что одно и тоже достоинство, усматриваемое вЪ двухЪ различныхЪ особахЪ, вЪ одномЪ представляется весьма любезнымЪ, а вЪ другомЪ крайнѣ ненавистнымЪ? Чего ради я и повторяю, что притти у всѣхЪ вЪ отличную любовь и благосклонность есть особенный дарЪ и существенное преимущество Ироя. Поистиннѣ для великаго человѣка недовольно того, чтобы онЪ имѣлЪ превосходныя и блистательныя качества разума, но надлежитЪ еще показывать вЪ себѣ и добрыя сердечныя свойства (2). Тогда-то приверженность и любовь народа, соединясь вмѣстѣ сЪ почтеніемЪ, составятЪ ему вѣчный и незабвенный памятникЪ.

ИзЪ всѣхЪ великихЪ людей, умѣвшихЪ наиболѣе понравиться народу, и быть отЪ онаго любимымЪ, былЪ самый искуснѣйшій, какЪ мнѣ кажется, славный оный ГерцогЪ де ГизЪ, коего природа, заслуги и особливая кЪ нему Государева милость, хотя и возвели на высочайшую степень достоинствЪ, но притомЪ противопоставили ему сильнѣйшаго вЪ свѣтѣ соперника (3). Сей же соперникЪ былЪ ГенрихЪ Третій, коего именемЪ назывались многіе вЪ державахЪ Европейскихъ Государи, и изЪ которыхЪ всѣ

были ненавидимы подданными, такЪ какЪ и сей былЪ ненавидимЪ Францїею. Признаться надобно, что нѣкоторыя имена Государей бываютЪ людямЪ прїятны и благопоспѣшны, другїяжЪ ненавистны и сЪ ними какЪ будто сопряжено нѣчто злополучное и нещастливое. Но какЪ бы то ни было, ГенрихЪ, не оказывавшїй Герцогу де Гизу никакого благоволенїя и любви, (хотя сей послѣднїй и достоинЪ былЪ милостей сего Государя) спросилЪ нѣкогда у своихЪ придворныхЪ: какими способами ГизЪ привлекаетЪ кЪ себѣ сердца всего народа? На сїе одинЪ изЪ придворныхЪ служителей, болѣе простодушный и искреннїй, нежели хитрый и наблюдающїй политику человѣкЪ, отвѣчалЪ Королю сими словами: Ваше Величество! ГерцогЪ де ГизЪ дѣлаетЪ добро безЪ изЪятїя всѣмЪ, иногда самЪ собою, иногда посредствомЪ своихЪ знакомцевЪ, а иногда и чрезЪ свои рекомендацїи и одобренїя. Не проходитЪ ни одной свадьбы, которую бы онЪ не удостоилЪ своимЪ посѣщенїемЪ. НѣтЪ ни однихЪ крестинЪ, на которыхЪ бы онЪ отказался быть воспрїемникомЪ младенца, да не проходитЪ также никакихЪ и похоронЪ, на коихЪ бы онЪ не присутствовалЪ и не подавалЪ утѣшенїя плачущимЪ. ОнЪ вѣжливЪ, человѣколюбивЪ, щедрЪ, отзывается обыкновенно сЪ доброй стороны обо всѣхЪ, и никогда никого не поноситЪ и не

осмѣ-

осмѣхаетъ. А потому и обладаетъ онъ сердцами всѣхъ, по единому своему ко всѣмъ доброжелательству. Правда, что быть любимымъ отъ народа есть великое дѣло, но я щастливымъ называю того изъ Ироевъ, которой снискавши любовь отъ своихъ соотчичей, можетъ также быть любимъ и отъ своего Государя (4). Это должно быть всегда одно отъ другаго неразлучимымъ. Но Баязетъ Турецкій Императоръ, не почитая сіе правило за вѣрное, думалъ, что Государь или правительство, старающееся угождать народу, не только не можетъ ему угодить и понравиться, но приходитъ отъ того въ большую недовѣренность и малое у всѣхъ почитаніе. Странная Оттоманская политика, считающая за ничто лишать Визирей своихъ не только высокихъ ихъ чиновъ, но и самой ихъ жизни (5)!

Высочайшее искусство въ поведеніи Ироя состоитъ въ томъ, чтобы не только умѣть нравиться своему Государю и его народу, но чтобъ быть непротивнымъ и Богу. Три Граціи, столь много выхваляемыя древними стихотворцами, не значатъ ничего въ сравненіи съ сими тремя преимуществами; ибо они подаютъ, такъ сказать, руку, поставляющую и возводящую насъ на самой верьхъ высокаго и истиннаго иройства. Но естьли необходимость заставитъ преступить какую нибудь изъ сихъ добродѣтелей, то въ такомъ

комъ случаѣ лучше перестать угождать Государю, нежели Богу, или лучше быть прежде нелюбиму народомъ, нежели Государемъ (6); да и нѣтъ никакого сомнѣнія, чтобы таковой поступокъ не былъ позволителенъ въ неизбѣжной крайности. Мы же поговоривъ нѣсколько о посторонней матеріи, возвратимся къ настоящему нашему предложенію, т. е. къ народной любви и приверженности онаго къ Ироямъ или людямъ великимъ.

Я думаю, что въ пріобрѣтеніи себѣ народной любви лучшее и надежнѣйшее средство есть то, что надобно самому оказывать любовь всѣмъ своимъ соотчичамъ. Правда, что народъ нескоро начинаетъ любить знатныхъ людей, и ежели кого изъ нихъ возненавидитъ, то сія ненависть бываетъ чрезвычайно продолжительная (7). Между тѣмъ не льзя же и того отрицать, чтобы онъ былъ слишкомъ нечувствителенъ къ достоинствамъ и заслугамъ вельможъ. А главнѣйшее побужденіе, заставляющее любить Ироя, есть ласковость, привѣтливость и его щедролюбіе. Къ снисходительному и благодѣтельному великому и знаменитому мужу расположены сердца всѣхъ согражданъ такъ, что они наперерывъ стараются изъявить ему свою приверженность во всякое время (8). Для сихъ-то любезныхъ качествъ Императоръ Титъ наименованъ былъ благотворителемъ и утѣхою человѣческаго рода. Одно знат-

знатнаго вельможи ласковое и пріятное слово трогаетъ насъ гораздо болѣе, нежели особенная услуга, оказываемая намъ отъ равныхъ или отъ нашихъ сверстниковъ, а снизхожденіе Государя превосходитъ цѣну и самыхъ благодѣяній, происходящихъ къ намъ отъ руки простаго и частнаго человѣка.

Король Алфонсъ, прозванный великодушнымъ, находясь нѣкогда на дорогѣ, не устыдился на нѣсколько часовъ позабыть высокій свой санъ и Королевское величество; онъ слѣзъ съ лошади для того, чтобы подать помощь одному крестьянину, вдругъ на пути занемогшему. Слухъ же, разнесшійся въ Гаэтѣ о такомъ его снисхожденіи и великодушіи, способствовалъ ему къ овладѣнію симъ городомъ, котораго бы не можно было взять ни пушками, ни бомбами, ниже приступомъ храбрыхъ и искусныхъ его солдатъ. Такимъ образомъ сей Государь взошелъ, такъ сказать, сперва въ сердца обывателей, а по томъ вступилъ и въ самой ихъ городъ, гдѣ принятъ былъ съ радостнѣйшими отъ всѣхъ восклицаніями. Пускай строгіе критики не признаютъ въ Алфонсѣ никакихъ достоинствъ, кромѣ сего особеннаго и удивительнаго искусства, состоящаго въ пріобрѣтеніи народной любви и въ привлеченіи къ себѣ людскихъ сердецъ; но я, не желая распространяться въ похвалахъ, приписываемыхъ разумными и учены-

ми людьми и другимъ его изящнымъ качествамъ, удовольствуюсь сказать въ отвѣтъ противникамъ его только то, что одно сіе доброе качество снисходительности, за которое какъ я, такъ и они согласно со мною отдаютъ ему справедливость, есть конечно самое лучшее и превосходнѣйшее. Чтожъ касается до другихъ изрядныхъ свойствъ сего Государя, то я въ изслѣдованіи оныхъ не желаю трудиться, потому что онѣ не служатъ къ объясненію моего предложенія.

Наконецъ въ гражданскомъ обществѣ находится еще особенный родъ людей, коихъ благосклонность необходимо нужна для всякаго Ироя (9). Правда, что сіи люди не очень многочисленное составляютъ собою званіе, но они весьма знамениты по своимъ способностямъ и дарованіямъ. Это есть собраніе ученыхъ людей, славящихся въ государствѣ обширными своими познаніями. Они суть какъ бы нѣкоторыя орудія, посредствомъ которыхъ слава Ироевъ распространяется по всѣмъ краямъ вселенныя (10). Кто бы безъ нихъ сообщилъ намъ и будущему потомству о дѣлахъ храбрыхъ Ахиллесовъ и Александровъ? Живописцова кисть искусно можетъ описывать черты лица и расположеніе всего тѣла; но чтобы изобразить самую душу и разумъ Ироя, сего кромѣ ученыхъ людей никто сдѣлать не можетъ. Великой мужъ, честь и украшеніе Венгровъ,

Маттій

Маттій Корвинъ (11) обыкновенно говаривалъ, что иройству всего нужнѣе есть слѣдующее: первое, чтобы отличать себя славными и достойными вѣчной памяти дѣлами; а вовторыхъ, чтобы своими щедротами привлечь на свою сторону такихъ писателей, коихъ перо было бы способно прославлять и предать незабвенности всѣ знаменитыя его дѣянія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Ирою надлежитъ стараться пріобрѣтать себѣ народную благосклонность.*

Сіе положеніе вбираетъ въ себя, такъ какъ въ нѣкую пучину, весь смыслъ сей важной и великой должности. Очень многаго стоитъ быть отъ всѣхъ почитаему и любиму. А хотя щастіе и весьма способствуетъ къ пріобрѣтенію народной любви, однакожъ стараніе и собственное желаніе угождать всѣмъ и каждому бываютъ еще и того дѣйствителнѣе; а потому и можно безъ всякой ошибки сказать, что щастіе начинаетъ, труды же все совершаютъ. Великія качества и достоинства Ироя вовсе не принесутъ ему никакой пользы, ежели онъ не будетъ искренними поступками, привѣтливыми и ласковыми словами привлекать на свою сторону людей, и плѣнять ихъ сердца; кратко сказать, ему надобно любить всѣхъ словомъ и дѣломъ, ежели только онъ самъ хочетъ отъ нихъ быть любимымъ. Снисхожденіе и вольность, наблюдаемыя въ обхожденіи великими людьми,

сутъ

суть надежныя средства къ уловленію и привлеченію къ себѣ сердецъ народа. Болѣежъ всего приказываетъ имъ политика оказывать благосклонность къ славнымъ писателямъ; ибо Ироя или знаменитаго мужа есть долгъ прославляться отмѣнными дѣлами, высокими добродѣтелями и громкими благотвореніями; ученаго же человѣка главнѣйшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы перомъ своимъ ради поощренія и другихъ къ тому же предавать незабвенной памяти всѣ великія дѣянія благотворителей рода человѣческаго.

(2) Ирою недовольно имѣть блистательныя качества разума, а надобны притомъ и добрыя сердечныя свойства.

Г. Сентъ-Эвремонтъ говоритъ: хотя люди и стараются быть щастливыми, но не могутъ сдѣлаться таковыми потому, что не дѣлаютъ другъ другу взаимнаго вспоможенія въ пріобрѣтеніи щастія, и что не достаетъ имъ честности на то, чтобъ способствовать другому дѣлаться почтеннымъ и всѣми любимымъ. Кто же хочетъ имѣть сію честность въ высочайшемъ степени, тому потребенъ превосходный разумъ и доброе сердце, содѣйствующее во всемъ первому. Честной человѣкъ бываетъ тихъ, человѣколюбивъ, готовъ къ помоществованію, ко всѣмъ сострадателенъ, чувствителенъ, извиняетъ другихъ недостатки, никого не укоряетъ, старается всѣмъ угодить и быть пріятнымъ, вѣжливымъ и веселымъ въ обхожденіи.

Великому Государю, говоритъ Кавалеръ де М. не только должно быть самому щастливу,

но

но и надлежитъ содѣлать благополучными всѣхъ подданныхъ, живущихъ подъ его державою. Для сего необходимо нужно ему главное изъ всѣхъ достоинство, то есть быть честнымъ человѣкомъ. Но посмотримъ, что такое есть честность, и въ какомъ видѣ показывается она въ суетномъ свѣтѣ. Наружность ея не имѣетъ на себѣ никакой пышности, поражающей и ослѣпляющей взоръ слабоумныхъ людей. Въ ней нѣтъ также ничего слишкомъ удивительнаго; однакожъ чѣмъ кто внимательнѣе ее разсматриваетъ, тѣмъ яснѣе и лучше видитъ оной пріятности. Все, о чемъ бы кто ни говорилъ, принимаетъ она съ ласковостію; для нее пріятны всякіе разговоры, лишь только бы они были неложны и справедливы. Она, имѣя свое произхожденіе не отъ обманчивой и перемѣнчивой наружности, но отъ твердаго разума и отъ непоколебимыхъ добродѣтелей, всегда бываетъ снисходительна, готова прощать всѣхъ ее озлобляющихъ, и помоществовать страждущимъ и бѣднымъ. Она не ослѣпляется корыстію; взираетъ болѣе на достоинства, нежели на произведенія щастія, потому что знаетъ истинную всѣхъ вещей цѣну. Да кажется, что честность не измѣняется ни отъ времени, ни отъ случаевъ, ниже отъ мѣстъ знатныхъ. Честной человѣкъ, живущій въ хижинѣ, есть не хуже вельможи. Впрочемъ хотя честность и весьма здраво и строго судитъ о всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, но однакожъ всегда уклоняется отъ исполненія своихъ на то рѣшеній, потому что бываютъ они очень прямы, честность же желаетъ и ищетъ сдѣлать всѣхъ щастливыми и благополучными, а за тѣмъ и не осмѣливаетъ-

ся приступать къ выполненію своихъ приговоровъ.

(3) *Герцогу де Гизъ противопоставленъ былъ сильной соперникъ.*

Граціанъ не упоминаетъ объ имени сего сильнаго Гизова соперника; но это былъ Іоаннъ Лудовикъ де Ногаретъ, любимецъ Генриха Третьяго, которой пожаловалъ его первымъ Герцогомъ Эпернонскимъ, и награждалъ столь многими чинами, что придворные Генриховы называли Ногарета кладовою милостей Царскихъ. Онъ былъ Перъ и Адмиралъ Франціи, Оберъ-Камергеръ, Полковникъ всей пѣхоты и осьми губерній правитель.

Изъ родословія владѣтельныхъ особъ явствуетъ, что имена нѣкоторыхъ Государей въ самомъ дѣлѣ были вредны и пагубны для ихъ государствъ, какъ на примѣръ Птоломей для Египта.

(4) *Щастливъ тотъ Ирой, которой, снискавши любовь отъ своихъ соотчичей, можетъ быть любимъ и отъ своего Государя.*

Два сіи качества были нераздѣльны въ поведеніи Кардинала Георгія Амбуазскаго и перваго Министра Лудовика XII. Его любили равно какъ Государь, такъ и государство, потому что онъ самъ равномѣрно пылалъ къ нимъ любовію. Будучи безпристрастнымъ и безкорыстнымъ Министромъ, оказывалъ онъ ко всѣмъ снисходительность и милосердіе, а при полной своей власти не забывалъ почитать высокіе чины вельможей. Для сохраненія народной вольности вперилъ онъ въ Государя своего отмѣнную къ добру склонность, и все-

всегда обращалъ власть свою въ пользу общественнаго блага. Повелѣвалъ всѣми въ государствѣ, не причиняя никому ни малаго оскорбленія, а кольми паче наказанія; управлялъ народомъ, не притѣснивъ никакими налогами и поборами. Руанскимъ будучи Архіепископомъ, довольствовался только доходами своего пастырства, и никогда не оскверняль рукъ своихъ ни кровопролитіемъ, ни мздоимствомъ; былъ немстителенъ, независтливъ, нехитръ и нековаренъ.

(5) *Странная политика щитать за ничто лишать вельможъ не только чиновъ, но и жизни.*

Тиверій, недостойный преемникъ Августова престола, имѣлъ духъ исполненной зависти и ненависти, а особливо къ Германику, успокоившему бунтующіе въ Германіи легіоны. Онъ не устыдился одинъ разъ сказать при своихъ Министрахъ: когда Германинъ могъ обратить солдатъ къ ихъ должности, то не можетъ ли и опять отвратить ихъ отъ повиновенія? Подлинно съ самаго того времени началъ онъ его ненавидѣть, бояться и подозрѣвать въ невѣрности. Тщетно ревностный сей полководецъ старался доказать Тиверію свою вѣрность чрезъ отрицаніе престола, которой предлагаемъ ему былъ его подчиненными. Ничто не избавило его отъ погибели. Самая невинность поставлена ему была въ преступленіе, то есть, что былъ ему предлагаемъ престолъ, а онъ отрекся отъ него. Тиверій безчестными происками и разными коварствами довелъ сего великаго мужа до того, что онъ въ виду Римской арміи, съ которою неустрашимо нападалъ на непріятелей, убитъ по его повелѣнію.

(6) *Лучше перестать угождать Государю, нежели Богу; лучше быть нелюбиму народомъ, нежели Государемъ.*

Грацїанъ называетъ такое поведенїе истиннымъ иройствомъ. И въ самомъ дѣлѣ какое требуется на то величїе духа, чтобы во угожденїе Царю Царей перестать угождать своему Государю? Какое искушенїе, какое будетъ сраженїе у придворнаго съ Христїаниномъ! Пустыннику, живущему въ отдаленїи отъ всѣхъ лестныхъ предметовъ, легче одержать надъ собою такую побѣду; но придворной человѣкъ, будучи прилѣпленъ къ обольстительному великолѣпїю и пышности и видя свое щастїе приближающееся къ опасности, равно какъ и себя приходящаго въ немилость у Государя, не имѣетъ ли величайшей нужды въ самой непоколебимѣйшей добродѣтели и мужествѣ, дабы возмочь предпочесть обязанность къ Богу тѣмъ бѣдамъ, какимъ онъ видимо себя подвергаетъ, прогнѣвавъ своего Государя? Правда, что сїе исполнить есть дѣло возможное, но только Ирою и отмѣнному человѣку; тому же, котораго колеблютъ весьма сильныя страсти, и которой не хочетъ потерять благосклонности Государя, произвести сїе въ дѣйствїе есть чрезвычайно трудно, и почти не возможно.

Авторъ политическаго завѣщанїя возбуждаетъ приворныхъ имѣть къ Государю своему весьма великую приверженность. Сынъ мой! говоритъ ла Гогетъ, когда ты будешь находиться при Дворѣ, то смотри, чтобы въ глазахъ твоихъ не было никакого другаго господина, или владыки, кромѣ твоего Го-

Государя. Храни къ нему вѣрность твою, и не отдавай ее въ залогъ никому другому. Ибо можетъ случиться и то, что собственныя твои выгоды заставятъ тебя поступать въ противность твоего обязательства, и потребуютъ отъ тебя, чтобы ты по должности твоей былъ противникомъ твоего благодѣтеля. Надобно, чтобы ты по привязанности твоей къ особѣ Государской любилъ также и тѣхъ людей, коихъ избираетъ онъ для понесенія трудовъ, подъемлемыхъ въ правленіи своего государства. Знай, что Министры суть исполнители воли и участники власти его, которую онъ съ ними раздѣляетъ ради вышесказанной причины. А какъ къ Государской власти долженъ всякой честной подданной имѣть уваженіе, слѣдовательно обязанъ онъ отдавать тоже почтеніе и исполнителямъ оныя. Они бываютъ въ милости у своего Государя потому, что участвуютъ во всѣхъ его таинствахъ, и онъ ихъ любитъ за вѣрность и за исправленіе важнѣйшихъ дѣлъ. Министры находятся неразлучно съ Государемъ не по излишней его къ нимъ любви, но по тому наиболѣе, что на ихъ рукахъ лежитъ бремя заботъ и трудовъ, предпринимаемыхъ для цѣлости государства. И такъ польза, происходящая отъ ихъ службы, и облегченіе, чинимое ими трудамъ своего Государя, должны возбудить въ тебѣ, естьли ты хочешь быть вѣрнымъ и добрымъ подданнымъ, любовь и почтеніе къ симъ особамъ. Берегись, заключаетъ да Гогетъ, надменности и нахальной спѣси, и не презирай любимцевъ Государевыхъ; ибо таковой поступокъ безполезенъ, ненадеженъ и мало приноситъ чести людямъ твоего

 со-

состоянія. Можешь ли ты отнять у Министра почтеніе, отдаваемое ему за то, что онъ удостоенъ довѣренности своего Государя? Правда, что очень бы то желательно было, ежели бы Государь раздѣлялъ любовь свою равно всѣмъ подданнымъ, такъ какъ и власть его на всѣхъ равно простирается; но когда тому статься не можно, то надлежитъ тебѣ довольнымъ быть и тѣмъ, что отъ него получаешь на свою долю.

Но Г. Монтань говоритъ о сей матеріи не съ такою умѣренностію. Мы должны, говоритъ онъ, подданничествомъ и послушаніемъ всѣмъ нашимъ Государямъ; поелику сіе повиновеніе есть дань, принадлежащая ихъ особамъ; но сердечное къ нимъ почитаніе и любовь раждаются въ насъ по мѣрѣ ихъ добродѣтелей. Нѣкоторой солдатъ, будучи вопрошенъ Нерономъ, для чего онъ желаетъ ему зла, отвѣтствовалъ ему такимъ образомъ: я любилъ тебя Государь, и почиталъ до тѣхъ поръ, пока ты былъ достоинъ любви и почтенія; но съ того самаго времени, какъ сдѣлался ты убійцею матери, зажигателемъ Рима и шутомъ, то и возымѣлъ я къ тебѣ ненависть, которой ты дѣйствительно и стоишь. Но понеже Государи суть отцы своихъ подданныхъ, а подданные суть ихъ дѣти, отцовъ же, каковы бы они впрочемъ ни были, надлежитъ любить и почитать по внушенію всѣхъ законовъ: то слѣдуетъ по тому же основанію и Государей любить, и разсуждать о дѣлахъ ихъ такъ, что не подвержены они никакому нашему суду.

(7) *Народная любовь и нечаяисть къ вельможамъ бывает продолжительная.*

Предубѣжденiе народа въ пользу вельможъ, говоритъ де ла Брюеръ, бываетъ столь велико и сильно, что всякой старается перенимать у нихъ движенiе тѣла, тонъ голоса, разговоры и всѣ ихъ поступки. И естьли бы вельможи были поласковѣе и снисходительнѣе къ народу, то бы, мнѣ кажется, онъ началъ ихъ обожать и имъ идолопоклонствовать.

(8) *Къ снисходительному и благотворному Ирою привержены бываютъ всѣхъ сердца.*

Истинныя качества великаго мужа, говоритъ де ла Брюеръ, суть ласковость, тихость, простота и привѣтливость, да чѣмъ онъ свободнѣе съ людьми обходится, тѣмъ народъ болѣе находитъ причинъ ему удивляться. Истинный Ирой, оказывая благосклонность къ самому послѣднему гражданину, ничего чрезъ то не теряетъ изъ тѣхъ достоинствъ, кои приличествуютъ его сану. Онъ, забывая не рѣдко свои преимущества, входитъ въ простыя компанiи, разговариваетъ съ людьми самаго посредственнаго состоянiя; смѣется вмѣстѣ съ ними, играетъ и шутитъ съ надлежащею благопристойностiю. Благородный и кроткiй его нравъ прiобрѣтаетъ ему отъ всѣхъ почтенiе и довѣренность. Вотъ симъ-то образомъ Государи могутъ сдѣлаться великими и превосходными. Высочество ихъ конечно тѣмъ болѣе прославится, чѣмъ менѣе будутъ они заставлять насъ чувствовать то, что мы въ разсужденiи ихъ малы и низки.

(9) Ирою нужна ученыхъ людей благосклонность.

Человѣкъ, отправляющій высокую должность и имѣющій великой чинъ, долженъ не только любить разумныхъ людей, но и заводить съ ними знакомство. Онъ никакъ не можетъ ни одарить, ни облагодѣтельствовать ученыхъ, но однимъ только дружескимъ съ ними обхожденіемъ и пріятными ласками въ состояніи заплатить имъ за ту помощь и за всѣ тѣ ихъ услуги, которыя невѣдомымъ и непримѣтнымъ образомъ отъ нихъ получаетъ. Сколь много уничтожаютъ и разсѣваютъ они пустыхъ басенъ и выдуманныхъ исторій на озлобленіе и озлословливаніе ихъ! Какъ хорошо умѣютъ оправдывать случающіяся въ предпріятіяхъ ихъ неудачи и неблагоуспѣшества! Они придаютъ не въ благоразумную сторону обращаемымъ намѣреніямъ добрые виды, доказываютъ справедливость предпріятыхъ ими мѣръ, низпровергаютъ злоухищренія и нареканія, приписываемыя имъ злобными людьми.

(10) Ученые люди суть орудія, посредствомъ которыхъ слава Ироевъ распространяется всюду.

Граціанъ, желая возбудить въ Ирояхъ любовь къ наукамъ и къ ученымъ людямъ, приводитъ для сего самую убѣдительную причину. И въ самомъ дѣлѣ кто можетъ спорить, чтобы прежде Ахиллесовъ, Александровъ, Цесарей, Бурбоніевъ и Кондіевъ не были въ свѣтѣ великіе люди? Но имена и слава ихъ не достигли до нашихъ временъ по тому, что тогда не было ни стихотворцовъ, ни исторіи писателей,

телей, которые бы могли предать потомству оныхъ дѣянія. Не одинъ Идоменей одержалъ славныя побѣды, заслуживающія быть воспѣты Музами: можетъ быть цѣлыя тысячи Ироевъ были еще и прежде его, кои оказали на сраженіяхъ отличную храбрость и мужество, но по недостатку писателей пришли у всѣхъ въ забвеніе и неизвѣстность. Человѣкъ съ рѣдкими достоинствами обыкновенно считается на ряду съ простолюдиномъ, ежели никто не возвѣститъ намъ о его дарованіяхъ.

(11) *Великой мужъ, честь и украшеніе Венгровъ.*

Матѳій Корвинъ, по происхожденію своему никому неизвѣстный, былъ посаженъ съ невольниками въ одну тюрьму, въ то самое время, когда Король Владиславъ возведенъ былъ на Венгерской престолъ. До такой бѣдственной участи довела его зависть нѣкоторыхъ Венгерскихъ вельможъ, которымъ чрезвычайныя Корвиновы достоинства казались несносными; но скоро послѣдовавшая Владиславова кончина и произшедшее несогласіе между Корвиновыми ненавистниками, были причиною величайшаго его благополучія; ибо вельможи, выпустивъ Корвина изъ заточенія, избрали его своимъ Королемъ, а онъ по возшествіи на престолъ управлялъ какъ внутренними, такъ и иностранными государственными дѣлами столь благоразумно, что и по кончинѣ своей оставилъ безсмертное о себѣ имя.

ГЛАВА XIII.

О свойствѣ необходимомъ Ирою, называемомъ не знаю что такое (1).

Свойство, называемое не знаю что такое, есть душа всѣхъ добрыхъ качествъ, украшающая дѣйствія и дѣлающая пріятными въ человѣкѣ всѣ мины, и даже самые его разговоры. Оно, придавая красоту и прелесть всѣмъ изящнымъ преимуществамъ, есть превыше нашихъ мыслей и выраженій. Никто еще по сіе время не могъ онаго понять, да и кажется, что оно и навсегда останется всѣмъ непонятнымъ. Оно есть такой свѣтъ, безъ котораго и самое блистательное не можетъ быть блестяще. Оно составляетъ такую красоты пріятность, безъ коей она не привлекательна и трогать не въ силахъ. Сіе качество придаетъ (естьли только позволено мнѣ будетъ такъ изъясниться) прекрасный видъ всѣмъ украшающимъ насъ качествамъ; словомъ сказать, оно есть совершенство всѣхъ совершенствъ и образецъ всякой доброты и изящности. Свойство не знаю что такое показывается намъ въ прелестномъ и столько же ощутительномъ, сколько и въ неизъяснимомъ изображеніи (2). Оно есть стеченіе особенныхъ частей, изъ которыхъ происходитъ привлекательное и трогательное цѣлое, показывающееся иногда въ словахъ, а иногда въ самыхъ поступ-

кахъ.

кахъ. Но ежели сказать короче и яснѣе, то свойство не знаю что такое, есть по примѣчанію всѣхъ людей особенное природы дарованіе, для пріобрѣтенія котораго не имѣется ни надежныхъ средствъ, ни извѣстныхъ причинъ; да и кажется, что оно до сихъ поръ было въ независимости отъ всякаго искусства и отъ всѣхъ правилъ, и могло справедливо называться никому и ничему неподвластнымъ (3).

Но между тѣмъ желаніе опредѣлить и растолковать свойство не знаю что такое, и невозможность получить въ томъ желаемый успѣхъ, произвели то, что многіе начали изъяснять его различнымъ образомъ, смотря по разнымъ впечатлѣніямъ, какія оно въ нихъ производитъ. На примѣръ говорится: есть не знаю что-то такое въ семъ Ироѣ величественное и великое, а въ семъ человѣкѣ есть не знаю что-то любезное и привлекательное. Въ иномъ Ироѣ усматривается не знаю что-то живое и пріятное. Короче сказать, всякой употребляетъ оное по своему разсужденію и вкусу (4). Да случается и то, что одни видятъ и усматриваютъ оное не знаю что такое, а другіе въ томъ же человѣкѣ совсѣмъ онаго и не примѣчаютъ (5). Словомъ, не знаю что такое есть особенное свойство, никогда всѣхъ одинаково и въ равной степени не плѣняющее и не трогающее, но всегда занимающее человѣка по мѣрѣ его

чув-

чувствительности. Все же сіе относится къ тому рѣдкому его свойству, въ которое большая часть людей вовсе не проникаетъ, да и проникнуть не можетъ. Чтожъ касается до извѣстнаго всѣмъ и ощутительнаго его дѣйствія, то оно дѣлаетъ впечатлѣніе во всякаго и простолюдима. А хотя о дѣйствіяхъ его никто изъ нихъ и не помышляетъ, однакожъ трогается имъ всякой, и приходитъ отъ того въ нѣкоторой восторгъ и изступленіе.

Впрочемъ я знаю такихъ людей, которые утверждаютъ, что свойство не знаю что такое есть особенная способность и ловкость во всѣхъ нашихъ наружныхъ движеніяхъ. Но чтобы сіе опредѣленіе сдѣлать точнѣйшимъ, то кажется необходимо нужно присовокупить къ нему и сіи слова: Свойство не знаю что такое есть не знаю какая-то способность, не знаю какая-то отмѣнная ловкость въ тѣлесныхъ движеніяхъ. А понеже присовокупленіемъ новыхъ къ тому словъ ни мало не объясняется не знаю что такое, слѣдовательно и остается существо онаго столь же темно и неопредѣленно, какою оно было и до сего объясненія, и истолкованіе такое только что ограничиваетъ и стѣсняетъ о немъ смыслъ. Не знаю же что такое простирается между тѣмъ на всѣ наши достойныя удивленія дѣйствія точно также, какъ солнце имѣетъ вліяніе на всѣ вещи и на всѣ

про-

произведенія природы. Ежели солнце не будетъ сообщать землѣ благотворительную теплоту, то произведетъ ли сія послѣдняя безъ того хотя малѣйшіе плоды? Подобнымъ образомъ ежели въ великомъ человѣкѣ не будетъ доставать качества, не знаю что такое, то всѣ его другія свойства, хотя бы впрочемъ были онѣ самыя добрыя и изящныя, не составятъ отнюдъ блистательныхъ достоинствъ, но будутъ казаться какъ бы мертвыми и вовсе несуществующими (6). А по сему свойство не знаю что такое есть не пустая наружность и не такая сущность, которая бы не была сопряжена съ основаніемъ или существомъ самой вещи, но оно есть столь дѣятельно и сильно, что дѣлаетъ человѣка отмѣннымъ отъ всѣхъ ему подобныхъ и равныхъ.

И въ самомъ дѣлѣ когда свойство не знаю что такое есть пріятность и прелесть, какъ уже о томъ сказано выше, то можетъ оно находиться въ искусныхъ политикахъ, равно какъ и въ мужественныхъ Ироахъ. Въ военачальникѣ познается оное не знаю что по какой-то неустрашимости, поселяющей бодрость и живость въ солдатахъ; а въ Монархѣ, сидящемъ на престолѣ, является оно не знаю по какой-то величественнѣйшей осанкѣ, вперяющей въ наши сердца почтеніе и благоговѣніе (7). Первой оказываетъ сіе качество на ратномъ полѣ, будучи

дучи ополченъ мужествомъ, приличнымъ храброму воину; а другой, блистая въ порфирѣ, и сидя на великолѣпномъ тронѣ, изъявляетъ оное чрезъ доставленіе подданнымъ тишины и спокойствія. Я не нахожу достаточныхъ словъ, могущихъ справедливо оцѣнить свойство не знаю что такое, находившееся въ непоколебимой храбрости Фердинанда д'Авалоса Маркиза де Пескера, соперника Алкидова, одержавшаго преславную побѣду на незабвенномъ сраженіи при городѣ Павіи (8). Да сіе же качество духа усматривается и во Французскомъ Тезеѣ Генрихѣ Четвертомъ. Оно служило ему, чинившему завоеванія въ собственномъ своемъ государствѣ, золотою нитью, по которой онъ вышелъ изъ лабиринта гораздо запутаннѣйшаго, нежели въ какомъ находился Дедалъ.

Сущность называемаго не знаю что такое входитъ во всѣ дѣла, придавая имъ большую цѣну и достоинства, не имѣя само по себѣ ни въ чемъ ни малѣйшей нужды. Оно является въ политикѣ, въ свободныхъ наукахъ, въ краснорѣчіи, стихотворствѣ, въ торговлѣ, и наконецъ и въ самомъ низкомъ состояніи людей, равно какъ и въ самыхъ высокихъ и важныхъ чинахъ и должностяхъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) О свойствѣ, называемомъ не знаю что такое, необходимо нужномъ Ирою.

Мы очень часто употребляемъ слова, не знаю что такое, на примѣръ въ разговорахъ о превосходныхъ и изящныхъ вещахъ, природою или искусствомъ произведенныхъ, или о такихъ, которыхъ мы доброты по причинѣ ощущаемой нами въ нихъ отмѣнитости никоимъ образомъ словами не можемъ изъяснить. На каждомъ языкѣ выражается ими нѣчто великое, отмѣнно благородное, великолѣпное и величественное, а особливо въ такомъ степени совершенство, кое насъ трогаетъ, занимаетъ, и обращаетъ на себя наше вниманіе.

(2) Свойство, не знаю что такое, показывается намъ въ прелестномъ и столько же ощутительномъ, сколько и въ неизъяснимомъ изображеніи.

Стеченіе многихъ онаго не знаю что такое частей нахожу я въ характерѣ Лудовика Великаго, описанномъ Патеромъ Бугурсомъ. Тѣ, кои имѣли честь говорить вольнѣе другихъ съ великимъ нашимъ Монархомъ, говоритъ онъ, никогда не могли надивиться чистотѣ слога и пріятности словъ, съ каковыми выражалъ онъ всегда свои мысли. Они были наполнены отборными реченіями, однакожъ ненарочно вымышленными, но просты и естественны и тотчасъ выливающіяся изъ его устъ. Даже и въ откровеннѣйшихъ съ друзьями разговорахъ не слыхалъ никто ни единаго слова, которое бы не заключало въ себѣ

не знаю чего-то величественнаго. Онъ говорилъ какъ Государь мудрый, просвѣщенный и наблюдающій всякую благопристойность; въ самомъ произношеніи его словъ и въ голосѣ показывалося не знаю что-то отличное, возбуждающее къ нему во всѣхъ высокопочитаніе. А понеже благоразуміе было главнѣйшимъ правиломъ, коему онъ слѣдовалъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и дѣяніяхъ, то никогда и ничего и не говаривалъ безполезнаго и пустаго. А въ его точныхъ, короткихъ и скорыхъ отвѣтахъ, которые давалъ онъ Посламъ и подданнымъ своимъ, заключалось нѣчто мудрое и такое, чему удивлялись всѣ придворные. А по сему и былъ онъ въ своемъ вѣкѣ тоже, что Августъ въ свое время. Между прочими же свойствами, коими Лудовикъ походилъ на Августа, есть его краснорѣчіе, въ которомъ столько былъ онъ искусенъ, что едва ли въ сравненіи съ нимъ успѣвалъ въ томъ и наилучшій Ораторъ.

(3) *Слово не знаю что было до сихъ поръ въ независимости отъ всякаго искусства и отъ всѣхъ правилъ.*

Кавалеръ М. умствуетъ о свойствѣ не знаю что такое, слѣдующимъ образомъ: Молодой Принцъ, говоритъ онъ, воспитываемый разумными и добродѣтельными людьми, перенимаетъ у нихъ нечувствительнымъ образомъ всѣ ихъ привычки, которыя послѣ дѣлаются въ немъ какъ будто природными. Чего ради и надобно стараться, чтобы учители его были люди обширнаго ума и весьма добраго сердца. Надлежитъ болѣе всего пріучать молодаго Принца

къ дѣятельности и ловкости въ прiемахъ. Ибо они придаютъ молодому человѣку не знаю какую-то живность, которой нигдѣ научиться не можно.

(4) *Всякой употребляетъ слово не знаю, что, по своему разсужденiю и вкусу.*

Изъ всѣхъ Авторовъ, писавшихъ о сей матерiи, Кавалеръ де М. объяснилъ ее наилучшимъ образомъ. Удивительно, говоритъ онъ, что люди всегда стараются говорить острыми, отборными и забавными словами, не понимая того, что способъ говорить просто, вольно и открыто есть гораздо прiятнѣе и пристойнѣе, нежели замысловатой и пышной слогъ, да притворной. Въ разговорахъ не должно надмѣнничать, но надобно во всякомъ случаѣ остерегаться надутливости, которая нечувствительно и непримѣтно причиняетъ не знаю что-то противное и отвратительное. . . . Многiе привыкли вмѣшивать въ свои разговоры незнаю что-то колкое, и ищутъ всегда непримѣтнымъ образомъ смѣяться на щетъ другихъ, но сiе весьма непристойно. Хорошо, естьли бы прiучали молодаго человѣка къ вольнымъ и ласковымъ разговорамъ, чрезъ которые мы всѣ дѣлаемся любезными. Въ умѣ молодаго Принца надобно посѣять такую прiятность, которая бы превосходила всякое искусство, отъ учителей и наукъ прiобрѣтаемое. Сiе дарованiе, какъ я себѣ его представляю, состоитъ не знаю въ какомъ-то особенномъ остроумiи и прiятной ласковости, творящей человѣка въ обхожденiи весьма блистательнымъ. Прiятную же оную лов-

кость, или деликатность, хотя мы примѣчаемъ и видимъ, однакожъ чувствуемъ больше, а словами никоимъ образомъ изъяснить ее нельзя.

(5) *Одни видятъ не знаю что-то въ человѣкѣ, а другiе вовсе въ немъ же не замѣчаютъ того.*

Это весьма удивительно, что одинъ и тотъ же человѣкъ не знаю почему мнѣ кажется противенъ, а другому милъ и прiятенъ. Патеръ Бугурсъ говоритъ, что сiе происходитъ отъ разности качествъ и расположенiй человѣческихъ. Склонность же, которую мы чувствуемъ къ людямъ, называется Симпатiею, а отвращенiе ощущаемое къ другому именуется Антипатiею... Иногда не знаю что-то такое занимаетъ весь нашъ умъ, и прежде нежели мы о томъ размыслимъ, привлекаетъ насъ къ себѣ противъ нашего чаянiя, производя особенное внутри насъ движенiе, которое ускоряетъ и предваряетъ всѣ наши разсужденiя. Извѣстно, что мы въ состоянiи удержать и уничтожить стремительное сiе движенiе, но воспрепятствовать начальному его влеченiю почти никакъ не возможно. Мы начинаемъ кого нибудь ненавидѣть, или любить, такъ скоро и мгновенно, что и самъ разумъ не успѣваетъ примѣтить побудительной къ тому причины. Наше сердце еще совсѣмъ не вѣдаетъ того предмета, которой уже мы полюбили, и имѣемъ къ нему приверженность.

(6)

(6) *Безъ не знаю что, чтобъ такое ни было, не можетъ казаться отмѣннымъ.*

Сколько бы кто ни былъ, говоритъ Бугурсъ, пригожъ и остроуменъ, и сколько бы ни показывалъ въ себѣ веселой, или и кроткой нравъ, но однако всѣ сіи добрыя качества останутся недѣйствительными, и ни мало не будутъ трогать другихъ людей, ежели въ нихъ не будетъ заключаться не знаю какой-то особенной пріятности.

(7) *Въ Монархѣ сидящемъ на престолѣ является не знаю что-то величественное.*

Особы высокаго происхожденія, продолжаетъ Патеръ Бугурсъ, имѣютъ обыкновенно на лицѣ своемъ не знаю что-то благородное и величественное. Одинъ ихъ взглядъ возбуждаетъ въ нимъ во всѣхъ людяхъ почтеніе и нѣкоторую приверженность, и дѣлаетъ ихъ отмѣнными и видными. Сею наружностію величества, начертаваемою, какъ кажется, самымъ небомъ на челахъ великихъ Государей, отличался наиболѣе Лудовикъ XIV. Во всей его осанкѣ показывалася не знаю какая-то величавость, которая столько отличала его отъ прочихъ людей, что и невидавшій его иностранецъ удобно могъ признавать въ немъ Государя безъ всякаго увѣдомленія.

(8) *Въ храбрости Фердинанда д'Азалоса Маркиза де Пескеръ находилось нѣчто величественное.*

Францискъ I, находясь послѣ баталіи, происходившей при Павіѣ, въ домѣ Намѣстника сего города, былъ посѣщенъ Маркизомъ де Пескеромъ, наряженнымъ въ такое платье, которое чрезвычайно Королю понравилось. Ибо

сей вельможа, вмѣсто того, чтобы прїѣхать къ сему Государю въ пребогатомъ уборѣ, предсталъ предъ него, яко предъ племянника, въ черномъ кафтанѣ, показывая чрезъ то свою печаль, которую онъ чувствовалъ по причинѣ нещастнаго съ Францискомъ приключенїя. Самый его разговоръ соотвѣтствовалъ его платью, такъ что Францискъ, обнявъ его дружескимъ образомъ и посадивъ близъ себя, возхвалялъ оказанныя имъ на той баталїи отечеству услуги, и между прочимъ разсказывалъ ему о неучтивости Императора Карла V, которой содержалъ его въ плѣну съ немалою строгостїю. Маркизъ же, увѣривъ его, что съ нимъ скоро будутъ обходиться подружески, прибавилъ въ увѣренїямъ своимъ и слѣдующїя слова: естьли же паче чаянїя, говорилъ онъ, будетъ Императоръ поступать съ вами худо, то изволте выговорить ему въ глаза за причиняемое вамъ оскорбленїе и вѣрьте, что есть еще люди, имѣющїе отвагу напомнить Его Величеству о томъ, чтобъ поступалъ онъ съ вами поснисходителнѣе нынѣшняго. Такимъ образомъ не подалъ ли сей Маркизъ плѣнному и находящемуся въ нещастїяхъ Государю великую отраду и утѣшенїе? Признаться надобно, что таковой поступокъ заключаетъ въ себѣ въ самомъ дѣлѣ не знаю что-то величественное и великодушное, чего я изъяснить и растолковать не въ состоянїи.

ГЛА-

ГЛАВА XIV.

О природномъ превосходствѣ, состоящемъ въ повелительности всѣми.

Природное сіе превосходство есть такое совершенство, которое не иначе различается отъ прочихъ изящныхъ качествъ, какъ съ превеликою съ нашей стороны трудностію. Мы весьма бы скоро согласилися почитать оное пустою мечтою, или произведеніемъ слишкомъ разгоряченнаго воображенія, естьли бы здравыя и опытами утвержденныя размышленія человѣкоиспытателей не оправдывали прямаго въ насъ существованія сего отмѣнитаго свойства. Внимательные и глубокіе умы, упражняющіеся въ разбирательствѣ и познаніи качествъ человѣчества, давно уже примѣтили, что въ нѣкоторыхъ особахъ, не имѣющихъ проворства уговорчивости, ни особенной власти, сопряженной съ знаменитыми чинами, находится нѣкое впечатлѣнное къ владычеству надъ другими расположеніе, и природная нѣкая къ повелительству способность, вперяющая въ другихъ не знаю какую-то къ нимъ преданность, и вынуждающая отъ всѣхъ безпосредственно почтеніе и къ себѣ покорность (1). Предъ такими-то особами молчатъ дерзновеннѣйшіе люди, и чинятъ имъ безотговорочное повиновеніе. Юлій Цесарь, попавшись въ руки островскихъ морскихъ раз-

разбойниковъ, учинившихся чрезъ то совершенными распорядителями его участи, вмѣсто того, чтобы имъ повиноваться, принялъ на себя видъ повелителя и Государя. Препоручивъ себя въ полную судьбы своей волю, начинаетъ онъ управлять ими такъ, какъ наемниками, и его приказанія исполняются такими людьми, у которыхъ онъ находился совершеннымъ плѣнникомъ (2). Со стороны взирающему на сей поступокъ не показался бы Цесарь конечно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ тогда въ самомъ дѣлѣ; ибо разбойники все то исполняли точно, что онъ повелительнымъ образомъ ни приказывалъ имъ. Отъ чегожъ все сіе происходило? Отъ того, что на челѣ его начертана была отъ самой природы сила такого властоначалія, посредствомъ котораго владычествовалъ и обладалъ онъ всѣми сердцами.

Такой человѣкъ, какого я здѣсь описываю и какого я себѣ представляю, произведетъ однимъ взглядомъ и однимъ своимъ словомъ несравненно болѣе, нежели другой всею убѣдительностію своего краснорѣчія (3). Когда онъ говоритъ, то разсужденія его не столько плѣняютъ и уловляютъ человѣческіе умы, сколько покоряютъ ихъ его власти; поелику всѣ его слова и предложенія происходятъ отъ твердаго, неустрашимаго и такого духа, которой склоненъ скорѣе давать повелѣнія, нежели выдумывать увѣрительь-

тельные доводы. Убѣжденія Оратора конечно сдѣлаютъ менѣе впечатлѣнія въ простомъ народѣ, нежели отличная величавость и важная осанка великаго человѣка. Его начальству покаряется какъ разумъ, такъ и воля самаго надменнѣйшаго по сокровеннымъ и неизвѣстнымъ причинамъ ему и самому (4). Такой характеръ весьма сходенъ съ свойствами льва, раждающагося съ преимущественными силами противъ всѣхъ прочихъ звѣрей. Всѣ безсловесныя животныя по нѣкоторому врожденному имъ впечатлѣнію признаютъ его Царемъ своимъ безъ всякаго испытанія его силъ и мужества, да и отдаютъ ему по своему манеру надлежащее всегда почтеніе. Подобнымъ образомъ и Ирои такіе, о какихъ я здѣсь говорю, вкрадываясь въ любовь народа, вынуждаютъ себѣ повиновеніе, прежде нежели другіе узнаютъ ихъ могущество, и то, чего они въ самой вещи стоятъ. Но ежели съ симъ даромъ природы будетъ еще соединенъ великій умъ, то въ такомъ случаѣ можно уже прямо сказать, что человѣкъ, обладающій сими качествами, имѣетъ всѣ тѣ способности, которыя требуются для управленія обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства, и кои нужны для исполненія высокаго и важнаго въ свѣтѣ. Почему и должно быть природное сіе превосходство главнѣйшимъ качествомъ тѣхъ особъ, которые по высокому своему по-

колѣнію опредѣлены со временемъ восходить на престолъ знаменитыхъ своихъ предковъ. Фердинандъ Алварецъ де Толедо, помоществуемъ симъ природнымъ превосходствомъ, сдѣлался надъ войскомъ, состоявшимъ подъ его командою, столь самовластнымъ, что едва ли быть можетъ таковымъ безъ сего качества и самодержавнѣйшій Государь надъ своимъ народомъ, то есть, что самые его подданные не могутъ оказывать ему столько добровольнаго послушанія, сколько оказывали онаго Алварецу его только что подкомандные (5). А хотя Алварецъ и дослужился до весьма высокихъ чиновъ, и состояніемъ своимъ былъ доволенъ, но судя по такимъ его способностямъ, можно навѣрное сказать, что онъ былъ достоинъ не только всѣхъ тѣхъ отличностей, коими былъ увѣнчанъ, но и самаго Царскаго сана; ибо всѣ его слова и разговоры были преисполнены такою природною повелительностію, которой ослушаться никому было не можно, да никто и не отваживался.

Впрочемъ между симъ совершенствомъ и между пріобрѣтенною важностію и надменною повелительностію есть превеликая разность (6). Сколько бы кто какъ то, такъ и другое естественнымъ и природнымъ показывать въ себѣ ни старался, однакожъ качества сіи будучи притворныя останутся во всѣхъ предпріятіяхъ гораздо безуспѣшными и

гораздо менѣе принесутъ пользы природныхъ, да и дѣлаются они или всѣмъ смѣшными или скучными, а наконецъ несносными и отвратительными. Недостатокъ же, или прямѣе сказать порокъ, наиболѣе противополагаемый природному оному превосходству, есть излишняя къ самому себѣ недовѣрчивость (7). Поелику же недовѣрчивость производитъ чрезмѣрную боязливость, боязливость же раждаетъ застѣнчивость, а сія послѣдняя навлекаетъ отъ всѣхъ зазрѣніе: то и не могу я при семъ случаѣ не привести прекраснаго Катонова наставленія, повелѣвающаго намъ быть лучше мужественными и смѣлыми, нежели застѣнчивыми и боязливыми. Человѣкъ, говоритъ сей мудрецъ, долженъ безпрестанно содержать въ почтеніи самаго себя, то есть давать надъ собою разуму своему свободную и полную волю, а онъ вѣрно не оставитъ возбуждать въ немъ на всякой случай благородную и пристойную смѣлость, изгонитъ изъ души его застѣнчивость, водворитъ прямое въ ней на себя надѣяніе, и истребитъ робкую и низкую боязливость; ибо боязливость безмѣстная или застѣнчивость есть зазорна, и показываетъ собою изъ людей такихъ, кои устремивъ на низкіе предметы способности своего ума, не имѣютъ ни малѣйшаго къ самимъ себѣ уваженія, а чрезъ то и лишаются должнаго почтенія отъ всѣхъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Въ нѣкоторыхъ особахъ находится спечатлѣнное ко владычеству надъ другими расположеніе.*

Свойство бодраго и неустрашимаго духа, говоритъ Монтань, не можетъ быть лучше и живѣе представлено, какъ въ изображеніи такого человѣка, котораго умъ ни предстоящею смертію, ниже страшными мученіями поколебаться и ни въ какой ужасъ притти не можетъ. Отважной человѣкъ не оказываетъ малодушія и робости какъ на страшномъ боевомъ полѣ, такъ и въ претрудныхъ кабинетскихъ рѣшеніяхъ. Но никто, кажется, изъ Ироевъ не явилъ толикой неустрашимости, какъ Сципіонъ, призванный въ Африку Королемъ Сифаксомъ, для избавленія его отъ предстоящей ему погибели. Онъ, оставивъ всю свою армію, и удалившись отъ Испаніи, покореніе которой казалось еще весьма сомнительнымъ, поѣхалъ въ Африку на двухъ маловооруженныхъ корабляхъ къ оному Нумидскому Царю. Не знавъ его совѣсти, не имѣя до того времени никакого съ нимъ обязательства и связи, не взявъ отъ него никакихъ за себя аманатовъ, и будучи ободряемъ только величіемъ и твердостію собственнаго духа, небоязненно предалъ онъ себя въ руки и во власть сильнаго варварскаго Короля и великаго Римлянамъ непріятеля, къ которому бы другой не согласился ѣхать ни за какія сокровища. Вотъ примѣръ неслыханной и рѣдкой неустрашимости.

(2)

(2) *Юлій Цесарь повелѣваетъ тѣми, у коихъ находился въ плѣну, и его приказы исполняются.*

Король Французскій Лудовикъ IX, называемой Святымъ, попавшись нѣкогда отъ безразсудной горячности одного изъ своихъ Полководцовъ въ плѣнъ звѣрскихъ Турокъ, и видя, что они стрегутъ его весьма крѣпко, и поступаютъ съ нимъ нагло и невѣжливо, принялъ на себя смѣлый и неустрашимый видъ. А понеже жестокость сихъ варваровъ не уступала безчеловѣчію островскихъ морскихъ разбойниковъ, въ рукахъ которыхъ находился нѣкогда Юлій Цесарь, и притомъ смертная Магометанъ къ Христіанамъ ненависть угрожала ему безпрестанно петлею, то горькая Короля участь конечно не была лучше Цесаревой. Сверьхъ же сего онъ былъ боленъ и весьма слабъ; однако на все то не смотря, сохранилъ онъ такую повелительную и величественную осанку, которая возродила въ караульныхъ толикое къ особѣ его почтеніе, что они, разговаривая о немъ между собою, признавались, что поступаетъ онъ съ ними не такъ какъ плѣнникъ, но какъ командиръ.

(3) *Иной человѣкъ однимъ словомъ сдѣлаетъ больше, нежели другой цѣлою прекрасною рѣчью.*

Филиппъ II, Испанской Король, имѣлъ отъ природы въ высочайшей степени даръ повелительности. Въ разныя времена съ важнымъ и суровымъ видомъ сдѣланные выговоры тремъ Испанскимъ вельможамъ поразили ихъ такъ, что всѣ они скоро отъ того померли. Въ число же оныхъ вельможъ полагають перваго

Кар-

Кардинала и Министра Испанскаго Эспинозу. Сей великой мужъ, будучи подобенъ по должности и по сану Кардиналу Ришелье, столько былъ гордъ и надмененъ, что предъ нимъ трепеталъ, такъ сказать, весь Испанскій Дворъ. Привыкши повелѣвать своимъ Государемъ, а не совѣты ему давать, получилъ отъ Филиппа слѣдующій краткой выговоръ: Кардиналъ! вспомните, что первымъ здѣсь не вы, но вашъ Государь. Эспиноза, будучи пораженъ сими словами такъ какъ громовымъ ударомъ, едва могъ устоять на ногахъ предъ Филиппомъ, и пріѣхавши домой, занемогъ жестокою болѣзнію, отъ которой чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Другой вельможа былъ Донъ Антоніо де Падилла, Президентъ совѣта военныхъ орденовъ. Король, посмотрѣвъ на него съ нѣкоторымъ негодованіемъ, сказалъ ему только сіи слова: Подумайте о сдѣланномъ вами проступкѣ. Сія рѣчь такъ тронула Министра, что онъ едва лишъ успѣлъ увидѣться съ своею фамиліею, какъ и окончилъ жизнь свою въ тотъ же самый день. Третій вельможа, о имени коего Исторія умалчиваетъ, былъ также изъ числа первѣйшихъ при Дворѣ. Филиппъ хотѣлъ отъ него узнать объ одномъ дѣлѣ, которое Министръ всемѣрно старался отъ Короля таить; чего ради и доносилъ объ ономъ ему совсѣмъ не такъ, какъ оно было въ самомъ существѣ. Но Король, примѣтя его ложь, сказалъ наконецъ ему такъ: Вы уже начали меня и обманывать? Министръ, вышедши отъ него, почувствовалъ ужасное стѣсненіе сердца, которое послѣ служило причиною прекращенія его жизни.

(4)

(4) *Отличной величавости покаряется какъ разумъ, такъ и воля самаго надменнѣйшаго.*

Когда возстали, говоритъ Монтань, и взбунтовались легіоны, то Цесарь представилъ имъ величественной только свой видъ, гордые и грозные взгляды, а сею неустрашимостію тотчасъ укротились бунтующія волны, и начали отдавать ему опять прежнее повиновеніе. Бребефъ сію Цесареву неустрашимость описываетъ такъ: Примѣрнымъ мужествомъ разитъ и низлагаетъ кичливыя сердца, и показывая имъ на ожесточенномъ челѣ своемъ надежду, бодрость и твердость духа, приводитъ въ превеликой страхъ и ужасъ тѣхъ самыхъ, которые хотѣли его повергнуть въ боязнь. Цесарь, отъ гнѣва изнемогшія свои силы собравъ, говорилъ къ своимъ воинамъ такъ: Начинщики дерзской измѣны! вотъ грудь моя, разите ее, и ежели вы хотите безвременно прекратить мои труды, естьли вы не желаете болѣе себя въ свѣтѣ прославить, и чувствуете усталость отъ многихъ побѣдъ, то удалитесь отъ моего стана, спѣшите слабые трусы въ свои домы, и предавайтесь тамъ поносной лѣности и праздности. На такой степени щастія и славы, на которой вы видите меня поставленнымъ, ничто для меня нестрашно. Чрезъ ваше бѣгство очистится армія моя отъ подлыхъ и трусливыхъ только душъ, и дополнится потомъ людьми гораздо васъ достойнѣйшими. А того вы и въ умъ себѣ не берите, чтобы вашимъ побѣгомъ остановилось теченіе моихъ завоеваній. Нѣтъ! мое оружіе всюду будетъ карать непріятелей Рима. Судьба безсмертныхъ боговъ, располагая нашими дѣлами, избираетъ для меня лучшихъ и неустрашимѣйшихъ

шихъ воиновъ. Всѣ было возстали тогда противъ Цесаря, продолжаетъ стихотворецъ, и бунтъ сдѣлался почти всеобщїй и такой, что мятежники уповали въ тотъ же часъ умертвить сего своего предводителя; но приведенные силою его повелительности въ великїй ужасъ обращаются опять къ послушанїю; а Цесарь, примѣтивъ такую щастливую во всѣхъ перемѣну, тотчасъ приказываетъ Трибунамъ вступать по прежнему въ свои мѣста, повелѣваетъ схватить заводчиковъ бунта, и опредѣляетъ соразмѣрную казнь ихъ преступленїю, и такимъ образомъ усмиривъ всѣхъ, возстановляетъ въ армїи прежнюю тишину и спокойствїе.

Александръ, жившїй задолго до Юлїя Цесаря, сдѣлалъ тоже самое, когда сговорились было Македоняне его оставить. Ступайте трусы, говорилъ онъ имъ, ступайте неблагодарные, и возвѣстите въ отечествѣ вашемъ, что вы оставили Александра съ одними его друзьями, не желая болѣе съ нимъ трудиться о прославленїи Грецїи. Великїй Конде всегда удивлялся отмѣнной той смѣлости, каковую тогда показалъ въ себѣ Александръ Великїй. Твердое его на себя надѣянїе, оказанное въ столь опасныхъ обстоятельствахъ, заставляло его навсегда отзываться объ ономъ такъ: Александръ, говаривалъ сей Ирой, будучи оставляемъ отъ всѣхъ своихъ воиновъ, находясь среди варварскихъ народовъ, едва лишь только имъ покоренныхъ, почиталъ себя столь достойнымъ повелѣвать въ свѣтѣ всѣми народами, что никакъ не могъ тому повѣрить, чтобъ кто нибудь захотѣлъ его ослушаться.

Осо-

Особеннаго свойства примѣчается въ Александрѣ природное его повелительство и величїе духа, которое показывалъ онъ во всѣхъ опасныхъ и чрезвычайныхъ приключенїяхъ. Подобенъ же сему въ томъ, говоритъ Сентъ-Эвремонтъ, и Принцъ Конде; онъ былъ самый горячїй воинъ и прямо неустрашимый Ирой во всѣхъ сраженїяхъ; однакожъ во время самаго жестокаго боя умѣлъ онъ наилучшимъ образомъ управлять собою и своею армїею. А сїе доказывается больше всего данными имъ баталїями при Фрибургѣ, Норлингѣ и Сенефѣ, гдѣ присутствующїй его духъ не оставлялъ его ни на минуту, равно какъ и во время кабинетскихъ совѣтованїй при Дворѣ.

(5) *Фердинандъ Алварецъ де Толедо сдѣлался надъ войскомъ столь самовластнымъ, сколько таковымъ и самодержавнѣйшїй Государь не могъ бы быть.*

Характеръ Принца Конде изображается писателями слѣдующею загадкою: Сердце мое такоежъ, какова моя и природа. Въ глазахъ моихъ всегда блистаетъ живой огонь. Я вѣренъ, постоянен, твердъ, скоръ, пышенъ, щедръ и трудолюбивъ; съ славою моею едва ли могутъ сравняться знатнѣйшїя дѣла всѣхъ Ироевъ, до меня бывшихъ на свѣтѣ, и мои подвиги не достойны ли быть описаны наилучшими Историками? Естьли же я не имѣлъ короны, то причиною сего было только то, что фортуна даритъ оною людей иногда и безъ всякаго ихъ разбора, а потому былъ я доволенъ и тѣмъ, что всѣ признавали меня оной достойнымъ.

(6)

(б) *Между прiобрѣтеннымъ властоначалiемъ и природнымъ есть не малая разность.*

Г. Брюiеръ представляетъ два притворные характера, изъ коихъ первый описывается имъ сими выраженiями: Господинъ N. говоритъ онъ, имѣетъ у себя сильнаго, грубаго и подобнаго Швейцару приворотника. Въ прихожихъ и переднихъ его комнатахъ бываетъ великое множество людей, провождающихъ время въ скукѣ и во всегдашнемъ мученiи. Они стоятъ, ходятъ, ожидаютъ господина дома, не говоря между собою ни слова, и повѣся головы, смотрятъ только въ молчанiи одинъ на другаго, какъ вдругъ отворяются двери, и размѣрными шагами входитъ знатной господинъ. Онъ разспросивъ немногихъ, уходитъ опять во внутреннiя свои комнаты. Правда, что онъ великой вельможа, однако даетъ всѣмъ о себѣ знать, что ему дѣлаютъ посѣщенiе Графы, Маркизы, Бароны и проч.

Тимонъ, имѣя свѣжiй и живой цвѣтъ лица, щоки полныя, взглядъ твердой и надежной, широкiя плеча, брюхо толстое, походку важную, ходитъ мѣрными шагами, говоритъ о всемъ увѣрительно, любитъ слушать только тогда, когда повторяютъ имъ сказанное, и кромѣ своего посредственнаго вкуса ни чего не хвалитъ. Будучи привыченъ утираться большимъ платкомъ, (которой вынимая изъ кармана, разширяетъ во все полотнище) чиститъ онымъ носъ съ великимъ шумомъ, плюетъ жеманно, харкаетъ слишкомъ громко, спитъ болѣе въ день, а ночь проводитъ въ игрѣ и на балахъ, гдѣ часто дремлетъ и засыпаетъ иногда и за столомъ. Садится всѣхъ

выше, и ходитъ всегда такъ, чтобы всякой его шагъ былъ измѣренъ. Прерывая разговоры другихъ, начинаетъ говорить кстати и не кстати, и заставляетъ компанію слушать и вѣрить однимъ его бреднямъ. Такіе принужденные и притворные характеры могутъ ли кому нибудь понравиться, или быть пріятными?

(7) *Порокъ, противополагаемый природному властоначалію, есть излишняя къ самому себѣ недовѣрчивость.*

Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ, говоритъ Монтань, случилось мнѣ видѣть слѣдующее приключеніе: Комендантъ одного большаго города, услыша происходящій въ городѣ бунтъ, бросился въ кучу мятежниковъ въ той надеждѣ, что укротитъ ихъ бѣшенство самымъ легкимъ средствомъ, то есть, дѣлая все по ихъ желанію, и ни въ чемъ имъ не сопротивляяся. Онъ думалъ, что прозьбою и убѣжденіями можно удобнѣе, нежели приказаніями и воспященіями успокоить буйныя головы. Но отъ разъярившейся черни, яко отъ бѣшенаго нѣкоего чудовища, льзя ли было ожидать человѣчества, тихости, снисхожденія и послушанія? Она боится только одной строгости, власти и силы. Но сей начальникъ, бросившись безъ всякаго оружія въ волнующуюся пучину и не успѣвши укротить вдругъ бурю, столько испужался, что отъ страха пошла у него изъ носу кровь, за чемъ и принужденъ былъ перестать кричать и говорить; а видя же себя въ неминуемой отъ того опасности, вздумалъ было бѣгствомъ спасаться, но сею трусостію своею возбудилъ въ бунтующихъ

такую наглость, что они безбоязненно на томъ же мѣстѣ его умертвили.

Комендантъ сей приступилъ конечно къ дѣлу храбро и отважно, но понеже не имѣлъ онъ въ себѣ природнаго дара повелительности (котораго самъ себѣ никто не можетъ придать, за тѣмъ что это есть даръ природы, а не искусства), то и неудивительно, что онъ сдѣлался нещасгною жертвою безразсудной опрометчивости своей.

Свойство природной повелительности происходитъ наиболѣе отъ тайнаго нѣкоего и неизвѣстнаго на самаго себя надѣянія, придающаго Ирою столь важную и величественную наружность, что люди съ перваго на оную взгляда начинаютъ ему повиноваться безъ всякаго прекословія. Сверьхъ сего я думаю, что слѣпое, такъ сказать, и скороспѣшное повиновеніе раждается въ насъ къ великому человѣку больше отъ того, что мы родимся и возрастаемъ подъ властію, и привыкли повиноваться оной безъ всякаго прекословія, да и дѣлать послушаніе знаменитымъ и вышшимъ насъ людямъ.

ГЛА-

ГЛАВА XV.

Ирою надлежитъ возобновлять отъ времени до времени пріобрѣтенную о себѣ добрую славу (1).

Первыя предпріятія и первые опыты во всякомъ дѣлѣ и художествѣ суть какъ бы нѣкоторые образцы, выставляемые на показаніе публикѣ, дабы могла она по онымъ доброту и посредство ихъ узнавать и судить объ нихъ съ надлежащею справедливостію (2). Ежели начала какого предпріятія будутъ посредственны, то послѣ едва ли онѣ могутъ быть возвышены въ своей цѣнѣ, и подать превосходное о себѣ мнѣніе. Чтожъ касается до худыхъ началъ, то объ нихъ и говорить здѣсь нечего; ибо онѣ суть такого свойства, что и въ послѣдствіи времени никакое усиліе и никакой успѣхъ не въ состояніи оныхъ поправить. Сколько тогда ни прилагай о томъ стараній, но всѣ будутъ тщетны, такъ какъ плаваніе, предпринимаемое противъ вѣтра или теченія воды. Щастливыяжъ напротивъ того начала приносятъ всегда сугубую выгоду (3), т. е. придаютъ великую цѣну нашимъ достоинствамъ, и служатъ имъ предохраненіемъ отъ всякаго непріязненнаго слуха. Публика, принявъ объ насъ одинъ разъ хорошее мнѣніе, и признавъ насъ сначала добрыми и честными людьми, нескоро потеряетъ къ намъ

свое почитаніе: такЪ какЪ нескоро перемѢняетЪ она и худыя мысли, взятыя о насЪ при началѢ вступленія нашего вЪ какую ни есть важную должность. Первая худая слава пронесшаяся дѢлаетЪ весьма сильное и такое впечатлѢніе вЪ людяхЪ, что послѢ всегда они подозрѣваютЪ добрые обЪ насЪ слухи, и не вѢрятЪ никакимЪ подтвердительнымЪ извѢстіямЪ о нашей добротѢ. Худая слава подобна неизлѢчимому раку, коего не льзя никоимЪ образомЪ безЪ того изгнать, чтобЪ не остался на томЪ мѢстѢ, гдѢ онЪ укоренился, какой либо знакЪ. ПроступокЪ, каковЪ бы малЪ ни былЪ, не прежде заглаживается и предается забвенію, какЪ по прошествіи многихЪ лѢтЪ. Это такой сильной ударЪ, отЪ коего одинЪ разЪ упавши, едва ли востанешь и оправишься во всю свою жизнь.

Чего ради и требуется, чтобы перво-учиненный Ироя вЪ свѢтѢ поступокЪ могЪ неминуемо тронуть народЪ и заслужить отЪ него благоволеніе и похвалу; и поелику онЪ подаетЪ рѢшительное мнѢніе, или по крайней мѢрѢ увѢрительный знакЪ о будущихЪ нашихЪ услугахЪ, то и надлежитЪ сколько можно стараться о томЪ, чтобЪ при самомЪ вступленіи вЪ публику показаться достойнымЪ ея вниманія. Это же совсѢмЪ ненатурально, чтобы обыкновенное и маловажное дѢло могло когда нибудь возвести Ироя на верьхЪ чрезвычайной и громкой славы. КакЪ

кар-

карлѣ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не льзя сдѣлаться великаномъ, такъ и бездѣлица не можетъ возбудить къ себѣ вниманія ни въ какомъ человѣкѣ. Когда же добрыя начала признаются залогомъ будущихъ достоинствъ, то первые въ оныхъ опыты и должны быть въ глазахъ всѣхъ превосходными и наилучшими (4).

Едва лишь знаменитый Графъ де Фуентесъ показался на ратномъ полѣ (5), то въ тотъ же часъ и явилъ онъ въ себѣ отличные знаки великаго иройскаго духа, и подобно дневному свѣтилу, изливающему при самомъ своемъ восхожденіи свѣтъ свой по всей вселенной, заставилъ онъ публику дивиться такимъ предпріятіямъ, коими не постыдно бы было похвалиться старому и искусному Генералу. А хотя воинскому искусству ни у какого Полководца онъ и не учился, однако въ самый первый день, когда возложилъ на себя кирасъ, началъ поступать такъ, какъ старой солдатъ и опытнѣйшій воинъ. А какъ его искусство соотвѣтствовало чрезвычайной храбрости, то онъ въ противность совѣтамъ и мнѣніямъ главнѣйшихъ армейскихъ Офицеровъ осадилъ городъ Камбре, и въ непродолжительномъ времени сдѣлался онаго обладателемъ. А сія скорая побѣда и заставила тогда говорить о немъ такъ, что Фуентесъ показалъ себя

Ироемъ прежде, нежели былъ солдатомъ. Какое твердое и незыблемое положилъ онъ чрезъ то основаніе своимъ достоинствамъ, и сколь важную и великую подалъ надежду о последующихъ своихъ подвигахъ! Люди, которые умствуютъ и судятъ о происшествіяхъ по единой политикѣ, имѣли можетъ быть еще въ то время о немъ не очень высокія мысли, но тѣ, коимъ препоручено отправленіе важныхъ и великихъ общественныхъ дѣлъ, вѣдая, что трудность въ исполненіи не иначе преодолѣвается, какъ чрезъ употребленіе безчисленныхъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію неожиданныхъ препятствій, несказанно удивлялись какъ искусству и расторопности Фуентесовой, такъ наипаче и скорому его завоеванію (6). Да какъ бы то ни было, а я это принимаю за несомнѣнное правило, что хотящему получить достоинство иройства надлежитъ непремѣнно въ самомъ началѣ прославить себя чѣмъ нибудь великимъ и громкимъ. Кедръ выраставтъ въ одну утреннюю зорю выше, нежели иссопъ въ цѣлое лѣто; потому что первый вбираетъ въ себя болѣе произрастительныхъ соковъ, нежели послѣдній. Тожъ самое можно сказать и о доброй славѣ; она по причинѣ добрыхъ и чрезвычайныхъ началъ возрастаетъ всегда въ короткое время. Истинныя заслуги и прямыя достоинства едва лишь сдѣлаются извѣстными обществу, топ-

часъ

часъ слава объ оныхъ разносится во всѣхъ краяхъ свѣта.

Но между тѣмъ еще того недовольно, чтобы умѣть великимъ и громкимъ прославить себя при вступленіи въ важную должность, а надлежитъ сохранить пріобрѣтенную славу, и стараться о томъ, чтобы простираться въ оной часъ отъ часу болѣе и далѣе (7). Неронъ началъ свое правленіе яко отецъ отечества, а продолжалъ и кончилъ его яко жестокій тираннъ. А понеже переходилъ онъ отъ одной крайности въ другую, отъ истиннаго добра въ великое зло, отъ славы въ безчестіе, а отъ добродѣтели въ самые гнусные пороки: то сія необычайная противообразность въ поведеніи одного человѣка и учинила его извергомъ человѣчества и чудовищемъ, достойнымъ всякаго отвращенія. Впрочемъ должно сказать и то, что сохранить снисканную славу чрезъ всю свою жизнь стоитъ конечно того же труда, какой требуется при первомъ ея пріобрѣтеніи; ибо слава, пріобрѣтенная хотя и величайшими заслугами, мало помалу уменьшаяся, приходитъ въ упадокъ, а наконецъ и совсѣмъ пропадаетъ. Она, подобно какъ и прочія вещи, будучи подвержена перемѣнамъ времени, изъ великой преобращается въ малую, а изъ малой переходитъ въ ничтожество. Но вы скажете можетъ быть, что слава всегда переживаетъ того

чело-

человѣка, которой пріобрѣлъ ее своею кровію, ежели онъ не лишится ее и не потеряетъ прежде своея смерти.

Между тѣмъ никто уже кажется по вышесказанному сомнѣваться въ томъ не будетъ, что возобновлять отъ времени добрую о себѣ славу, и показывать новые опыты своихъ достоинствъ, есть необходимо нужное дѣло; ибо слухъ въ разсужденіи худыхъ дѣлъ всегда распространяется скорѣе и больше, нежели въ разсужденіи добрыхъ; о добрѣ всякой старается молчать, но о дурныхъ дѣйствіяхъ всюду разносятся вѣсти, а особливо ежели кто чрезъ долгое время ничѣмъ не могъ поновить, такъ сказать, старой своей славы, или загладить бывшіе свои проступки. Но поелику съ другой стороны случается и то, что и совершеннѣйшія достоинства отъ весьма частаго и вдругъ многаго оказыванія оныхъ теряютъ свою цѣну, то благоразуміе и требуетъ, чтобы отъ таковаго тщеславія всемѣрно удерживаться, и чтобы показывать ихъ хозяйственно, по приличію времени, мѣста и надобности. Сія разумная медлительность въ доставленіи обществу важныхъ услугъ можетъ гораздо удобнѣе сохранить народное къ Грою уваженіе, нежели безпрерывные и вскорѣ одинъ за другимъ послѣдующіе его успѣхи, кои по своему множеству не дѣлаютъ почти никакого на людей

впечатлѣнія. Солнце не всегда ли перемѣняетъ свой горизонтъ? и отсутствіе его въ одной части свѣта не возбуждаетъ ли въ другой по усмотрѣніи его великую радость? Цесари Римскіе неоднократно оставляли свою столицу, и искали славы себѣ въ чужихъ и отдаленныхъ краяхъ для того наипаче, дабы возвращаясь въ отечество свое, увѣнчать себя новыми лаврами, и быть въ городѣ Римѣ болѣе отъ своего народа почитаемыми.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Возобновлять отъ времени до времени добрую о себѣ славу.*

Доброе о правительствѣ мнѣніе или репутація есть величайшая для государства выгода. Правда, что найдутся и такіе люди, которые будутъ отвергать сіе мнѣніе, покупаемое весьма дорогою цѣною, но разсужденія таковыхъ умниковъ будутъ совсѣмъ несходны съ доброю политикою.

Ежели репутація или доброе мнѣніе происходитъ не отъ предубѣжденія и не отъ силы какого либо талисмана, но отъ справедливой причины; ежели посредствомъ добрыхъ мыслей, взятыхъ о насъ цѣлою публикою, можемъ мы во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ наилучшую имѣть удачу: то не надлежитъ ли о пріобрѣтеніи доброй славы употреблять всѣ силы и средства, и не слѣдуетъ ли о сохраненіи и о умноженіи ея прилагать возможное

стараніе? Полководецъ, о которомъ всѣ хорошо думаютъ, можетъ однимъ своимъ именемъ сдѣлать гораздо больше, нежели другой, не пріобрѣтши себѣ народнаго уваженія, цѣлою арміею. Чего ради нѣкоторой великой Министръ говоритъ о репутаціи слѣдующимъ образомъ: я бы совѣтовалъ Государю лучше отважить щастіе и величество свое, нежели довести себя до того, чтобы знаменитое его имя подлежало хотя малѣйшему предосужденію. Слѣдовательно доброе мнѣніе не должно мѣнять ни на какую корысть и ни на какія выгоды въ свѣтѣ. Исторія свидѣтелствуетъ, что во всѣ времена и во всякомъ государствѣ Цари, хранившіе свою репутацію, были всегда славнѣе и щастливѣе тѣхъ, кои не помышляя объ оной, старались только о умноженіи богатствъ, силъ и своего могущества.

(2) *Первые во всякомъ дѣлѣ опыты суть образцы, по которымъ публика о будущемъ начинаетъ судить.*

Г. Созій въ сочиненіи своемъ о добромъ мнѣніи говоритъ, что публика есть прямая и единая законная провозвѣстница великой славы. Она конечно не слѣпо и не по случайности приписываетъ людямъ похвалы, но всегда по мѣрѣ заслугъ и ихъ достоинствъ. Заимствуя вѣсти свои отъ истинны и прямой справедливости, будучи тронута удивленіемъ и благодарностію по причинѣ великихъ ироискихъ подвиговъ, никогда она ихъ не забываетъ и не лишаетъ надлежащаго уваженія, развѣ въ такомъ случаѣ, когда народныя объ нихъ повѣствованія будутъ темны и неоснова-

тель-

тельны. А хотя полагаясь иногда на одну вѣроятность, и бываетъ она скоропостижна въ разсужденїяхъ и рѣшенїяхъ своихъ, а отъ того нерѣдко въ нихъ и ошибается, однакожъ ея заблужденїя суть непродолжительны. Будучи преисполнена мудрыми и искусными людьми, совѣту которыхъ она безпрерывно слѣдуетъ, тотчасъ познаетъ свою ошибку и приноситъ извиненїе въ своей легковѣрчивости.

(3) *Щастливыя начала приносятъ во всякомъ новомъ дѣлѣ сугубую пользу.*

Хотя сїе положенїе вообще есть и справедливо, но Г. Сентъ-Эвремонтъ не прїемлетъ его таковымъ въ разсужденїи Французовъ, а особливо въ разсужденїи тѣхъ, кои славятся и отличаются отъ другихъ учеными дѣлами. Положимъ, говоритъ онъ, что пылкїе Французскїе умы довольно способны производить наипрекраснѣйшїя творенїя, но мы къ сожалѣнїю нашему не чтимъ въ однородцахъ своихъ сего дара; а естьли когда и отдаемъ должную справедливость превосходному какому нибудь сочиненїю, то сїе продолжается очень недолго. Вкусъ, испорченный вѣтренностїю, не препятствуетъ ли сочинителямъ пользоваться тою славою, которую они заслужили своими трудами? Для Французовъ прїятна только одна новость, которою они плѣняются, не имѣя никакого отношенїя къ ея содержанїю. Разсматриванїе превосходныхъ достоинствъ наводитъ имъ такую великую скуку, что они устремляютъ къ нимъ весьма слабое вниманїе. Всегда вещи достойныя наибольшаго уваженїя трогаютъ ихъ весьма мало, потому что они при-

привыкли ежедневно ихъ видѣть. Можетъ быть, что со временемъ и отстанутъ они отъ сего заблужденія, и пріобрѣтши изящный вкусъ, будутъ удивляться и отдавать надлежащую справедливость всякому превосходному творенію, но теперь еще того въ нихъ нѣтъ.

(4) *Первыя дѣла должны быть всегда превосходныя и наилучшія.*

Павелъ Эмилій, говоритъ де ла Брюеръ, родился съ такими дарованіями и способностями, которыя пріобрѣтаются великими людьми посредствомъ наблюденія строгихъ философскихъ правилъ и премногихъ размышленій и испытаній. Ему же надлежало только очистить и изострить тѣ, коими обогатила его природа. Слѣдовательно и удивляться тому не надобно, что онъ съ перваго вступленія въ высокую и важную должность поступалъ такъ искусно въ распоряженіи дѣлъ, до оной касающихся, что не уступалъ наилучшимъ старымъ Полководцамъ, и оказалъ еще въ молодости своей удивителные воинскіе успѣхи; а наконецъ будучи поддерживаемъ непремѣннымъ и чрезвычайнымъ щастіемъ, достигъ чрезъ продолжителное и почти безпрерывное въ войнахъ упражненіе до совершеннаго и такого въ томъ искусства, что умѣлъ пользоваться и такими въ войнѣ случаями, кои ни малѣйшей къ побѣдѣ не подавали надежды. Словомъ, онъ былъ чудо во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ военныхъ.

(5) *Едва Графъ де Фуентесъ показался на ратномъ полѣ.*

Изображенія Графа де Фуентеса и Павла-Эмилія заставили меня упомянуть и о Лудовикѣ Бурбонскомъ Герцогѣ д'Ангіенскомъ, которой назывался также и Принцомъ Конде. Онъ старался превзойти, или по крайней мѣрѣ сравниться въ храбрости и въ военномъ искусствѣ съ Испанскимъ онымъ состарѣвшимся, такъ сказать, въ войнахъ Полководцомъ, и съ мужемъ примѣрныхъ достоинствъ Графомъ де Фуентесомъ. Я намѣренъ поговорить о баталіи, происходившей при Рокруа, гдѣ помянутый Принцъ одержалъ надъ Испанскою пѣхотою, бывшею до сего времени всюду побѣдоносною, и предводимою храбрымъ онымъ Генераломъ, совершенную побѣду. Фуентесъ былъ изъ первѣйшихъ и знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ Полководцовъ; а хотя ради приключившейся ему при Рокруа болѣзни и носили его въ креслахъ, однакожъ онъ не упустилъ ничего, что требовалось къ наблюденію порядка въ его войскѣ. Онъ выждалъ съ несказанною твердостію и терпѣливостію первое непріятельское нападеніе, и допустилъ Французовъ, не стрѣляя ни изъ одного ружья, почти на пятьдесятъ шаговъ къ своему фрунту. Два раза принудилъ ихъ отступать, да и отъ третьяго приступа не имѣли бы они никакой удачи, ежели бы не подоспѣлъ къ нимъ резервной корпусъ, коимъ Испанская пѣхота была сбита съ мѣстъ своихъ, и приведена въ чрезвычайный безпорядокъ, такъ что самъ Фуентесъ найденъ былъ послѣ мертвымъ подлѣ своихъ креселъ, впереди фрунта. Испанцы весьма долго оплакивали кончину сего предводителя, а Французы вы-

хва-

хваляли его храбрость, и удивлялись его неустрашимости. Принцъ Конде, разсказывая иногда о сей баталїи, говаривалъ, что естьли бы не удалось ему сдѣлаться побѣдителемъ, то онъ вѣрно бы таковымъ же образомъ, какъ Графъ де Фуентесъ, окончилъ свою жизнь. Таковыхъ-то начальныхъ успѣховъ и таковой-то храбрости требуетъ Грацїанъ отъ всякаго Ироя, вступающаго въ первой разъ на ратное поле.

(6) *Величїе духа оказывается тогда, когда при исполненїи встрѣчающїяся трудности преодолѣваются.*

Разнообразность вспомогательныхъ средствъ, произведенныхъ удачно въ дѣйство, и многоразличїе препятствїй проворно преодолѣнныхъ составляютъ истинное Ироя искусство. Тюренъ доставилъ себѣ чрезъ умозаключенїя и всегдашнїя о военныхъ оборотахъ размышленїя такое въ воинскомъ дѣлѣ свѣденїе, что умѣлъ и самые нечаянные и неожидаемые случаи соображать съ изученными имъ правилами, и чрезъ то получалъ превеликую пользу. Въ сомнительныхъ покушенїяхъ бралъ онъ мудрыя мѣры, служившїя ему подпорою и пособїемъ во всякихъ трудностяхъ. Такою предосторожностїю не рѣдко возстановлялъ онъ къ паденїю клонящїяся и такїя дѣла, о коихъ всѣ думали, что ихъ никоимъ образомъ поправить уже не можно. А посредствомъ благоразумной медлительности и великаго терпѣнїя доводилъ онъ всѣ свои замыслы до желаемаго конца, а иногда и самыя его разстройки окончивались прїобрѣтенїемъ немалыхъ выгодъ. Онъ никогда въ лицо или прямо непрї-

пріятелю не хаживалъ, не сдѣлавъ заблаговременно всѣхъ нужныхъ расположеній, а по опытности своей узнавалъ напередъ, что можетъ съ нимъ встрѣтиться во время жестокаго огня, и какія тогда должно будетъ взять мѣры для отраженія непріятельскихъ ударовъ. Сколько много разъ обращалъ онъ въ ничто всякія ухищренія посредствомъ своей осторожности! Сколь часто уничтожалъ вредоносные вымыслы, и сколь много сдѣлалъ онъ государству пользы своею проницательностію! Весь свѣтъ подтвердитъ и засвидѣтельствуетъ сію истинну. Не рѣдко ручался онъ за полученіе добраго успѣха въ такихъ обстоятельствахъ, которыя казались всѣмъ сомнительными, и по которымъ истолковывалъ онъ непріятельскія намѣренія, такъ какъ будто самъ къ тому выдумывалъ планъ. Чего ради войска, предводительствуемыя Тюренемъ, полагались болѣе на его разумъ и опытность, нежели на свою храбрость и многолюдство. Когда Принцъ Конде ѣхалъ въ Германію, чтобы заступить Тюренево мѣсто, то отзывался онъ о немъ такимъ образомъ: я бы весьма желалъ теперь, говорилъ онъ, съ великою радостію хотя часа два поговорить съ Г. Тюренемъ, и занять отъ него нѣсколько изъ того знанія, каковое имѣлъ онъ въ военномъ искусствѣ. Вотъ изреченіе и мысль достойная предшественника и дѣлающая честь новому Ирою, вступившему во исполненіе его должности.

(7) *Стараться сохранять пріобрѣтенную славу и успѣвать въ оной болѣе и далѣе и впредь*

Сіе клонится на упомянутыхъ Граціаномъ и мною Ироевъ. Ибо громкая и великая ихъ сла-

слава будетъ процвѣтать въ полномъ своемъ сіяніи до скончанія вѣка. Она переживетъ ихъ всѣхъ, да и останется навсегда столько же непоколебимою, сколько есть непоколебима слава Александрова и Цесарева.

ГЛАВА XVI.

О томъ, чтобы всѣ качества Ироя были непритворныя.

Ирою надлежитъ пріобрѣтать сколько возможно всѣ добродѣтели, всѣ совершенства и всѣ добрыя качества, но притомъ съ такимъ предположеніемъ, чтобы ни одно изъ оныхъ было непричастно ни малѣйшему притворству. Ибо притворство есть явный врагъ благородной сановитости и истиннаго величія, потому что оно означаетъ всегда малый и низкій духъ (1). Ироиство же требуетъ возвышенности мыслей, сколько естественной, столько притомъ простой и нелицемѣрной. Притворство хотя есть и скрытное пособіе къ самохвальству, однакожъ оно тотчасъ дѣлается омерзительнымъ; и какъ бы кто ни старался выдумывать хитрые обороты къ выхваленію самаго себя, но мудрые люди неотмѣнно узнаютъ суетность и безуміе самохвала (2). Хвалить самому себя значитъ заставлять другихъ, что-

чтобы они никогда не хвалили. Въ насъ должна существовать добродѣтель, а похвала неминуемая за нею имѣетъ происходить отъ другихъ и постороннихъ людей, даже и въ то самое время, когда бы къ похваленію себя находилися извѣстнѣйшія и справедливѣйшія побужденія. Ибо самохвальство неминуемо влечетъ за собою наказаніе, состоящее обыкновенно въ томъ, что человѣкъ, хвалящійся своими достоинствами, пресыщается только одинъ собственною своею похвалою, а другіе не только не сорадуются и не ревнуютъ славѣ его, но и внутренно презираютъ его, какъ подлую тварь.

Почтеніе въ разсужденіи другихъ есть такое свободное чувствованіе человѣка, котораго онъ всегда старается быть самовластнымъ господиномъ, и никакое коварство и никакая власть отъ него не можетъ того вынудить, когда онъ самъ не поставляетъ заблаго оное кому ни есть приписать. Слѣдовательно тщеславные и безстыдные люди должны конечно оставить труды свои, истощеваемые ими на испрашиваніе себѣ нищевскимъ образомъ у другихъ почтенія; ибо оно отдается не притворнымъ и желающимъ блеснуть пустою наружностію, но людямъ такимъ, кои прямо показали въ себѣ истинныя достоинства. Многіе изъ нынѣшнихъ витязей, желая помрачить славу древнихъ Ироевъ, приласкиваютъ къ себѣ

стихотворцовъ и другихъ ученыхъ щедротами и изліяніемъ своихъ милостей, дабы они воспѣли ихъ дѣла; но придворные люди, хитрые оные умы и немилосердые всего цѣнители, простираютъ въ разсужденіи сего пункта весьма далеко свои разсужденія. По ихъ мнѣнію всякое сего рода поразительное совершенство есть ничто иное, какъ единое кривляніе лица и пустая личина притворной добродѣтели, служащая только для представленія смѣшной комедіи, а не для показанія дѣлъ въ свѣтѣ великихъ. Умствованіе по мнѣнію моему слишкомъ строгое и странное по тому, что они сами ежедневно представляютъ изъ себя всякія дѣйствующія лица, и что ихъ въ настоящемъ и естественномъ ихъ положеніи почти никогда не можно увидѣть (3).

Но какъ бы то ни было, только изъ всѣхъ безчисленныхъ и различныхъ родовъ притворства почитаю я самымъ вредоноснѣйшимъ то, которое состоитъ въ присвоиваніи себѣ излишней мудрости (4). Вредоноснѣйшимъ оно почитается по тому, что ядъ онаго заключается въ томъ самомъ лѣкарствѣ, которымъ его истреблять бы слѣдовало. Оно, стѣсняя здравый разумъ, не допускаетъ его до излѣченія опаснѣйшей своей заразы (5). Когда же притворно показывать въ себѣ добрыя качества почитается знакомъ слабоумія, то какою глупостію и какимъ

сума-

сумазбродствомъ должно обладаему быть тому человѣку, которой вздумаетъ притворяться въ несовершенствахъ, порокахъ и недостаткахъ какихъ нибудь (6)? Впрочемъ, не смотря на то, что притворство признается нынѣ за дѣло умное, и взошло во всеобщее употребленіе, есть еще и теперь нѣкоторые люди, признавающіе оное слабостію ума, достойною всякаго презрѣнія, и старающіеся сколько можно избѣгать сей гадкости. Тѣ же изъ людей, въ коихъ недостатокъ сей сдѣлался какъ будто природнымъ и неотдѣлимымъ отъ прочихъ ихъ свойствъ, хотя и остерегаются иногда того, чтобы не изъявить въ себѣ сей слабости, но тѣмъ самымъ, что притворствуютъ, и претыкаются только болѣе о камень сего соблазна. Тиверій сколько ни старался показывать себя непритворнымъ, и сколько ни былъ хитръ и пронырливъ въ сокрытіи принужденныхъ видовъ, однакожъ характеръ и образъ мыслей его былъ извѣстенъ всѣмъ его придворнымъ.

Но обратимся къ прежнему нашему предложенію, и повторимъ еще единожды то, что Ирою необходимо нужно соединять въ себѣ всѣ добрыя качества, однакожъ ни въ одномъ изъ оныхъ не долженъ онъ притворяться. Доказавшій же своими поступками прямое отчужденіе отъ притворства заслуживаетъ по справедливости и по долгу

имя великаго человѣка, и будетъ по всеобщему всѣхъ людей признанію почитаться таковымъ, не по причинѣ прикрашенныхъ и притворныхъ добродѣтелей, но по истиннымъ и совершеннымъ своимъ достоинствамъ. Притворство же, сколько бы впрочемъ было ни важное, всегда ихъ помрачаетъ, умаляетъ и дѣлаетъ презрительными. Достоинства безъ всякихъ постороннихъ прикрасъ трогаютъ сами по себѣ и возбуждаютъ уваженіе къ себѣ. Я не знаю, какой-то благородный видъ простоты и какое-то забвеніе величія обращаютъ всегда на того Ироя вниманіе публики, которой закрываетъ глаза свои отъ своихъ заслугъ и достоинствъ. Всѣ отъ того болѣе побуждаются на оныя смотрѣть, и большую приписываютъ имъ цѣну. Таковое поведеніе можетъ назваться чудомъ величества и иройства, и ежели есть еще другое какое нибудь качество, которое бы сего было превосходнѣе и приличественнѣе Ирою, то я признаюсь, что оно мнѣ еще неизвѣстно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Притворство есть врагъ истиннаго величія, и означаетъ малый и низкій духъ.*

Большимъ людямъ, говоритъ Авторъ нравоучительныхъ размышленій, весьма непристойно и весьма предосудительно показывать на себѣ притворную сановитость. Ибо на нихъ смотря и послѣдній ремесленникъ будетъ притворяться такъ, какъ ему лучше вздумается. Такое тщеславіе есть дѣйствительное униженіе достоинствъ. Не упоминая о поклонахъ, посредствомъ которыхъ притворяемся мы быть предъ всѣми униженными и вѣжливыми, дѣлаемъ мы еще тысячу другихъ лицемѣрствъ, противныхъ истинной чести. Въ насъ усматривается такое множество лицепревращеній, которыя мы на себя принимаемъ, что кажутся всѣ наши поступки основанными на одномъ притворствѣ.

Привычка, говоритъ Монтанъ, носить голову наклоняя ее нѣсколько на лѣвое плечо, придавала Александру красоту, но тучному Алцибіаду служила безобразіемъ. Юлій Цесарь всегда чесалъ въ головѣ однимъ пальцемъ, что отъ нѣкоторыхъ почиталось знакомъ, изображающимъ человѣка великихъ мыслей. Но изъ всѣхъ тѣлодвиженій и странныхъ осанокъ да воспомянется и особенная привычка Императора Константина. Онъ, находясь въ публикѣ, держивалъ такъ прямо свою голову, что не оборачивалъ ее ни туда ни сюда, и не видалъ никого, кто ему кланялся съ боку. Вытягивался и стоялъ какъ неподвижный столпъ, да и въ коляскѣ, какъ бы она ни трясла, сиживалъ въ таковомъ же положеніи. Словомъ, онъ такъ

 стро-

строго наблюдалъ прямодержанїе головы, что не смѣлъ ни кашлянуть, ни высморкаться, ниже при людяхъ обтереть свое лицо.

(2) *Притворство есть скрытное само-хвальство.*

Не помню, говоритъ Монтанъ, имѣлъ ли я когда нибудь въ себѣ хотя тайную къ притворству склонность. Естьли же сїе и случилось со мною, то вѣрно не отъ излишняго самаго себя почитанїя, ибо я знаю, какой я стою цѣны; а потому и поступалъ я со всѣми просто и нелицемѣрно. Но на другомъ мѣстѣ разсуждаетъ онъ о притворствѣ совсѣмъ иначе. Самая мудрость, говоритъ онъ, будетъ безплодна и непрїятна, естьли мы будемъ показывать ее такою, какова она есть въ самомъ и прямомъ своемъ существѣ. Свѣтъ цѣнитъ доброту и прочность вещей по одной ихъ наружности, а сїя оцѣнка неоднократно сопряжена бываетъ съ неосмотрительностїю и ошибками. Первые люди были просты и нехитры, казались великими сами по себѣ, а не по своимъ отношенїямъ и наружностямъ, которыя введены въ свѣтъ можетъ быть и съ добрымъ намѣренїемъ, то есть, чтобы придать истинному величеству болѣе блеску; но вмѣсто того нынѣ ни къ чему болѣе не служатъ, какъ на уничиженїе онаго.

(3) *Придворные представляютъ такїя изъ себя лицы, что ихъ въ естественномъ положенїи никогда не увидишь.*

Памфилъ, говоритъ де ла Брюеръ, всегда бываетъ занятъ самъ собою, и ни на минуту не забываетъ о величествѣ своемъ, но думаетъ без-

безпрестанно о знатности своего рода, чиновъ и достоинствъ. Естьли онъ удостоитъ когда разумнаго человѣка своею улыбкою, то выбираетъ для сего такое время, чтобы никто не примѣтилъ его снисхожденія, или такого униженія къ нему. Съ небогатымъ, несильнымъ и незнаменитымъ человѣкомъ никогда не заводитъ знакомства, развѣ кто къ нещастію сдѣлается изъ нихъ его родственникомъ. Увидѣвши удостоеннаго своимъ снисхожденіемъ въ публикѣ или при множествѣ людей, опрометью отъ него бѣжитъ прочь, а назавтра повстрѣчавшись съ нимъ же на одинѣ, или увидя его въ передней у какого нибудь знатнаго господина, какъ будто отъ усталости, едва собравшись съ духомъ, подходитъ къ нему самъ съ привѣтствіемъ, похожимъ на выговоръ: вы вчера, государь мой, встрѣтились со мною такъ какъ будто совсѣмъ съ незнакомымъ. Едва же сіе сказавъ, скоропостижно оставляетъ его, бросаясь въ объятія къ знатному вельможѣ. Естьли же примѣтитъ, что вельможа сей хочетъ съ его знакомымъ говорить, тотъ же часъ вмѣшивается въ его рѣчь, дабы отвлечь его отъ него. Когда же осмѣлится оной человѣкъ самъ въ публикѣ начать съ нимъ говорить, то посмотрѣвъ на него нѣсколько косо и со стороны, такъ громко начинаетъ его привѣтствовать, чтобъ всѣхъ присутствующихъ на него взоры обратя, заставить признать его невѣжею и такимъ наглецомъ, которой отваживается своими приступами безпокоить знатныхъ и незнакомыхъ людей. Такимъ-то комедіантскимъ образомъ поступаютъ наши Памфилы. Сіи люди, питающіеся прахомъ, и не-

навидящіе болѣе всего то, что согласно съ природою, суть истинные скоморохи, Флоридоры и Мондарисы, какъ по словамъ, такъ и по поведенію своему.

(4) *Притворство въ присвоеніи себѣ излишней мудрости есть наиопаснѣйшее изъ всѣхъ.*

Александръ Великій старался всячески притворяться и быть музыкантомъ. Филиппъ отецъ его неоднократно за то ему выговаривалъ; но нѣкоторой знатокъ въ музыкальномъ искуствѣ, коего Александръ въ томъ всячески силился превзойти, отвадилъ его отъ сей охоты слѣдующими словами; Богъ да сохранитъ тебя Государь отъ такого нещастія, говорилъ ему музыкантъ, чтобы ты сдѣлался искуснѣе меня въ музыкальномъ моемъ ремеслѣ! Митридатъ учился врачебной наукѣ, и желалъ быть лѣкаремъ для того единственно, дабы могъ лѣчить солдатъ своихъ гораздо лучше и удачнѣе врачей, находившихся въ его государствѣ. Августъ охотился быть сатирическимъ стихотворцомъ, что свидѣтельствуютъ сочиненные имъ стихи на Полліона. Неронъ былъ стихотворецъ, а вмѣстѣ и комедіантъ. Императоръ Адріанъ думалъ о себѣ, что онъ наилучшій своего вѣка Грамматикъ. А Діонисій Тираннъ Сиракузскій признавалъ себя въ Философіи мудрѣйшимъ самаго Платона, а въ стихотворствѣ искуснѣйшимъ Филоксена.

Теперь приступлю я къ притворству людей, отправляющихъ важнѣйшія въ обществѣ должности. Скажите мнѣ, говоритъ Монтань, пристойно ли было двумъ Консуламъ Римскимъ, Цицерону и Плинію, самовластнымъ рас-

распорядителямъ народныхъ дѣлъ и управляющимъ цѣлымъ свѣтомъ, упражняться (хотя бы что было и въ праздное время и для забавы) въ сочиненiи смѣхотворныхъ писемъ, и искать похвалы и славы себѣ въ томъ, что они умѣютъ говорить такъ, какъ говаривали ихъ кормилицы? Поистиннѣ, самой простой и школьной учитель не сталъ бы заниматься такими бреднями, естьли бы только можно было ему чѣмъ нибудь содержать себя и свое семейство. Такое упражненiе конечно гнусно и уничижительно для славныхъ людей, каковы были Цицеронъ и Плинiй.

Напослѣдокъ нужно здѣсь упомянуть о притворствѣ людей разумныхъ и ученыхъ; естественнѣе же и справедливѣе другихъ описываетъ ихъ Г. де ла Брюеръ. Гериль, говоритъ онъ, хотя о чемъ разсказываетъ, хотя что и пишетъ, но во всемъ ссылается на старину, и всего поставляетъ ее свидѣтельницею. Онъ говоритъ всѣмъ увѣрительнымъ образомъ, что отъ вина можно быть пьянымъ, и что, по словамъ Римскаго Оратора, вода умѣряетъ и ослабляетъ горячесть и силу сего напитка. Когда толкуетъ о благонравiи, то приводитъ во свидѣтельство божественнаго Платона, и проповѣдуетъ его устами, что добродѣтель достойна любви, а пороки должны быть всѣми ненавидимы, и что какъ къ первой, такъ и къ послѣднимъ удобно можно сдѣлать привычку. Короче сказать, естьли упоминаетъ и о простѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ вещахъ, о которыхъ онъ можетъ разсуждать и по своему разуму, то сказываетъ, что знанiемъ оныхъ одолженъ онъ древнимъ Греческимъ и Латинскимъ писателямъ. Впро-

чемъ какъ бы сей педантъ ни поддѣлывался подъ древнихъ мудрецовъ, и какъ бы ни показывалъ себя достойнымъ посмѣянія, однакожъ онъ не столько еще вреденъ обществу, какъ тотъ ложный учитель, которой славясь повсюду разумнымъ человѣкомъ, и имѣя у себя множество учениковъ, самъ будучи зараженъ какою нибудь дурною и притворною привычкою, портитъ оною и своихъ воспитанниковъ.

(5) *Притворство, стѣсняя разумъ, не допускаетъ его до излѣченія въ себѣ сей опасной заразы.*

Филиппъ II имѣлъ предосудительную привычку притворствовать какъ въ словахъ, такъ и въ поведеніи. Сей Государь, говоритъ нѣкоторой Испанской Авторъ, жаловался всѣмъ, что отецъ его Карлъ V, въ предосужденіе ему, оставилъ у себя во владѣніи Неаполитанское Королевство и Герцогство Медіоланское. Карлъ V, услышавъ такія рѣчи сына своего, столько былъ ими тронутъ, что отрекся отъ правленія всей имперіи, и ушелъ въ монастырь. Филиппъ же II, свѣдавъ объ отцовомъ отъ всего отреченіи, принялъ на себя печальный видъ по единому лицемѣрію, и увѣрялъ въ ономъ торжественно и паки всѣхъ же, будто вступаетъ онъ на престолъ противъ своего желанія, и будто дѣлаетъ сіе для единаго угожденія и повиновенія своему родителю, особливо же ради того, дабы избавить его отъ тягостныхъ и изнурительныхъ государственныхъ дѣлъ, и чтобъ находясь онъ въ уединеніи и наслаждаясь пріятнымъ спокойствіемъ, могъ гораздо долѣе провести свою жизнь.

(6)

(6) *Въ порокахъ притворствовать есть совершенная глупость.*

Придворные Александра Великаго, подражая своему Государю, кривили головы свои, такъ какъ и онъ, на одну сторону. Подобнымъ образомъ и придворные Царя Діонисія представляли себя близорукими для того только, что ихъ Государь былъ близорукій. Случалось также иногда и то, что служители придворные притворялись глухими по примѣру своего Обладателя. Все основано въ свѣтѣ на притворствѣ и на подражаніи другимъ. Вельможи послѣдуютъ Государямъ, а люди средняго состоянія подражаютъ вельможамъ. Авторъ нравоучительныхъ разсужденій говоритъ, что люди тѣмъ болѣе умножаютъ число пороковъ, чѣмъ болѣе стараются подражать порочнымъ другихъ навыкамъ. Впрочемъ какъ бы кто по природѣ ни былъ безобразенъ и дуренъ, однакожъ онъ не столько смѣшонъ, какъ тотъ, которой по примѣру тщеславныхъ и вѣтреныхъ щеголей занимаетъ притворную красоту отъ искусства и отъ прибавокъ излишнихъ. Короче сказать, притворство есть весьма омерзительный порокъ, и для избѣжанія отъ него надлежитъ употреблять всевозможныя мѣры.

ГЛА-

ГЛАВА XVII.

О ревнованіи или подражаніи (1).

Многіе изъ первоначальныхъ Ироевъ не оставили по себѣ почти никакихъ наслѣдниковъ, то есть не имѣли щастія произвести на свѣтъ такихъ дѣтей, которыя бы въ состояніи были вступить въ ихъ искусство (2); но хотя они и лишены были сего щастія, однакожъ громкая ихъ слава, состоявшая въ произведеніи многихъ себѣ подражателей, довольно вознаграждаетъ ихъ въ томъ потерю. Да кажется, будто и само небо не для того ихъ производитъ на свѣтъ, чтобы они оставляли единокровныхъ людей наслѣдниками своихъ достоинствъ, но чтобы служили всеобщими образцами для всѣхъ могущихъ впредь произникнуть Ироевъ. И въ самомъ дѣлѣ чрезвычайные люди суть какъ бы нѣкоторыя нравоучительныя книги, которыя должно читать, разсматривать и углублять въ нихъ вниманіе свое со всевозможною рачительностію, дабы изъ нихъ узнать, какими способами и какими путями достигали они до истиннаго иройства и славы. Не выпускайте же младые Ирои никогда древнихъ и первѣйшихъ рыцарей изъ памяти вашей, да и представляйте ихъ себѣ не только для того, чтобы подражая и слѣдуя ихъ примѣру, могли съ ними сравниться и итти тѣ-

жѣми же стезями, каковыми они достигали до славы; но чтобы и превзойти ихъ, естьли можно, искусствомъ и отличными подвигами (3). Храбрость Ахиллесова была для молодаго Македонскаго Ироя благороднымъ побужденіемъ къ произведенію великихъ дѣяній. Громкія дѣла перваго витязя возбудили въ послѣднемъ живую и ревностную нетерпѣливость превзойти во всемъ своего предшественника. Александръ, слушая повѣствованія о Ахиллесовыхъ подвигахъ, не могъ никакъ удержаться отъ слезъ; плакалъ же онъ не о Ахиллесѣ, но болѣе о томъ, что не могъ еще одержать столь славныхъ побѣдъ, какія одерживалъ побѣдитель Троянскій.

Въ послѣдствіи времянъ Александръ былъ для Цесаря такимъ же образцомъ, какимъ былъ для него Ахиллесъ. Удивительные воинскіе подвиги Македонскаго Ироя поселили благородную завидливость въ душѣ Юлія Цесаря, и возбудили въ семъ послѣднемъ рвеніе сдѣлаться соперникомъ въ славѣ перваго. И подлинно Цесарь простеръ столь далеко свои завоеванія, что политики, разбирая успѣхи обоихъ сихъ Ироевъ, не знаютъ, кому изъ нихъ приписать въ томъ первенство. Ежели Александровы дѣла славились во всѣхъ странахъ востока, то Цесаревы не менѣе того гремѣли въ цѣломъ западѣ. Донъ Алфонсъ, Аррагонскій и Неапо-

ли-

литанскій Король, прозванный великодушнымЪ, обыкновенно говаривалЪ, что трубы, литавры и барабаны никогда не могутЪ возбудить вЪ строевой лошади столько горячности, сколько Цесарева слава воспламенила сердце его Марсовымъ огнемЪ. А потому и можно сказать, что Ирои достигали славы своихЪ предшественниковЪ по единому ревнованію, и не иначе дѣлались безсмертными, какЪ подражаніемЪ знаменитымЪ подвигамЪ первоначальныхЪ витязей.

Во всякомЪ званіи, во всякой наукѣ и во всякомЪ художествѣ всегда находятся нѣкоторые люди, отличающіе себя предЪ своими сверстниками, между тѣмЪ какЪ множество другихЪ, упражняющихся вЪ одномЪ и томЪ же сЪ ними искусствѣ, остаются по неспособностямЪ своимЪ вѣчно забвенными. Чего ради послѣдніе, не имѣя вЪ себѣ ни малѣйшихЪ достоинствЪ, бываютЪ неизвѣстны, а первые напротивЪ того какЪ бы нѣкоторые свѣтильники, освѣщающіе какЪ себѣ, такЪ и другимЪ путь кЪ достиженію вЪ званіи своемЪ истинной славы, видны всѣмЪ. Разбирать же и различать разные степени иройскихЪ достоинствЪ предоставляется уму ученыхЪ мужей, кои упражняются вЪ сочиненіи исторіи великихЪ особЪ, прославившихЪ себя вЪ воинскомЪ или другомЪ какомЪ ни есть дѣлѣ. ПлутархЪ вЪ книгѣ своей, называемой Сравненіе великихЪ людей, предста-

вля-

вляетъ намъ цѣлую роспись древнихъ Ироевъ, подобно какъ и Павелъ Іовъ въ панегирикахъ своихъ описываетъ многихъ изъ новѣйшихъ славныхъ людей. Правда, что описанія сихъ Авторовъ не слишкомъ пространны, да и недостаточны въ разсужденіи критики; но кто отважится приступить къ такому важному дѣлу, и кто возьметъ на себя трудъ выполнить недостатки, оказавшіеся въ ихъ сочиненіяхъ (4)? Для сего конечно потребенъ острый и проницательный разумъ, да и тому едва ли удастся окончать благоуспѣшно такое предпріятіе. Я думаю, что надобно, дабы не погрѣшить въ повѣствованіи дѣлъ великихъ людей, разсуждать объ нихъ по хронологическому порядку, то есть располагать жизни ихъ по тѣмъ временамъ, въ которыя они существовали на свѣтѣ (5). Дѣлать же между ими сравненіе по достопамятнымъ происшествіямъ не только неопредѣлительно, но и неуспѣшно въ назначеніи прямаго ихъ одного предъ другимъ преимущества. Больше можно запутаться въ разсужденіяхъ своихъ о томъ, какъ въ нѣкоемъ лабиринтѣ, нежели настоящую истинну сыскать.

А за тѣмъ не углубляясь и не входя въ излишнее изъясненіе различныхъ и превосходныхъ свойствъ иройства, представимъ въ примѣръ одного только Ироя, вмѣщающаго въ себѣ всѣ блистательныя качества, потребныя

къ

къ знаменитому сему званію. Испанія предлагаетъ намъ оной въ Филиппѣ IV, заключающемъ въ одной особѣ своей столько добрыхъ качествъ и совершенствъ, что едва ли можно оныя найти раздѣльно и во многихъ Государяхъ. Онъ можетъ служить образцомъ для всякаго Монарха, желающаго быть совершеннымъ правителемъ своего государства. Ибо Филиппъ, будучи щастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, показывался храбрымъ на войнѣ, мудрымъ и добропорядочнымъ въ поведеніи, твердымъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ, любезнымъ въ обхожденіи, ласковымъ къ послѣднему изъ подданныхъ своихъ; однимъ словомъ, онъ былъ во всемъ великъ и совершенъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *О ревнованіи или подражаніи.*

Ревнованіе есть добродѣтель, побуждающая насъ не только подражать великимъ людямъ, но естьли можно и превосходить ихъ нашими подвигами. Она внушаетъ намъ такія благородныя и честныя мысли, которыя наиболѣе обнаруживаются тогда, когда мы противоположимъ ей отвратительное и гнусное качество, называемое завистію. Зависть и ревнованіе, говоритъ де ла Брюеръ, занимаясь одинаковыми предметами, и стараясь о пріобрѣтеніи себѣ заслугъ и достоинствъ, различествуютъ между собою тѣмъ, что ревнованіе есть дѣйствіе

ствіе вольнаго, добраго и чистосердечнаго духа, которое заставляя насъ пользоваться примѣрами великихъ людей, пособствуетъ иногда восходитъ намъ превыше тѣхъ самихъ Ироевъ, коимъ мы удивляемся. Зависть же напротивъ того есть насильственное движеніе души такой, которая хотя и не отрицается признавать добродѣтель въ извѣстныхъ людяхъ, но признаетъ ее принужденно, и притомъ никогда не хочетъ отдать ей достойную похвалу, имѣя къ ней великое отвращеніе за получаемое ею достойное отъ всѣхъ награжденіе. Сія злотворная страсть, оставляющая повсюду слѣды гибельныхъ своихъ слѣдствій, ежели въ комъ одинъ разъ поселится, то никакъ уже не допуститъ оказыватъ другимъ благодѣянія, но заставитъ его надыматься и тщеславиться мнимыми и ложными достоинствами, сдѣлаетъ его холоднымъ и безчувственнымъ въ разсужденіи добротъ и благотвореній подобнымъ ему. Завистливый терзаетъ самаго себя, ежели въ комъ находитъ лучшія и превосходнѣйшія своихъ дарованій, или видитъ подобныя своимъ способности. Зависть есть постыдный и безчестнѣйшій порокъ, ввергающій человѣка, по причинѣ своихъ рвеній, во всякіе предразсудки и сумазбродства: она увѣряетъ его, что онъ имѣетъ разумъ и всѣ душевныя дарованія въ самомъ превосходнѣйшемъ степени совершенства.

Чтожъ касается до источниковъ, отъ коихъ ревнованіе получаетъ свое начало, то оные суть по свидѣтельству Г. Саси истинная любовь и благородное къ славѣ рвеніе. Мы должны, говоритъ сей Академикъ, благодаритъ Бога, что у насъ и понынѣ еще не пропалъ

 доб-

доброй вкусѣ прошедшаго вѣка. Привержен-ность къ славѣ нашимъ ученымъ не происхо-дитъ ли отъ добраго и благороднаго чувство-ванія къ ревнованію? Его необходимо нужно имѣть великому человѣку, потому что истре-бляетъ оно роскоши и праздполюбіе, и заста-вляетъ насъ упражняться въ пристойныхъ на-шему состоянію наукахъ и званіяхъ. Оно воз-буждаетъ стремительное желаніе уподоблять-ся, а естьли можно и превосходить, какъ въ дарованіяхъ, такъ и въ добродѣтеляхъ вели-кихъ мужей и Ироевъ. Въ самомъ дѣлѣ что можетъ насъ, кромѣ сего побужденія, ободрить и увѣрить въ томъ, что мы въ состояніи раздѣлить славу съ тѣми людьми, кои от-мѣнными своими добродѣтелями заслужили без-смертное имя?

Едва лишь человѣкъ начинаетъ дѣйствовать своимъ языкомъ, какъ тотъ же часъ и усма-триваются въ немъ благородныя чувствованія къ подражанію, влїянныя въ сердце его самою природою. Сїи же чувствованія чѣмъ больше оказываются, тѣмъ лучшую подаютъ о дитя-ти надежду. Почему Квинтиліанъ, размыш-лявши гораздо болѣе другихъ о воспитаніи юношества, и предписавши объ ономъ наилуч-шїе способы и правила, говоритъ, что ежели ученикъ будетъ до того чувствителенъ къ похваламъ, что пристыженъ будучи тѣмъ, что сверстникъ онаго въ наукахъ его выпередилъ, станетъ отъ того плакать и тужить, то та-кого юношу надлежитъ къ ученію побуждать не выговорами, но ласковыми увѣщаніями, по-тому что первые будутъ для него огорчи-тельны и несносны. Честолюбїе поселитъ въ немъ отвращенїе къ праздности, такъ что онъ

онъ всегда будетъ рачителенъ и трудолюбивъ безъ всякаго принужденія.

(2) *Первоначальные Ирои не оставили по себѣ дѣтей, вступить могшихъ въ ихъ искусство.*

Всеобщая исторія свидѣтельствуетъ, что ревнованіе произвело безчисленное множество великихъ и добродѣтельныхъ въ человѣческомъ родѣ мужей, умножило число славныхъ въ свѣтѣ Ироевъ, и сдѣлало добродѣтель нѣкоторымъ образомъ плодотворною саму по себѣ. А по сему и можно заключить, что Геркулесы произвели Тезеевъ, Милтіады Ѳемистокловъ, Кодры Менелаевъ, Бруты Сцеволовъ и Декіевъ, а Титы Траяновъ и Антониновъ. Подобнымъ образомъ естьли бы Виргилій не подражалъ Гомеру, Цицеронъ Демосѳену, Титъ Ливій Геродоту, Туцидидъ Пиндару, то бы они никогда можетъ быть не достигли до толикаго совершенства, въ каковомъ мы ихъ находимъ. Тожъ самое можно утверждать и о всѣхъ прославившихъ себя добродѣтельми и отмѣнными знаніями какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена великихъ людяхъ.

(3) *Молодые Ирои! не выпускайте древнихъ изъ памяти вашей, и старайтесь не только въ дѣлахъ съ ними сравниваться, но еще оныхъ и превосходить.*

Но Кавалеръ де М. не принимая сего правила, говоритъ, что ревнованіе или подражаніе примѣру другихъ для Ироя весьма неприлично, а особливо для Ироя воина. По его мнѣнію зазорно и непристойно бы было для Александра, естьли бы онъ послѣдовалъ Ахил-

лесу, или ежели бы Цесарь подражалъ Александру, а Великій Конде и Великій Тюрень были подражателями обоихъ сихъ послѣднихъ завоевателей. Для нихъ было бы уничижительно, ежели бы они взирали на примѣрныя дѣла ихъ предшественниковъ, а надлежало имъ самимъ сдѣлаться примѣрами и всѣмъ образцами. Ирою надлежитъ быть, говоритъ сей Авторъ, самому по себѣ; почему онъ и не имѣетъ нужды помышлять о храбрости постороннихъ людей, могущихъ возродить въ немъ сіе свойство.

(4) *Правда, что описаніе Плутархово кратко, но кто отважится прямо вступать въ столь важное дѣло?*

Плутархъ гораздо бы болѣе сдѣлалъ намъ пользы, говоритъ Монтань, естьли бы онъ, описывая Ироевъ, постарался подробнѣе и точнѣе изобразить характеры Ганнибаловъ и Сципіоновъ, нежели потѣть и трудиться надъ изыскиваніемъ тѣхъ временъ, въ которыя построенъ былъ Карѳагенъ и другіе древніе города, или когда умеръ Марцелъ, человѣкъ незаслуживающій никакого вниманія. Почему исторія его и не можетъ назваться довольно научительною, поелику она не удовлетворяетъ желанію людей, а только раздражаетъ и возбуждаетъ ихъ любопытство. Въ его повѣствованіяхъ много находится витіеватыхъ и плодовитыхъ описаній о самыхъ бездѣлицахъ; но тысячи весьма нужныхъ дѣлъ вовсе опущены. Сверьхъ же сего весьма сожалѣть надобно и о томъ, что онъ наблюдалъ излишнюю краткость тамъ, гдѣ бы надлежало ему вникать глубже въ ма-

матерїю, да и разсматривать обстоятельнѣе характеры описываемыхъ имъ особъ. Онъ судитъ о всѣхъ своихъ Ироях вообще, а о различїи нравовъ и свойствъ ихъ почти ничего не говоритъ.

(5) *Надобно, дабы не погрѣшить въ повѣствованiи дѣлъ великихъ людей, разсуждать объ нихъ по Хронологическому порядку.*

Трудно, говоритъ Сентъ-Эвремонтъ въ рѣчи своей о Французскихъ Историкахъ, разпознавать въ людяхъ добродѣтели, и сравнивать добрыя качества одного человѣка съ свойствами другаго. Извѣстно, что благоразумїе въ совѣтахъ, скорость и проворство во исполненїяхъ и храбрость въ сраженїяхъ почитаются превосходными достоинствами; но въ самомъ количествѣ и качествѣ сихъ достоинствъ есть по различїю временъ, обстоятельствъ и состоянїю людей, оныя имущихъ, превеликая разнообразность. Различїе разума, предпринимаемыя Иронми въ подвигахъ своихъ предосторожности, ихъ расторопность, дѣятельность и другїя многїя тому подобныя необходимости могутъ ли всѣ и во всѣхъ описываемыхъ ихъ дѣлахъ извѣстны быть историописателю? Мы всѣхъ отважныхъ людей называемъ храбрыми, всѣхъ домогающихся и ищущихъ чести именуемъ честолюбивыми; но наглый воинъ не можетъ ли быть храбрымъ? а горделивый не можетъ ли казаться честолюбивымъ? Всѣ наши похвалы, приписываемыя великимъ людямъ бываютъ почти такїя же, какїя приписывались въ прежнїе вѣки знатнымъ особамъ. Какъ прежде, такъ и нынѣ обыкновенно хвалятъ великихъ мужей за ихъ бдительность, неусын-

усилиность, трудолюбіе, щедрость, ласковость, великодушіе и благородное честолюбіе. Конетабль и Адмираль Герцоги де Гизъ одинъ сухопутныхъ, а другой морскихъ силъ главной начальникъ, оба были способны къ понесенію наиважнѣйшихъ дѣлъ; но разность ихъ способностей изъясняется ли довольно въ нашихъ Авторахъ, описывающихъ ихъ? Задумчивость Господина Тюреня, скрытная его мысль, умъ преисполненной прожектами, и занятой разсматриваніемъ собственнаго своего поведенія, показывалъ иногда его застѣнчивымъ, и какъ будто боязливымъ, недовѣрчивымъ и нерѣшительнымъ; но при такомъ наружномъ расположеніи не столько ли былъ онъ безстрашенъ на всѣхъ кровопролитныхъ баталіяхъ, что господинъ Гассіонъ, описавшій жизнь его, едва ли могъ быть таковымъ и на самой малой съ непріятелемъ стычкѣ? . . . .

ГЛАВА XVIII.

О благородной и возвышенной симпатіи (1).

Имѣть симпатію или сострастіе къ мужамъ великимъ есть одно изъ самыхъ сроднѣйшихъ качествъ Ирою. Хотя подсолнечникъ есть произрастеніе весьма простое, но поелику оно всегда обращается къ солнцу, то и получаетъ отъ великолѣпнаго сего свѣтила свое наименованіе. Симпатія есть одно изъ такихъ чудесъ, коего причину природа всегда старается отъ насъ сокрыть, и коего дѣй-

дѣйствія приводятъ насъ въ особенное удивленіе (2). Симпатію можно назвать сходствомъ сердецъ, такъ какъ антипатію напротивъ того отчужденіемъ и отвращеніемъ оныхъ (3). Нѣкоторые производятъ происхожденіе симпатіи отъ сходства темпераментовъ, нравовъ и пристрастій нашихъ; другіе же относятъ начало оныя ко влiянію звѣздъ и прочихъ свѣтилъ небесныхъ Но какъ бы то ни было, а антипатія неоднократно раждаетъ въ политическихъ обществахъ гнусныя чудовища, симпатія же съ сей стороны производитъ въ оныхъ столь великія и особенныя чудеса. что грубый и суевѣрный народъ почитаетъ оныя дѣйствіемъ колдовства и чародѣянія. Антипатія находитъ недостатки въ самомъ извѣстнѣйшемъ совершенствѣ, а симпатія видитъ, пріятности даже и въ порокѣ, хотя бы оной былъ противенъ всѣмъ людямъ. Первая какъ ехидна вкрадывается въ нѣдра самыхъ семействъ, гдѣ она все заражаетъ, все возмущаетъ и нарушаетъ всякой порядокъ. Она подвигаетъ гнѣвъ отца противъ дѣтей своихъ, а въ дѣтяхъ возбуждаетъ негодованіе противу родителей, и сдѣлавъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ ослушниками естественныхъ и гражданскихъ законовъ, доводитъ ихъ до такого неистовства, что они, презрѣвъ съ обѣихъ сторонъ природный стыдъ и родство, зачинаютъ явныя между собою ссоры и

входятъ въ разорительныя тяжбы, при чрезвычайномъ другъ противъ друга остервененіи. Антипатія лишаетъ сына порфиророднаго Царской короны, принадлежащей ему отъ отца по всѣмъ правамъ; между тѣмъ какъ симпатія возлагаетъ оную совсѣмъ на посторонняго человѣка. Послѣдняя, дѣлая все въ противность первой, трогаетъ и преклоняетъ къ себѣ людскія сердца безъ всякаго краснорѣчія, и часто получаетъ желаемое безъ всякой прозьбы, безъ всякаго предстательства и безъ всѣхъ покровителей. Для нее все возможно, потому что силѣ ея никто не можетъ сопротивляться.

Подъ словомъ симпатіи, поколику она свойственна и прилична знатной особѣ, разумѣю я склонность, приманчивость и привязанность къ такимъ дѣламъ, которыя ей представляются милыми. А по сему и утверждаю, что по симпатіи, такъ какъ по нѣкоторому предвѣщательному знаку, легко предсказывать можно будущія произшествія человѣка, лишь бы только напередъ узнать, къ какому она наиболѣе обращается предмету. Ежели склонность знатнаго человѣка простирается къ великимъ дѣламъ, то сіе будетъ служить несомнительнымъ предзнаменованіемъ нѣкотораго Иройства. Когдажъ окажется въ немъ наклонность къ бездѣлицамъ, то сіе неложно означаетъ, что отъ души его нельзя ожидать ни благородства, ни величе-

чества; и что для исправленія его потребны безчисленные труды и искуснѣйшіе учители. Впрочемъ тѣ особы, коихъ мы для отличенія отъ черни называемъ вельможами, бываютъ иногда столько же подвержены сей низкой симпатіи, сколько и самые бездѣльные и подлые люди (4). Ежели правду сказать, то нѣкоторые изъ нихъ при всемъ своемъ фамильномъ благородствѣ, доставшемся имъ по наслѣдству отъ ихъ предковъ, и при всѣхъ высокихъ чинахъ, столь бываютъ малы и подлы, что все вниманіе и разумъ свой обращаютъ на сущія бездѣлицы, на ненавистное мздоимство, коварство, хитрости и на всякіе обманы. Были же нѣкоторые и Государи, кои, внимая болѣе низкой симпатіи и дурнымъ пристрастіямъ, нежели слѣдуя хорошему въ вещахъ выбору, оставляли прямые пути, ведущіе къ истинному величеству, и шли по искривленнымъ тропамъ хитрой политики, чрезъ которыя помрачили они свои достоинства, и унизили высокое свое имя.

Сказавъ о томъ, обращаю я свои мысли къ симпатіи двоякаго рода, то есть буду говорить о томъ сострастіи, которое мы чувствуемъ къ другимъ, и о томъ, которое взаимообразно другіе къ намъ чувствуютъ. Первая симпатія есть благородное движеніе сердца, приносящее намъ немалую честь, когда оно простирается къ людямъ вели-

кихъ и знаменитыхъ достоинствъ; ибо она возбуждаетъ въ насъ желаніе сдѣлаться таковымижъ, каковыми они суть. Вторуюжъ симпатія бываетъ для насъ полезна и почтенна только въ такомъ случаѣ, когда чувствующіе ее къ намъ люди отличили себя добрыми качествами и отмѣнною у всѣхъ довѣренностію. Она столько же могущественна, сколько мочнымъ славится быть Гигесово колечко со всею его мнимою силою, и золотая цѣпь славнаго Тебанца. Она замѣняетъ помянутое колечко и оную цѣпь, да и цѣнится еще гораздо оныхъ дороже. Впрочемъ ежели мы чувствуемъ въ себѣ склонность и привязанность къ знатнымъ и почтеннымъ особамъ по причинѣ ихъ блистательныхъ свойствъ, то изъ сего еще не можно заключить, чтобы и они съ своей стороны ощущали въ разсужденіи насъ такія же чувствованія и такоежъ расположеніе къ намъ, какое мы къ нимъ. Сердце наше сколько бы объ нихъ намъ ни твердило и сколько бы ни восхваляло ихъ качества, однакожъ отголосокъ, ежели смѣю такъ сказать, не всегда отзывается съ ихъ стороны по нашему желанію. А по сему и не льзя сказать, чтобы между двумя сердцами могло существовать взаимное и ощутительное нѣкое сочувствіе и таинственное онаго сообщеніе. Да примѣтить и узнать, дѣйствуетъ ли наша симпатія въ пользу нашу въ тѣхъ людяхъ,

дяхъ, къ коимъ мы ее чувствуемъ, есть дѣло великой важности, и требующее проницательнѣйшаго разума и особеннѣйшаго вниманія. Глубокому только уму предоставлено узнавать щастливое сіе другихъ къ намъ расположеніе. Сей-то способности, а не другой какой, надлежитъ углубляться въ изыскиваніи средствъ, могущихъ обращать въ пользу нашу дѣйствія сего дара, которой хотя и вперяется въ насъ самою природою, но чрезъ искусство еще въ наибольшее приводится совершенство. Ежели же кто вожделаетъ вкрасться въ сердце какого ни есть знатнаго человѣка, и заслужить себѣ отъ него благоволеніе, не зная при томъ ни мало, имѣетъ ли симпатія того вельможи къ пользѣ нашей какую наклонность: то кажется предпріятіе такое не только безполезно, но притомъ и дерзостно. Какія бы достоинства въ насъ ни были, но когда нѣтъ къ намъ наклонности симпатіи великаго человѣка, то всегда останемся на томъ же пути, съ котораго пускаемся искать себѣ его милости. Всѣ наши о томъ труды и всѣ старанія будутъ безуспѣшны и тщетны. Государь никогда не сдѣлается военнымъ Ироемъ, ежели храбрость и мужество его не будутъ увѣнчаны благополучными успѣхами. Подобнымъ образомъ и частному человѣку отнюдъ не возможно прославиться, естьли добрыя его качества не будутъ покро-

кровительствуемы симпатїею вышшими и знатными людьми, то есть когда не будутЪ они чувствовать кЪ намЪ никакой приверженности. ПовѢрьте мнѢ, что подчиненный безЪ помощи и благоволенiя своихЪ начальниковЪ немногiе можетЪ оказать знаки отличныхЪ заслугЪ и достоинствЪ.

Симпатїя превосходитЪ выгодами своими всѢ прочїя качества, какЪ вЪ отношенiи кЪ славѢ, такЪ и вЪ отношенiи кЪ щастїю. Ежели займетЪ она Государя кЪ его подданному, то сей подданный можетЪ достигнуть до высочайшей степени честей и достоинствЪ, лишь бы только онЪ былЪ близокЪ кЪ нему. Ибо она какЪ магнитЪ притягиваетЪ кЪ себѢ желѢзо вЪ такомЪ отЪ себя отдаленiи, до котораго можетЪ простираться сила его на сей металлЪ: такЪ точно и симпатїя дѢйствуетЪ только вЪ опредѢленной себѢ сферѢ и вЪ извѢстномЪ разстоянiи. СловомЪ, естьли между предметомЪ и силою симпатiи не будетЪ сближенiй, то сїя сила останется недѢйствительною. Тогда же никакое затрудненiе не будетЪ препятствовать дѢйствїю чудесной ея силы, когда кЪ ней предметЪ ея будетЪ близокЪ, и благопрїятствуемый ею человѢкЪ можетЪ вЪ короткое время достигнуть до высочайшаго степени величайшихЪ чиновЪ и достоинствЪ (5).

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *О благородной и возвышенной симпатіи.*

Сходство характеровъ между Цесаремъ и Александромъ и множество подобныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они оба находились, могутъ наилучшее подать о симпатіи понятіе. Александръ былъ Царской сынъ, а Цесаръ происходилъ изъ знатнѣйшей фамиліи въ такой республикѣ, которой граждане почитали себя выше самыхъ Царей. Исторія сказываетъ, что сами боги предвѣщали о величествѣ Александра Олимпіи, его матери, чрезъ разныя сновидѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро онъ началъ выходить изъ отроческаго возраста, то неоднократно отъ зависти къ отцу своему проливалъ слезы, когда приходили извѣстія о побѣдахъ Филиппа. Александръ соболѣзновалъ не иначе о томъ, что отецъ его по покореніи себѣ многихъ народовъ не оставитъ ему ни одного случая, чрезъ которой бы онъ могъ прославиться и сдѣлаться безсмертнымъ. Чтожъ касается до Цесаря, то съ нимъ также многія встрѣчались обстоятельства, въ которыхъ былъ и Александръ. Ибо онъ смотрѣлъ на Силлу столь же завистливымъ окомъ, какъ и Македонскій Ирой на своего отца. Ему предвѣщали также напередъ, что общая всѣхъ людей мать будетъ находиться подъ его властію. Цесарь неоднократно плакалъ при обозрѣніи Александровой статуи, сожалѣя о томъ, что не удалось еще ему и въ такія лѣта, въ какія Александръ окончилъ свои завоеванія, начать военныхъ подвиговъ. Любовь къ наукамъ, такъ какъ и

къ славѣ, была равномѣрно велика какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ Ироѣ. Кому не извѣстна привязанность Александрова къ Гомеру, и кто не знаетъ, что онъ изъ почтенія къ Пиндару при взятіи и конечномъ разореніи города Ѳивъ пощадилъ домы его потомковъ, и оставилъ ихъ невредимыми? Когда же посмотримъ на Цесаря, то одни его Комментаріи составляютъ ему вѣчной памятникъ. Впрочемъ онъ говаривалъ съ превеликою отъ всѣхъ похвалою и публичныя рѣчи: первая рѣчь говорена имъ была на погребеніе тетки его Юліи, а другая въ обвиненіе Долабеллы, коею столько умѣлъ онъ тронуть Сенаторовъ, что они тотъ же часъ освободили изъ тюремъ невольниковъ, приговоренныхъ къ смерти по дѣлу Катилины. Правда, что мы не имѣемъ никакихъ ученыхъ Александровыхъ твореній, но остроумныя реченія, говоренныя имъ при разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, дошедшія до нашихъ рукъ, подаютъ несомнѣнное свидѣтельство о величествѣ его души и о чрезвычайной пылкости его разума. Наконецъ оба они, какъ Цесарь, такъ и Александръ, были предпріимчивы, отважны, неустрашимы, великодушны, щедры, и оба хотѣли владычествовать цѣлымъ свѣтомъ.

(2) *Симпатія есть одно изъ такихъ чудесъ, кого причины скрыты отъ насъ.*

Отъ чего на примѣръ происходитъ, что мы изъ двухъ человѣкъ, вдругъ предъ насъ представшихъ, одного болѣе, а другаго менѣе полюбимъ? Сію задачу едва ли бы и самъ начальникъ Философовъ могъ объяснить и растолковать. Но нѣкоторой стихотворецъ пишетъ къ одной особѣ въ разсужденіи симпатіи

тїи такимъ образомъ: Не знаю, отъ чего во мнѣ раждается неизвѣстная къ вамъ привязанность, заставляющая меня васъ любить и почитать. Я васъ знаю, не болѣе какъ и вашего знакомца, котораго я въ первой разъ съ вами увидѣлъ; однакожъ я скорѣе почувствовалъ расположенїе къ вамъ, а не къ нему. Достоинства его можетъ быть не хуже вашихъ, но онѣ меня не тронули. И по чему не ощущаю я въ себѣ таковыхъ чувствованїй къ нему, какїя возъимѣлъ къ вамъ, и для чего я вамъ отдалъ предъ нимъ преимущество, того я вовсе не знаю.

(3) *Симпатїю можно назвать сходствомъ сердецъ, а антипатїю отчужденїемъ оныхъ.*

Монтань называетъ симпатїю основанїемъ дружбы, а антипатїю источникомъ ненависти. Дружество, основываяся на взаимной довѣренности и выгодахъ дружащихся, есть состоянїе такое, въ которомъ посредствомъ обхожденїя обѣ стороны тѣмъ пользуются. Оно почитается всеобщимъ и никого не поставляетъ ни выше ни ниже себя. И такъ, продолжаетъ сей Авторъ, естьли бы кто спросилъ меня, почему я сего, а не инаго человѣка люблю? то бы я на сїе отвѣтствовалъ, что онъ есть онъ, а я есмь я. Впрочемъ я думаю, что дружество есть нѣчто превыше моего понятїя, или неудобоизъяснимое нѣкое, такъ сказать, соединенїе сердецъ. Мы по единому тайному стремленїю и по взаимному нѣкоему пристрастїю, обладающему нашимъ разумомъ, столько становимся преданными другъ другу, что я не иначе долженъ почитать сїю преданность, какъ внушенїемъ самыми небесами. Мы иногда на первой встрѣчѣ и при вели-

ликомъ множествѣ людей дѣлаемся въ человѣкомъ совсѣмъ незнакомымъ столь коротко знакомыми, что кажется, будто мы и воспитаны были одною матерью, и будто вѣкъ жили другъ съ другомъ.

Антипатїя познается также по своимъ дѣйствїямъ; причины же, отъ которыхъ она происходитъ, суть столь мало извѣстны, какъ и начала симпатїи. Я тебя не люблю Зоилъ, говоритъ Марцїалъ, а за что, того и самъ не вѣдаю, да не могу ничего болѣе и привести въ оправданїе въ томъ, какъ только то, что я тебя не люблю. Подобнымъ образомъ и Грацїанъ не изъяснилъ точно, что должно разумѣть подъ именемъ антипатїи, но даетъ объ ней понятїе посредствомъ представленїя преужасныхъ тѣхъ слѣдствїй, которыя обыкновенно отъ оной раждаются и происходятъ. Ежели бы мы назвали антипатїю, говоритъ Марцїалъ, несходствїемъ сердечныхъ склонностей и чувствованїй, то чрезъ сїе не довольно бы еще объяснили ея свойство. Мы часто, говоритъ сей писатель, ненавидимъ человѣка и сами не зная тому причины, и ни мало не изслѣдовавъ ни худыхъ ни добрыхъ его качествъ. Сїя страшная и гнусная страсть не рѣдко поселяется въ сердцахъ великихъ людей, и подвергаетъ знатность ихъ немалому предосужденїю. Но болѣе всего заражается она въ простыхъ людяхъ, питающихъ въ себѣ ненависть противу знаменитыхъ особъ, служащихъ украшенїемъ всему отечеству. Антипатїя производитъ въ насъ сильную и непримиримую къ другимъ ненависть. Во утвержденїе же того представляю я здѣсь слѣдующїй достопамятный примѣръ:

Какъ

Какъ нѣкогда спросили молодаго Ганнибала, доколѣ онъ будетъ ненавидѣть Римлянъ? то онъ тотчасъ началъ топтать ногами землю, и когда отъ того поднялась великая пыль, тогда отвѣчалъ: я до тѣхъ поръ буду ненавидѣть Римлянъ, пока не превращу ихъ столицу въ подобный сему прахъ. Сія злоба не только была разорительна для Римлянъ, но и самъ Ганнибалъ заплатилъ за нее весьма дорого.

(4) *И знатные люди бываютъ подвержены низкой симпатіи.*

Подъ именемъ низкой симпатіи разумѣется склонность или пристрастіе къ такимъ дѣламъ, которыя совсѣмъ неприличны состоянію человѣка. Въ числѣ оныхъ полагаются особенныя и странныя привычки, гнусныя дѣйствія, прихоти и предосудительные обычаи. Геліогабалъ имѣлъ на примѣръ охоту ѣздить по городу Риму на колесницѣ, заложенной львами, и приказывалъ называть себя Сивиллою. Нарядившись Бахусомъ, часто прогуливался онъ въ фаэтонѣ, запряженномъ тиграми; иногда же ѣздилъ на двухъ оленяхъ, а иногда на четырехъ собакахъ. Императоръ Фирмъ, столько же любочестивый и тщеславный, какъ Геліогабалъ, ѣздилъ на строусахъ преужасной величины. Такія странныя прихоти ясно доказываютъ, что сіи Императоры не знали ни малѣйшей цѣны своего величества.

Есть еще другой родъ низкой симпатіи, которая усматривается въ людяхъ и простаго состоянія. На примѣръ нѣкоторые любятъ насѣкомыхъ, и набираютъ ихъ ежедневно великое множество; у нихъ находятся бабочки и червячки разныхъ цвѣтовъ. Въ какое время

къ нимъ ни зайди, всегда въ горести ихъ застанешь. Ежеминутно ворчатъ, бранятъ и досадуютъ на своихъ домашнихъ. Да какъ на нихъ и не сердиться, естьли бы вы только узнали, что терпятъ они отъ ихъ небреженія великой убытокъ. Какой же? Подойдите къ кому нибудь изъ нихъ ближе, вы увидите, что лежитъ на рукѣ: уже безъ дыханія и только лишь жизнь окончавшее насѣкомое. Да какоежъ это насѣкомое? Прекрасная бабочка, небрежно пойманная.

(5) *Благопріятствуемый симпатіею человѣкъ можетъ до высочайшей степени чиновъ въ короткое время достигнуть.*

Государи, говоритъ нѣкоторой писатель, вѣдая, что между ими и ихъ подданными нѣтъ никакого равенства, а поелику безъ равенства дружбы не льзя быть, то они, желая вкушать пріятность оныя, вздумали возводить на высокіе чины и достоинства тѣхъ особъ, къ коимъ чувствуютъ симпатію. Но де ла Брюеръ ни мало не завидуетъ участи такихъ людей. Пускай, говоритъ онъ, Королевскій любимецъ будетъ щастливъ во всю свою жизнь. Пускай насыщается онъ Государевыми милостями, будетъ занимать первѣйшую должность, и соберетъ для себя неизчетныя сокровища. Но какой долженъ онъ будетъ дать отчетъ своей совѣсти! Онъ имѣетъ отвѣчать за всѣ данные, или умышленно утаенные совѣты, а особливо за то, что бывши на такомъ высокомъ мѣстѣ, не сдѣлалъ онъ людямъ никакого добра. Словомъ, за каждую протекшую въ благоденствіи минуту, за каждой въ минутѣ учиненный поступокъ будетъ онъ приносить оправданіе въ судилищѣ Вышняго.

ГЛАВА XIX.

О томъ, что злобная критика кладетъ хулу даже и на самое прямое иройство.

Хотя Ирои находятся и въ безопасности отъ Аѳинскаго Острацизма, однакожъ никакъ не могутъ избѣжать критики ненавистной (1). Она ихъ навѣрно удалила бы и изгнала вонъ изъ отечества, естьли бы только имѣла соразмѣрную несправедливости и насильству оной силу. Къ такому-то характеру отношу я всѣ хулы, изрыгаемыя Зоилами противу невиннаго иройства. Зависть охуждаетъ часто и такихъ на свѣтѣ людей, въ коихъ она не находитъ ничего предосудительнаго. Для нее довольно и одного неумышленнаго проступка, дабы опорочить всю жизнь и помрачить славу великаго мужа. Зависть и злоба суть такія двѣ страсти, для удовлетворенія коихъ поносятся невиннѣйшія въ свѣтѣ достоинства. Онѣ, будучи подобны двумъ жестокимъ Гарпіямъ, устремляются на лучшее въ мірѣ. Это ихъ самая пища (2).

И въ самомъ дѣлѣ есть столь злобные и недоброжелательные въ свѣтѣ люди, что умѣютъ они обезображивать и самыя похвальныя качества, обезславливать чистѣйшія добродѣтели, и опорочивать полезнѣйшія и справедливѣйшія намѣренія. Они ядоносными своими устами стараются обезчестить

всякое добро, усматриваемое вѣ подобныхѣ себѣ человѣкахѣ, такѣ что изрыгать на всѣхѣ хулы есть единственное ихѣ ремесло и такое упражненіе, вѣ которомѣ они денно и нощно отличать себя ищутѣ (3); почему и говорятѣ политики, что разумному человѣку должно показывать вѣ поведеніи своемѣ нѣкоторое небреженіе, дабы злоба завистниковѣ, подхватя такую малость, могла ею занявшись, забыть трогать поношеніемѣ своимѣ дѣла того важнѣйшія (4). Они называютѣ сіе противоядомѣ, препятствующимѣ дѣйствовать настоящей отравѣ. Злоба, говорятѣ они, останавливаясь со всею своею ядовитою силою надѣ маловажною такою погрѣшностію, забываетѣ поносить истинныя достоинства и заслуги. Да и умышленная такая погрѣшность не можетѣ никакѣ обращена быть вѣ истинной порокѣ. Впрочемѣ же не случается ли иногда и то, что природный недостатокѣ составляетѣ отмѣнное украшеніе человѣка? На примѣрѣ небольшое пятнышко вѣ пристойномѣ мѣстѣ нашего лица не только не безобразитѣ онаго, но придаетѣ ему еще иногда красоту и пріятность. Такожѣ не бываютѣ ли вѣ человѣкѣ и такіе пороки и недостатки, которые вовсе перестаютѣ быть таковыми, когда будетѣ онѣ показывать ихѣ вѣ приличныхѣ обстоятельствахѣ по состоянію своему и мѣсту? Сказываютѣ, что Алцибіадѣ столь-

столько искусенъ былъ въ обхожденіи, что всегда обращалъ природные свои недостатки въ свою пользу. Подобнымъ образомъ и Овидій мѣшалъ разныя шутки въ своихъ стихахъ на то, дабы тѣмъ дразнить завистливыхъ людей, и не дать имъ заниматься критикованіемъ такихъ въ сочиненіи своемъ мѣстъ, за которыя надѣялся онъ пріобрѣсть себѣ настоящую съ похвалою славу.

Но какъ представляемая сія политиками предосторожность основывается болѣе на тщеславіи и надменности, то и почитаю я ее совсѣмъ безполезною больше и по тому, что и самое солнце подвержено затмѣніямъ. Алмазъ наилучшій и драгоцѣннѣйшій изъ камней не имѣетъ ли на себѣ пленочекъ, не избѣгающихъ нашего зрѣнія? Царица цвѣтовъ, роза, не осыпана ли колючими иглами? Тамъ конечно ненужно искусство, гдѣ одна природа взялась усовершенствовать вещь. Оно какъ бы ни было совершенно, являетъ въ себѣ недостатки и слабости, и простому нашему зрѣнію видныя. Натура же сама при умственномъ созерцаніи оной не имѣетъ въ исправленіи надобности.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Совершенное иройство не можетъ критики избѣжать.*

Остракизмомъ назывался у Аѳинянъ такой приговоръ, по которому знаменитые или высокихъ и отмѣнныхъ достоинствъ люди, сдѣлавшись по силѣ и знатности подозрительными республикѣ, были заточаемы или изгоняемы изъ своего отечества. Симъ образомъ поступаемо наиболѣе было съ такими людьми, коихъ знатность и заслуги наводили народу страхъ и опасность такую, чтобы они при помощи своего могущества не покусились на вольность согражданъ, и великимъ своимъ предъ всѣми преимуществомъ не превратили бы республику въ самовластное правленіе. Политика Остракизма состояла въ томъ, чтобы завистниковъ знатной какой нибудь особы удовлетворить ссылкою въ заточеніе оной. А какъ ссылка сія назначалась не за пороки или какія преступленія, то патріоту, подвергнувшемуся Остракизму, не только не причиняла она стыда, но приносила еще немалую и честь. Продолжалась же оная чрезъ цѣлыя десять лѣтъ сряду, во время которыхъ знатной вельможа, высланный изъ своего отечества, могъ безпрепятственно пользоваться всѣми принадлежащими ему въ отечествѣ доходами. Самаго сего вельможу называли тоже иногда Остракизмомъ, потому что народъ при подаваніи голосовъ для его изгнанія написывалъ имя его на раковинахъ. Таковымъ образомъ изгнанъ былъ изъ отечества Аристидъ за свою справедливость и за то доброе имя, что его всѣ называли правосудомъ. Для со-

совершеннаго Остракисма требовалось шесть тысячь гражданскихъ голосовъ; когда же къ сему числу сколько нибудь оныхъ не доставало, то Остракизмъ былъ недѣйствительный и никоимъ образомъ не могъ произведенъ быть въ дѣйство. И такъ зависть была дѣйствующею пружиною Аѳинскаго Остракизма.

(2) *Зависть и злоба суть такія страсти, отъ которыхъ поносятся невиннѣйшія дѣянія въ свѣтѣ.*

Зависть, говоритъ Аглинской Епископъ Коліеръ, есть такая души болѣзнь, которая происходитъ отъ добра или совершенствъ, усматриваемыхъ въ ближнемъ нашемъ. А понеже предметъ сея страсти есть очевидное добро, то и надлежало бы ей быть болѣе полезною и пріятною, нежели вредною людямъ; пагубною же представляется она по тому, что мы взираемъ на оную не съ настоящей ея стороны; ибо сама по себѣ не есть она зловредна, но дѣлается такою въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то есть тогда, когда завистникъ, находя себя предъ достоинствами ближняго малымъ и низкимъ, начинаетъ оныя въ немъ порочить или и вовсе не признавать. Вельможи и старые чиновники не терпятъ новыхъ, потому что возвышеніе послѣднихъ трогаетъ нѣкоторымъ образомъ первыхъ знатность, и уменьшаетъ ихъ славу, а чрезъ то приводитъ ихъ въ огорченіе на оныхъ. А хотя таковой поступокъ есть въ самомъ дѣлѣ не похваленъ и низокъ, однакожъ все-таки основывается на побудительныхъ, хотя и весьма пред

 осу-

осудительныхъ причинахъ, а особливо въ такомъ случаѣ, когда заслуги нововозведеннаго въ чины суть самыя посредственныя. Впрочемъ ежели человѣкъ, хотя и самаго низкаго состоянїя, прїобрѣтаетъ себѣ честь истинными достоинствами и отмѣнными обществу заслугами, то для чего не быть ему столько же почитаему и похваляему, какъ и старымъ вельможамъ? Для чего завидовать благосостоянїю другаго, и не признавать въ немъ добродѣтели такїя, которыя онъ дѣйствительно въ себѣ имѣетъ? Это знакъ безумной злости и неизвинительной несправедливости, какъ такого поноснаго порока, которой устремляется противу всякаго добра, когда кто упрямится отдавать достойному честь.

Понеже зависть, говоритъ Епископъ Колїеръ, происходитъ отъ малодушїя, слабоумїя и отъ наполненнаго коварствомъ и злобою сердца, которое снѣдаетъ самаго себя, взирая на добродѣтели, на добрыя свойства, благоденствїе и на щастїе всякаго человѣка, то она нарушила бы весь порядокъ въ свѣтѣ, и поставила бы все вверьхъ дномъ, естьли бы толико имѣла власть онымъ владычествовать; даже наполнила бы она ядомъ самый воздухъ, дабы добродѣтельные и щастливые люди не могли онымъ дышать и питаться. Она изгнала бы изъ домовъ ихъ миръ и тишину, а возставила бы вмѣсто того несогласїе, раздоръ и междоусобїе. Великїя дѣла и предпрїятїя, коими возвеличиваются и блистаютъ знаменитые люди, на примѣръ военныя, гражданскїя и ученыя, были бы ею поносимы и охуждаемы. Прилѣжность, ревнованїе къ добру и служить ревностно своему отечеству причла

бы

бы она въ порокъ и заблужденіе. Слѣдовательно кромѣ низкихъ душъ и кромѣ нещастныхъ и презрительныхъ людей, лишенныхъ всѣхъ преимуществъ какъ природныхъ, такъ и пріобрѣтенныхъ, никто бы не могъ жить въ безопасности, и наслаждаться спокойствіемъ. Между тѣмъ отвратительная сія страсть безпрестанно терзаетъ и мучитъ сама себя. Для нее нѣтъ ни одного дня, ни одного часа и ни единой покойной минуты, въ которую бы она не вымышляла разные способы къ причиненію другимъ обиды. Она подобна булучи червю, протачиваетъ кости ненавистниковъ, и изъявляетъ на лицѣ ихъ великое отчаяніе. Печальный и скучный ихъ видъ, равно какъ и чело ихъ, усѣянное злостными морщинами, довольно доказываютъ, сколь много пожираетъ и мучитъ ихъ несносная сія болѣзнь. Прочія страсти, сколько бы онѣ въ самомъ дѣлѣ ни были несправедливы и беззаконны, однакожъ наружностію своею иногда къ себѣ привлекаютъ и приманиваютъ. Славолюбіе на примѣръ, сластолюбіе, даже и самое сребролюбіе заключаютъ въ себѣ для любимцовъ сихъ пороковъ нѣкоторое удовольствіе; ненависть же напротивъ того столько есть омерзительна, что во всякомъ раждаетъ неудовольствіе и досаду на себя и на другихъ.

(3) *Есть люди, упражняющіеся въ злохуленіи и въ наученіи себя оному денно и нощно.*

Люди, раздѣляяся между собою на общества или на партіи, возстаютъ другъ противъ друга. Одни, читая какого нибудь писателя, и находя сочиненія его по своему вкусу, приписываютъ ему великія похвалы; другіе же сего

самаго Автора поносятъ и осмѣиваютъ, хотя бы оной въ самой вещи достоинъ былъ хвалы. Таковыя собранія и скопища людей наиболѣе критикуютъ стихотворцовъ и новыхъ Философовъ, и чрезъ споры свои и колкія разсужденія столько огорчаютъ сихъ писателей, что потерявъ они къ большему въ наукахъ упражненію охоту, вовсе отстаютъ отъ своихъ предпріятыхъ трудовъ, которыми бы принесли можетъ быть превеликую обществу пользу. Ибо когда похвалятъ Авторово сочиненіе, то раждается въ немъ невѣроятное къ наукамъ рвеніе; напротивъ же того отъ хулы и злословія весь его жаръ и вся горячность къ нимъ погасаютъ при первомъ своемъ возрожденіи. Можетъ быть, что мы въ наши времена видѣли бы наилучшія творенія во всякомъ родѣ учености, естьли бы критика не препятствовала упражняющимся въ наукахъ продолжать свои труды. А за то и можно злослововъ и завистниковъ такими преступниками называть, которые за тѣмъ, что по исправленію ихъ не предвидится ни малой надежды, стоятъ вѣчнаго изжененія изъ числа добрыхъ людей. Они весьма достойны участи тѣхъ, которыхъ одинъ Государь выбравъ изъ всего народа, сослалъ на пустое мѣсто и построилъ для нихъ городъ, назвавъ его по свойству ихъ дѣлъ, повелѣвая имъ никогда не выходить изъ него, и не имѣть сообщенія съ прочими его подданными.

(4) *Надобно показывать въ поведеніи нѣкое небреженіе, дабы злоба, подхватя малое, оставила безпокоить въ большомъ.*

Хотя опытные и искусившіеся въ политическихъ дѣлахъ люди, желая оградить и защи-

щитить от злословов истинныя душевныя достоинства, и советуют воспринимать противу них сию предосторожность, однакож Грациан почитает ее совсем безполезною. Искусство, говорит он, потребно только там, где природныя силы оказываются недействительны и недостаточны. Можно ли найти такое совершенство, которое бы было превыше всякаго охуждения? Да и между самыми людьми сыщется ли хотя один человек, которой бы не имел в себе как душевных, так и телесных каких недостатков. Мудрецы и Философы, жалующиеся на несовершенства наилучших в свете вещей! не видите ли вы, что малое облако никогда не затмевает солнечных лучей, равно как и черныя крапивки, усматриваемыя на белом лице, не делают ему никакого безобразия? И так ежели злословы и приметят в поведении нашем какие нибудь маловажные пороки, то можно тогда прибегнуть к средствам, способствующим в истреблении оных, и в поправлении себя от недостатков таких. Мы должны в таком случае подражать Юлию Цесарю, которой, будучи вовсе плешив, закрывал и украшал голую свою голову лавровыми венками.

Где можно найти такого человека, говорит Сент-Эвремонт, которой бы мог заградить уста ненависти? Я знал, продолжает он, столь честных и добродетельных людей, что обращаясь с ними в компаниях, никак не мог не удивляться приятному и человеколюбивому их характеру. Они были весьма умеренны, а снисходительны до того, что всячески старались хва-

хвалить, даже и собственныхъ своихъ злодѣевъ, дабы чрезъ разсѣеванїе добраго объ нихъ отзыва отвратить ихъ отъ причиненїя себѣ злодѣянїя и вреда. Тому надлежало быть чрезвычайно дику и злонраву, которой бы не возчувствовалъ ихъ добросердечїя, и не тронулся ихъ благонравїемъ. Однакожъ сыскались такїе завистливые духи, которые не преминули назвать высокую ихъ добродѣтель хитростїю и коварствомъ, и старались всемѣрно повредить ихъ честь, хотя въ томъ и не имѣли никакого успѣха.

Буало описываетъ завистливыхъ людей въ стихахъ своихъ слѣдующимъ образомъ: Хотя слава моя и не очень далеко разпространилась, однакожъ злобнымъ душамъ сдѣлалась она весьма несносною. Правда, что вольнодумство и слишкомъ откровенныя мои мысли возставили многихъ противу меня злодѣевъ, но злодѣевъ, могу сказать, мнѣ не безполезныхъ. Ибо я долженъ ненависти ихъ несравненно болѣе, нежели всѣмъ похваламъ, приписываемымъ слабому и посредственному моему дарованїю во всей Францїи. Изливающїйся ихъ на меня ядъ заставлялъ меня во всякой часъ и при всякомъ шагѣ столько быть осторожнымъ, что я не писалъ ни одной строки безъ вниманїя и безъ размышленїя. Когда же при пересматриванїи моихъ сочиненїй находились въ нихъ нѣкоторыя ошибки, то переправляя оныя, благодарилъ я злобныхъ людей за то, что побудили они меня писать исправнѣйшимъ и чистѣйшимъ слогомъ. Слѣдовательно я изцѣлялся отъ ранъ моихъ чрезъ ихъ лѣкарства, а тѣмъ, что исправлялся я отъ моихъ погрѣшностей, раздражалъ и бѣсилъ я ихъ до безконечности.

ГЛА-

ГЛАВА XX.

О последнемъ совершенствѣ Ироя.

Всякое просвѣщенiе и свѣтъ исходятъ отъ Всевышняго, которыя онъ изливаетъ на людей яко отецъ на своихъ чадъ. Добродѣтель же, будучи дщерiю просвѣщенiя и свѣта, составляетъ славу и украшенiе человѣка, а пороки, яко чудовища, изверженныя изъ чрева тьмы, дѣлаются источникомъ безобразiя и поношенiя. Почему и Ирой никакъ не можетъ назваться Ироемъ, ежели онъ не будетъ добродѣтеленъ. Истинное величiе сопряжено съ добродѣтелiю, равно какъ и добродѣтель неминуемо должна быть соединена съ величiемъ (1). Двѣ сiи вещи по взаимному между собою союзу всегда бываютъ неразлучны. Правда, что онѣ раздѣлены были въ Саулѣ, въ Давыдѣ же напротивъ того соединялись тѣснѣйшимъ союзомъ.

Константинъ, сдѣлавшись Христiаниномъ, былъ первый изъ Римскихъ Императоровъ, котораго назвали Великимъ. Сiе наименованiе внушало свѣденiе всѣмъ его потомкамъ, что въ немъ совершенное иройство до тѣхъ поръ было не признаваемо, пока онъ не сдѣлался Христiаниномъ. Карлъ I Французскiй Императоръ получилъ наименованiе Великаго за то, что добрыми своими дѣлами старался уподобиться Святымъ. Лудовикъ IX честь и украшенiе Христiаннѣйшихъ

шихъ Королей, заслуживалъ наибольшее предъ другими удивленіе, потому что къ высокой своей святости присоединялъ онъ всѣ добрыя качества великаго Монарха.

Въ Испаніи Фердинандъ, называемой отъ простаго народа Святымъ Кастильскимъ, почитался также великимъ Государемъ. Завоеватель Аррагоніи посвятилъ Божіей Матери столько же великолѣпныхъ храмовъ, сколько одержалъ надъ непріятелями славныхъ побѣдъ. Король Фердинандъ и Королева Изабелла супруга его, изъ коихъ одинъ Ирой, а другая Ироиня, были непоколебимѣйшіе столпы Христіанской вѣры. Филиппъ III, набожный и благочестивый Государь въ разсужденіи закона, добрый и милостивый въ разсужденіи народа, истребилъ примѣрнымъ благонравіемъ, смиреніемъ и непорочною своею жизнію несравненно болѣе пороковъ, нежели сколько Геркулесъ могъ перебить своею дубиною чудовищъ чрезъ всю свою жизнь. Наставляемъ будучи добродѣтелію, управлялъ онъ съ великою славою не только обширнѣйшимъ государствомъ Европы, но и не допускалъ оное до раздѣленія, къ которому оно очевидно клонилось.

Между великими Полководцами Годфридъ Бульонскій, Георгій Кастріотъ, Родригъ Діацъ де Виваръ, Гонзалъ Фернандо и Донъ Жуанъ Австрійской были также примѣрные образцы добродѣтелей, и живые, такъ сказать

зать, храмы Христіанскаго благочестія. Между же самодержавными священноначальниками Григорій и Левъ, праведные мужи, не первые ли заслужили за свою въ благочестіи проведенную жизнь именованіе Святыхъ? Чтожъ касается до языческихъ и идолопоклонническихъ Ироевъ, то блаженный Августинъ Великій, высокій оный умъ, говаривалъ, что нравственная добродѣтель всегда способствовала имъ восходить на высокіе степени достоинствъ (2). И въ самомъ дѣлѣ Александрова слава ежедневно возрастала и обращала на него удивленіе до тѣхъ поръ, пока страсти его не сдѣлались необузданными, пока онъ не обезславилъ пороками своихъ завоеваній и не пришелъ въ презрѣніе какъ у своихъ подданныхъ, такъ и у иностранныхъ. Равнымъ образомъ Алкидъ, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ мудрецовъ, тогда только носилъ на себѣ имя славнаго побѣдителя чудовищъ, когда еще не предался сластолюбію и не былъ ослѣпленъ любовною страстію. Нероны же, Калигулы, Сарданапалы и Родриги обезславили величество свое безчеловѣчіемъ и жестокостію, и сдѣлались чрезъ то ужасомъ и мерзостію рода человѣческаго. Такаяжъ участь постигаетъ иногда и цѣлыя государства, когда онѣ приходятъ въ безславіе, по причинѣ усилившихся въ нихъ пороковъ и развратностей. Цвѣтущая и славящаяся силою своею нація наводитъ страхъ

со-

сосѣднимъ народамъ до тѣхъ только поръ, пока въ ней ревностно соблюдается религія и благочестіе; когда же она начнетъ предаваться развращенію, а народъ пустится въ роскоши и пороки, тогда неминуемо долженъ обезсилѣть и сдѣлаться добычею храбрыхъ и сильныхъ сосѣдей. Звѣрское Родригово бѣшенство не разстроило ли самое лучшее и самое благоучрежденное въ свѣтѣ государство, такъ что естьлибъ благочестіе Пелагія и горячность къ вѣрѣ Фердинанда не послужили къ возстановленію онаго, то едва ли бы когда нибудь пришло оно опять въ цвѣтущее свое состояніе. Величество Австрійскаго дома конечно утверждено на незыблемыхъ началахъ вѣры и храбрости, которую показывали въ себѣ первые его основатели, и сіе величество безъ сомнѣнія пребудетъ непоколебимымъ до тѣхъ поръ, пока помянутыя два основанія, поддерживающія силу и могущество сего великаго государства, не будутъ потрясены и разрушены развратностію нравовъ народныхъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Истинное величіе сопряжено съ добродѣтелію, равно какъ и добродѣтель должна быть соединена съ величіемъ.*

Граціанъ раздѣляетъ добродѣтель на Христіанскую и нравственную. Первая дѣлала великими Христіанъ, послѣдняя язычниковъ. Христіанскую добродѣтель полагаетъ онъ основаніемъ истиннаго величества, на которой утверждаются всѣ Ироевъ преимущества. Верьховное Существо есть первое ея начало. Она исходитъ отъ него, какъ отъ источника всякаго блага, и по томъ опять возвращается къ нему, для полученія отъ него достойнаго награжденія. Когда человѣкъ сказывается великимъ въ добродѣтеляхъ и заслуживаетъ титло сіе по самой истиннѣ и справедливости, тогда самъ Богъ признаетъ его достойнымъ похвалы; и сіе признаніе не есть ли тотъ вѣнецъ, которымъ онъ вѣнчаетъ Ироя за его добрыя дѣла? Блаженство, сопряженное съ существомъ добродѣтелей, предоставлено однимъ добрымъ людямъ, знающимъ настоящую ихъ цѣну и превосходство. И самые порочнѣйшіе, признавая внутренно ея доброту, принуждены бываютъ отдавать ей надлежащую справедливость и почитаніе. Они не рѣдко желаютъ слыть добродѣтельными по одному честолюбію и по тайному нѣкоему къ ней влеченію, но благородныя упражненія и знаменитые въ разсужденіи укрощенія страстей подвиги, которыхъ она отъ насъ требуетъ, столько ихъ утомляютъ и приводятъ въ изнеможеніе, что всегда они тупѣютъ въ начинаніяхъ своихъ. (2)

(2) Нравственная добродѣтель способствовала идолопоклонникамъ восходить на высокую степень достоинствъ.

Понеже слава и величество должны основываться на добродѣтели, то и надлежитъ различать истинную славу и прямое величество отъ ложнаго или мнимаго. Быть на примѣръ богатымъ, и имѣть возможность мстить своимъ злодѣямъ, выходить изъ границъ благопристойности чрезъ нахальство и продерзости, и стоять на такой ногѣ, чтобы можно было избыть отъ всѣхъ наказанiй, предписываемыхъ законами, не только не есть величество, но означаетъ безумiе и сумазбродство. Неблагоразумно также поставлять величество и въ великолѣпныхъ зданiяхъ и пышныхъ уборахъ, которые отъ долговременности согниваютъ и разрушаются. А потому изъ вышесказаннаго явствуетъ и то, что знатное поколѣнiе и знатный родъ никакъ не составляютъ величества. Ежели потомки хвалятся знатнымъ происхожденiемъ своихъ предковъ, а сами не оказали никакихъ славныхъ отечеству услугъ, то сiе тщеславiе нанесетъ имъ только стыдъ и безчестiе; ибо величiе происходитъ не отъ знатнаго роду, но отъ однихъ иройскихъ добродѣтелей.

Короче сказать, безъ добродѣтели и безъ ея содѣйствiя не можно прiобрѣсти ни истинной славы, ни истиннаго величества. Безъ нее превращается во зло всякое добро, хотя бы оно было малое или великое, ложное или справедливое. Богатство дѣлаетъ насъ сребролюбивыми или расточительными мотами. Вели-

Великолѣпныя наши зданія и домы заставляютъ насъ презирать бѣдныхъ и нищихъ. Великое число служителей, ласкающихъ нашему честолюбію, пріучаетъ насъ обходиться съ ними какъ съ истинными невольниками. Мужество и храбрость наша нерѣдко претворяются безъ добродѣтелей въ несправедливость и жестокость. Безъ нее высокая порода приводитъ въ такую безпечность, что превозносясь добродѣтелями своихъ предковъ, не стараются потомки прославлять себя никакими заслугами и достоинствами.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Х ГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

